

РЭУ.РФ

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.В. ПЛЕХАНОВА

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

Том 8, № 4 (36), 2023

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лобанов Иван Васильевич – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Алиев Назим Талат оглы – майор полиции, доктор юридических наук

Аликперов Ханлар Джафарович – директор Центра правовых исследований (Азербайджан), доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Брандштеттер Вольфганг – руководитель Института австрийского и европейского экономического уголовного права Венского университета экономики и бизнеса, доктор права, профессор

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Василькова Светлана Витальевна – декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», директор Научно-исследовательского центра (НИЦ) «Сравнительного правоведения и стратегических инициатив развития национального топливно-энергетического комплекса», кандидат юридических наук

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Георг Става – член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент Национальной академии наук Азербайджана, академик НАНА, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Гарагурбанлы Рамин Афад оглы – член Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья апелляционного суда Азербайджанской Республики, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – заместитель министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

ECONOMICS LAW SOCIETY

EDITORIAL BOARD

Lobanov Ivan Vasilievich – Chairman of the Editorial Board, Rector of Plekhanov Russian University of Economics, PhD of Law, Associate Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Aliiev Nazim Talat ogly – Police Major General, Doctor of Law

Alikperov Khanlar Jafarovich – Director of the Center for Legal Studies (Azerbaijan), Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Brandstetter Wolfgang – Head of the Institute for Austrian and European Economic Criminal Law at the Vienna University of Economics and Business, Doctor of Law, Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Vasilkova Svetlana Vital'evna – the Dean of the Faculty of Law of Saint Petersburg State Budget Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State Economic University, Director of the Research Center (SIC) «Comparative Law and Strategic Initiatives for the Development of the National Fuel and Energy Complex», PhD in Law

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Georg Stawa – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor

Garagurbanly Ramin Afad ogly – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of the Court of Appeal of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad ogly – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, ректор Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – и. о. директора Высшей школы права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кнежевич Златко – судья Конституционного суда Боснии и Герцеговины

Крюкова Нина Ивановна – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Мазур Иван Иванович – председатель правления АО «РАО Роснефтегазстрой», доктор технических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Минашкин Виталий Григорьевич – проректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Мирмохаммади Мостафа – руководитель группы международного права и прав человека Университета Мофид (Иран), доктор юридических наук, профессор

Мустафазаде Айтен Инглаб кызы – доктор юридических наук, профессор

Плигин Владимир Николаевич – председатель Ассоциации юристов России, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, иностранный член Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Dovnar Taisiya Ivanovna - Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Deputy Chairman of the Standing Committee on Legislation of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Rector of the Belarusian State University of Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Vice-rector, Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Acting Director of the Higher School of Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Science Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Knežević Zlatko – Judge of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina

Kryukova Nina Ivanovna – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Lisitsin-Svetlanov Andrey Gennadievich – Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mazur Ivan Ivanovich – Chairman of the Board of JSC «RAO Rosneftegazstroy», Doctor of Engineering Science, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Minashkin Vitaly Grigorievich – Vice-Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mirmohammadi Mostafa – Director for International Law and Human Rights Group, Mofid University (Iran), Doctor of Law, Professor

Mustafazade Ayten Inqlab qizi – Doctor of Law, Professor

Pligin Vladimir Nikolaevich – Chairman of the Association of Lawyers of Russia, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the International Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region Countries, Foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of law, Professor

Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истине, доктор политических наук
Свечникова Наталья Викторовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент
Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор
Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор
Яблочкина Ирина Валерьевна – и. о. директора Высшей школы социально-гуманитарных наук, профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science
Svechnikova Natalia Viktorovna – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, PhD in Law, Associate Professor
Fatyantov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor
Yablochkina Irina Valerievna – Acting Director of the Higher School of Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного цитирования

Подписка по каталогу Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 71162

Адрес редакции:

109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru
Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместители главного редактора: **А. М. Белялова,**
К. И. Налетов, Н. В. Свечникова
Ответственный секретарь **М. О. Румянцева**
Редактор **А. Э. Максаева**
Оформление обложки **Ю. С. Жигалова**
Подписано в печать 22.12.2023. Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 22,75. Усл. печ. л. 21,16. Уч.-изд. л. 21,18.
Тираж 500 экз. Заказ .
Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

The journal was included in the List of leading scientific journals
and publications of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by 'Ural-Press' catalogue.
Index 71162

Editorial office address:

36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru
Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editors: **A. M. Belyalova, K. I. Naletov,**
N. V. Svechnikova
Executive Secretary **M. O. Rumyantseva**
Editor **A. E. Maksaeva**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**
Signed in print 22.12.2023. Format 60 x 84 1/8.
Printed sheets 22,75. Conv. sheets 21,16. Publ. sheets 21,18.
Circulation 500. Order .
Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория государства и права

Аликперов Х. Д.

Научное наследие профессора Д. А. Керимова как неиссякаемый источник
новых открытий в теории права 9

Гражданское право

Эрделевский А. М.

О некоторых вопросах компенсации морального вреда 14

Казанина Т. В., Кузнецова Е. А.

Язык гражданского закона: некоторые подходы
к направлениям исследования, специфические особенности и новации 23

Егупов В. А.

Акционерные общества как субъекты предпринимательской деятельности:
теоретико-правовое осмысление и исследование 30

Осташевич И. О.

К вопросу о бенефициарном владельце юридического лица, доли (акции) которого
входят в состав закрытого паевого инвестиционного фонда 35

Трофимов И. П.

Ответственность единоличного исполнительного органа
при принятии участником общества решения об утилизации товара 41

Харьков В. С.

Проблемы применения смарт-контрактов в гражданском обороте 47

Будаева В. М.

Правовая характеристика законных платежных средств 55

Храмушин В. В., Шабашова М. Г.

Современные направления совершенствования договорных отношений в сфере госзакупок
в условиях цифровизации предпринимательской деятельности 61

Кресс В. В.

Цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта
и криптовалюта: проблемы правового содержания и взаимодействия 66

Цифровые технологии и право

Венгеровский Е. Л., Шайдуллина В. К.

Использование цифровых прав в условиях санкций: правовой аспект 72

Рубцов И. А.

Особенности правового регулирования технологий искусственного интеллекта
в области телемедицины в России 78

Конституционное право

Капитанов К. И.

Теоретические аспекты планирования законопроектной деятельности
в субъектах Российской Федерации 85

Административное право и процесс

Румянцева М. О.

О некоторых проблемных аспектах производства по делам об оспаривании
в арбитражных судах решений административных органов
о привлечении к административной ответственности 92

Экологическое право

Ращупкина Л. В., Касаткина Е. А., Солоухина С. В.

Теоретические аспекты экологического правопорядка 99

Инвестиционное право	
Крохина Ю. А.	
Проблемы правового обеспечения инвестиционного взаимодействия в условиях экономических санкций	106
Тюрин И. В., Федорова И. А.	
Сохраняющиеся теоретические и практические проблемы понимания и реализации норм правового института соглашений, заключаемых между частными инвесторами и публичными партнерами	113
Спортивное право	
Курбанов Р. А., Зульфугарзаде Т. Э.	
Правовые средства оптимизации взаимодействия российских субъектов спорта с международными спортивными организациями в условиях применения спортивных санкций, связанных с отстранением российских спортсменов от участия в международных спортивных мероприятиях	126
Мохаммад Сарвар М. А.	
Частноправовые аспекты отношений в области спорта с иностранным элементом	138
Международное право	
Клюшник М. О.	
Особенности становления права Евразийского экономического союза	147
Уголовное право и процесс	
Письменная Е. Е., Русанова Е. И.	
Девиантное поведение мигрантов и лиц без гражданства в России: динамика и структура миграционной преступности, механизмы межстрановой регуляции	153
Волосова Н. Ю., Пронькина О. Д.	
Об ограничении адвокатской тайны: постановка проблемы	167
Макеева И. В.	
Новеллы уголовно-процессуального законодательства о следственных действиях	174
Требования к публикациям	180

CONTENTS

Theory of State and Society

Alikperov Kh. D.

Professor Kerimov's Scientific Patrimony as an Inexhaustible Source
of New Discoveries in the Theory of Law 9

Civil Law

Erdelevsky A. M.

About Some Issues of Compensation for Moral Damage 14

Kazanina T. V., Kuznetsova E. A.

The Language of Civil Law: Some Approaches to Research Directions,
Specific Features and Innovations 23

Egupov V. A.

Joint-Stock Companies as Business Entities:
Theoretical and Legal Understanding and Research 30

Ostashevich I. O.

On the Question of the Beneficial Owner of a Legal Entity with its Shares Being Part
of a Closed Mutual Investment Fund 35

Trofimov I. P.

Responsibility of the Sole Executive Body when a Participant of the Company
Makes a Decision on the Disposal of Goods 41

Kharkov V. S.

Problems of Application of Smart Contracts in Civil Turnover 47

Budaeva V. M.

Legal Characteristics of Legal Means of Payment 55

Hramushin V. V., Shabashova M. G.

Modern Directions of Improvement of Contractual Relations
in the Field of Public Procurement in the Conditions of Digitalization
of Entrepreneurial Activity 61

Kress V. V.

Digital Rights, Digital Financial Assets, Digital Currency and Cryptocurrency:
Problems of Legal Content and Interaction 66

Digital Technology and Law

Vengerovskiy E. L., Shaidullina V. K.

Use of Digital Rights under Sanctions: Legal Aspect 72

Rubtsov I. A.

Features of Legal Regulation of Artificial Intelligence Technologies
in the Field of Telemedicine in Russia 78

Constitutional Law

Kapitanov K. I.

Theoretical Aspects of Planning of Law Drafting Activities in the Subjects
of the Russian Federation 85

Administrative Law and Proceedings

Rumyantseva M. O.

About Some Problematic Aspects of the Proceedings on Cases of Challenging Decisions
of Administrative Bodies on Bringing to Administrative Responsibility in Arbitration Courts 92

Ecology Law

Rashchupkina L. V., Kasatkina E. A., Soloukhina S. V.

Theoretical Aspects of Environmental Law and Order 99

Investment Law	
Krokhina Yu. A.	
Problems of Legal Support of Investment Interaction in the Context of Economic Sanctions	106
Tyurin I. V., Fedorova I. A.	
Continuing Theoretical and Practical Problems of Understanding and Implementing the Norms of the Legal Institution of Agreements Concluded Between Private Investors and Public Partners	113
Sports Law	
Kurbanov R. A., Zulfugarzade T. E.	
Legal Means of Optimizing the Interaction of Russian Sports Entities with International Sports Organizations in the Context of the Application of Sports Sanctions Related to the Suspension of Russian Athletes from Participating in International Sports Events	126
Mohammad Sarwar M. A.	
Private Law Aspects of Relations in the Field of Sports with a Foreign Element	138
International Law	
Klyushnik M. O.	
Features of the Formation of the Law of the Eurasian Economic Union	147
Criminal Law and Proceedings	
Pismennaya E. E., Rusanova E. I.	
Deviant Behavior of Migrants and Stateless Persons in Russia: Dynamics and Structure of Migrants' Crime, Cross-Border Regulation Mechanisms	153
Volosova N. Yu., Pronkina O. D.	
On the Limitation of Attorney-Client Privilege: Statement of the Problem	167
Makeeva I. V.	
Novelties of Criminal Procedure Legislation on Investigative Actions	174
Requirements to the Publications	180

Научное наследие профессора Д. А. Керимова как неиссякаемый источник новых открытий в теории права

Х. Д. Аликперов

доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований.

Адрес: Центр правовых исследований, Азербайджанская Республика, AZ 1073,

г. Баку, улица М. Мушвига, дом 2, офис 17.

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Professor Kerimov's Scientific Patrimony as an Inexhaustible Source of New Discoveries in the Theory of Law

Kh. D. Alikperov

Doctor of Law, Professor, Director of the Centre for Legal Research.

Address: Centre for Legal Research,

office 17, 2 M. Mushfiq str., Baku, AZ 1073, Azerbaijan Republic.

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

3 ноября 2023 г. в Национальной академии наук Азербайджана в г. Баку прошла международная научная конференция, посвященная столетию со дня рождения выдающегося ученого, академика Национальной академии наук Азербайджана, члена-корреспондента Российской академии наук, лауреата Государственной премии Азербайджана, народного депутата СССР (1989–1991), участника Великой Отечественной войны, доктора юридических наук, профессора Джахангира Аббасовича Керимова.

В работе конференции приняли участие заместитель президента Российской Академии наук (далее – РАН), директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик РАН, доктор юридических наук, профессор Т. Р. Хабриева, президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона, академик РАН, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор И. М. Раги-

мов, директор Института государства и права РАН, член Президиума РАН, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН А. Н. Савенков, главный редактор журнала «Экономика. Право. Общество», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России Р. А. Курбанов, заведующий кафедрой уголовного права Дальневосточного государственного университета, заслуженный деятель науки России, доктор юридических наук, профессор А. И. Коробеев, профессор кафедры уголовного права Академии Следственного комитета Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Ю. В. Голик, сын юбиляра – старший научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор А. Д. Керимов, уполномоченный по правам человека (омбудсмен) Азербайджана, кандидат юридических наук С. Я. Алиева, генеральный директор Института философии и социологии Академии наук Азербайджана, доктор философских наук, профессор И. Р. Мамедзаде, члены профессорско-преподавательского состава юридического факультета Бакинского государственного университета и многочисленные представители научной общественности Азербайджана.

Конференцию открыл президент Академии наук Азербайджана, академик Иса Габиббейли. Затем со вступительным словом к участникам научного форума обратилась академик РАН Та-

лия Хабриева, после чего были заслушаны доклады российских и азербайджанских ученых, которые в своих выступлениях подробно рассказали о жизненном пути академика Д. А. Керимова, его многогранной научной деятельности, неограниченном вкладе в развитие фундаментальных основ теории государства и права, в решение проблем методологии и философии права.

Я был лично знаком с Джахангиром Аббасовичем. Судьба свела нас во второй половине 90-х гг. прошлого столетия на одном из научных форумов, проходивших в Москве. С того времени у нас сложились теплые дружеские отношения. Профессор Керимов был личностью многогранной. Он был всецело предан науке и в своих научных трудах всегда пытался проникнуть в глубинные пласты рассматриваемой проблемы, дойти до самой сути и тем самым привнести в науку нечто новое.

В свете сказанного за основу предложенного вниманию читателей эссе я взял один из его многочисленных фундаментальных трудов – «Философские проблемы права»¹. Эта уникальная монография принципиально отличается от всех исследований в этой области, в том числе и от «Философии права» Гегеля.

В частности, данные отличия выражаются в том, что Джахангир Аббасович в своем исследовании рассматривает не только философские аспекты права как универсального регулятора обще-

ственных отношений, но и его социальное назначение и объективную сущность сквозь призму общих законов развития общества и суровых реалий повседневного бытия.

В свою очередь, в «Философии права» Гегеля трудно найти суждения о внутреннем составе и структурных элементах права, хотя он и рассматривает право как составную часть философской системы Абсолютного духа, главным образом – сквозь призму семьи и гражданского общества как природной основы государства. И это вполне понятно, если учесть, что по образованию Гегель был теологом, в силу чего глубинные пласты права и его сугубо теоретические аспекты не могли быть предметом его научных изысканий.

Иное отличие трудов профессора Керимова от гегелевской «Философии права» мне видится в том, что в своем произведении Джахангир Аббасович достаточно смело рассматривает незатронутые его предшественниками проблемные пласты права в широком спектре явлений социального бытия. По этой причине при анализе философских проблем права эпистемологические категории и диалектические законы служат для профессора Керимова, с одной стороны, универсальным познавательным средством для проникновения в сущностную природу права, а с другой – методологическим инструментом познания этиологии проблем права и выявления его социальных истоков.

Кроме того, если сопоставить архитектуру «Философии права» и «Философских проблем права», то обнаружится, что Гегель в своем произведении говорит о праве как о *чем-то* с позиции философии и классического идеализма, а Керимов – *что-то* о праве сквозь призму диалектического материализма. А это – согласитесь, уважаемый читатель, – не одно и то же. Ведь, как писал известный русский философ Николай Бердяев, «чтобы сказать *что-то*, нужен гений или огромный творческий дар, сказать же о *чем-то* можно и при гораздо более скромных дарованиях»².

¹ Керимов Д. А. Философские проблемы права. – М. : Мысль, 1972.

² Бердяев Н. А. Философия свободы. – М. : 1997. – С. 9.

Анализируемый труд профессора Керимова существенно отличается и от «Философии права» академика Нерсисянца, в котором тот рассматривает право на базе таких философско-правовых категорий, как «чистое учение о праве» и «либертарная юридическая аксиология», которые не коррелируются с иными типами понимания права в современной России.

Монография профессора Керимова «Философские проблемы права» заставляет читателя думать, мысленно представляя себе неизведанные горизонты этой области знания, переосмысляя патогенез феномена права, пытаюсь по-иному взглянуть на его бытие. В частности, знакомство с содержанием книги позволяет выдвинуть и обосновать гипотезу, согласно которой все материальные объекты и предметы окружающей действительности, которые могут быть восприняты нашими органами чувств, являются потенциальным источником зла (делинквентного поведения), хотя сами по себе они не всегда выступают в качестве таковых, причем как в их естественном состоянии, так и при возникновении в процессе трудовой деятельности человека. В этом вопросе все зависит от того, как, в каких целях и каких пропорциях они применяются в повседневной деятельности. (К сожалению, этот детерминант делинквентного поведения по сей день не является предметом специального исследования ни в философии права, ни в криминологии, ни в социологии права.) Сказанное в полной мере относится и к аксиологической природе права: оно может быть направлено на благое дело, а может выступать, как это метко подметил профессор А. Н. Савенков в одном из своих произведений, легальным инструментом трансформации отдельно взятого государства в лютой террористический режим¹. Иными словами, право адресовано субъектам обще-

ственных отношений, которые обладают способностью адекватно воспринимать окружающую действительность, в качестве своеобразного светификатора, рассчитанного на здравомыслящего участника дорожного движения. В связи с этим охранительные функции права часто оказываются бессильны против генетически обусловленных низменных побуждений человека в их крайних проявлениях.

В «Философских проблемах права» профессор Керимов большое внимание уделил проблемам потребностей человека и их роли в совершении правонарушений. По его мнению, «потребности являются движущей силой человека, они направляют его помыслы в определенное русло, побуждают к соответствующим действиям и поведению, а невозможность их удовлетворения в рамках правового поля порой толкает человека на делинквентный поступок».

В частных беседах с Джахангиром Аббасовичем я не раз затрагивал данную проблему и как-то задал ему вопрос: «А что является патогенезом гнусных, то есть противоестественных, потребностей человека?» После некоторых раздумий Джахангир Аббасович сказал, что, видимо, в духовной природе человека есть какая-то неведомая сила, которая толкает его на совершение подобных поступков. «Ведь ничто не возникает из ниоткуда», – заключил он.

Этот разговор состоялся у нас где-то в начале двухтысячных. В дальнейшем при встрече с профессором Керимовым я не возвращался к данной теме, пытался самостоятельно найти ответ на этот вопрос, но, увы, так и не нашел. Со временем он, как это обычно и бывает, перекочевал из моего сознания в подсознание. И вдруг, спустя двадцать лет, эта проблема внезапно вновь всплыла в моем сознании, но абсолютно в иной ипостаси – отдельные ее контуры явно указывали на то, что такая сила есть, и она автономна как от материи, так и от духа.

Своими догадками я поделился с выдающимся социологом современности, членом-коррес-

¹ Савенков А. Н. Нюрнберг: приговор во имя Мира. – М.: Проспект, 2022.

пондентом РАН, профессором Ж. Т. Тощенко и ведущим философом Азербайджана, профессором И. Р. Мамедзаде. С учетом их рекомендаций я внес определенные коррективы в описание возникшей гипотезы, после чего представил ее вни-

манию академика РАН, профессора И. М. Рагинова. Ильхам Мамедгасанович, ознакомившись с ней, сказал, что данная проблема давно волнует и его, и у него есть определенные наработки в этом направлении.

Учитывая ограниченные рамки эссе, я пропущу детали этой беседы, но отмечу, что мы в конечном счете пришли к общему знаменателю и выдвинули в качестве рабочей гипотезы идею о существовании в духовной структуре человека специальной субстанции, которую условно назвали *межбытием*, выступающим средоточием возникновения в сознании человека как внезапного озарения, так и навязчивых идей, поступков, то есть, obsessions и compulsions. (В данный момент мы работаем над вторым свойством *межбытия*.)

Этот феномен, как одно из латентных свойств духовного мира человека, еще не был предметом специального исследования в философии, психологии, криминологии, нейробиологии и т. д., в силу чего многие его грани по сей день остаются неизведанными. Между тем он реально существует, присущ всем без исключения субъектам общественных отношений независимо от их национальности, вероисповедания, материального положения, гендерной принадлежности, социального

статуса и т. д., является особой субстанцией в ментальной структуре человека, выступает в качестве одного из имманентных свойств Homo sapiens, обладает двумя противоположными качествами, не присущими ни основному, ни иным формам проявления бытия. Первое из этих качеств отвечает как за вспышку гениальности (инсайт) и генерацию креативных идей, так и за безобидные назойливые мысли и настойчивые призывы к дублированию ранее выполненных действий, а второе – за возникновение у лица деструктивного обсессивно-компульсивного состояния.

Его субстрат состоит из синтеза издержек живой материи (к примеру, сбой или мутации в геноме человека), пороков духа (например, алчность, блуд) и животных инстинктов человека (в частности, инстинкт агрессии, разрушения и т. д.), заложенных в геноме человека.

При этом универсальным триггером их пробуждения, как правило, выступают внезапно всплывшие из глубинных пластов подсознания асоциальные потребности витального, духовного, материального и иного характера, когда-то возникшие у человека, но нереализованные в свое время по тем или иным причинам, вследствие чего они были приглушены или загнаны в подсознание, где пребывали в алертном состоянии в ожидании случая, удобного для их реализации.

Из этого следует, что Джахангир Аббасович был прав в своих догадках – корень обсессивно-компульсивного синдрома находится в самом человеке, и от него во внутреннем духовном про-

странстве индивида перманентно прорастают ростки как obsessions, так и compulsions, которые со временем трансформируются в конкретную социальную девиацию. В силу этого расхожие утверждения о том, что навязчивые мысли приходят от лукавого или из небытия, внушаются человеку свыше, носят трансцендентный характер и т. д., являются ошибочными, поскольку межбытие есть имманентное свойство генетической природы человека. Поэтому obsessive-compulsive состояние следует рассматривать как объективную реальность, доступную познанию, точно так же, как, к примеру, такие невидимые явления окружающей среды, как воздух, радиоволны, ультрафиолетовое излучение, атмосферное давление и т. д., существование которых а priori не требует доказательств.

Другая особенность рассматриваемого феномена заключается в том, что его токсичные импульсы способны блокировать разум и рефлексивные способности человека, вынудить его «пуститься во все тяжкие». В частности, навязчивые идеи делинквентного характера могут невольно пробуждать в человеке абсурдные мысли, неспровоцированные агрессивные устремления, гипертрофированные желания, маниакальную решимость совершать скверные поступки и т. д.

Это объясняется тем, что в столь неординарной ситуации сознание человека дает системный сбой: у индивидуума искажаются мировоззренческие ценности, воля сковывается, разум покидает сознание, стирается грань между добром и злом, вытесняется адекватное восприятие действительности, в результате чего он погружается в виртуальную реальность.

Будучи в таком стрессорно-фантомном состоянии (*перевернутая реальность*), индивидуум отрешается от объективной реальности – выходит из привычной системы координат и впадает в исступленно-восторженный транс: его рассудок заторможен, он всецело одержим объявшей его

навязчивой идеей (поступком) и заиклен на неудержимом желании скорее ее реализовать.

Причем все это происходит столь стремительно, что защитные функции психики парализуются, а воля выходит из-под контроля – человек лишается возможности противостоять навязанным ему аморальным идеям и презренным поступкам, в силу чего слепо следует им. При этом он, как бы ни старался, не может выйти из этого состояния до тех пор, пока не материализует навязанную ему межбытием ту или иную порочную идею или делинквентный поступок.

Парадокс в том, что в подобных случаях лицо осознает пагубность своих мыслей или поступков, но тем не менее «...нередко посягает даже на то, о чем оно и помышлять не смело ранее» (Томас Мор). Ситуация усугубляется еще и тем, что чем сильнее человек пытается подавить в себе obsessive или compulsive наваждения, тем больше они рецитируются в его сознании, становятся все более агрессивными и непреодолимыми.

Таким образом, всего лишь одно мимолетное высказывание Джахангира Аббасовича, оказавшееся пророческим, подвигло нас на поиск и открытие нового по своей сути имманентного свойства генетической природы человека. И я уверен, что в этой замечательной работе, как и в его же фундаментальной монографии «Методология права»¹, заложены зерна многих новых открытий в теории права, которые, без сомнения, со временем дадут свои всходы.

Словом, применительно к профессору Керимову можно сказать, перефразируя знаменитые пушкинские строки:

*О сколько троп к открытиям чудным
Оставил нам сей гений права
В трудах немеркнущих своих.*

¹ Керимов Д. А. Методология права. – М. : Аванта, 2000.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-14-22>

О некоторых вопросах компенсации морального вреда

А. М. Эрделевский

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: amarer@yandex.ru

About Some Issues of Compensation for Moral Damage

A. M. Erdelevsky

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: amarer@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматривается ряд актуальных вопросов, связанных с применением такого способа защиты гражданских прав, как компенсация морального вреда. Эти вопросы рассматриваются во взаимосвязи с анализом Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 33 от 15 ноября 2022 г. «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». В частности, рассматривается вопрос об установлении презумпции причинения потерпевшему морального вреда в случае совершения в отношении него любого правонарушения. Также рассматривается вопрос о возможности и условиях перехода права на компенсацию морального вреда в порядке универсального и сингулярного правопреемства. В работе использованы общенаучные и специальные методы исследования, в том числе метод анализа и синтеза, обобщения, формально-логический, системный, сравнительный и др. В результате проведенного в работе анализа сделан вывод о наличии достаточных оснований для применения на основе существующего законодательства и материалов судебной практики презумпции причинения потерпевшему морального вреда в случае любого нарушения его прав. Относительно возможности сингулярного и универсального правопреемства в отношении требования о компенсации морального вреда сделан вывод о возможности такого правопреемства не только применительно к компенсации морального вреда, установленной вступившим в законную силу судебным решением, но и внесудебным соглашением о компенсации причиненного потерпевшему морального вреда.

Ключевые слова: физические и нравственные страдания, размер компенсации, презумпция, правонарушение, уступка права, наследование, судебная практика, нематериальные блага, неимущественные права.

Abstract

This article discusses a number of topical issues related to the use of such a method of protecting civil rights as compensation for moral damage. These issues are considered in connection with the analysis of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33 "On the practice of application by courts of norms on compensation for moral damage" dated November 15, 2022. In particular, the issue of establishing the presumption of moral damage to the victim in the case of committing any offense against him is being considered. The issue of the possibility and conditions for the transfer of the right to compensation for moral damage in the order of universal and singular succession is also being considered. The work uses general scientific and special research methods, including the method of analysis and synthesis, generalization, formal-logical, systematic, comparative, etc. As a result of the analysis carried out in the work, it was concluded that there are sufficient grounds for applying, on the basis of existing legislation and materials of judicial practice, the presumption of causing moral harm to the victim in the event of any violation of his rights. Regarding the possibility of singular and universal succession with respect to the claim for compensation for moral damage, it is concluded that such succession is possible not only in relation to compensation for moral damage established by a court decision that

has entered into force, but also by an out-of-court agreement on compensation for moral damage caused to the victim.

Keywords: physical and moral suffering, compensation size, presumption, offense, assignment of rights, inheritance, judicial practice, intangible benefits, non-property rights.

В принятом 15 ноября 2022 г. Пленумом Верховного суда Российской Федерации Постановлении № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹ (далее – Постановление) был сделан ряд важных разъяснений относительно некоторых вопросов применения гражданско-правового института компенсации морального вреда. Одновременно пунктом 69 Постановления было признано утратившим силу действовавшее ранее Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». В целом Постановление, вероятно, будет способствовать развитию и совершенствованию судебных подходов к применению норм российского законодательства о компенсации морального вреда и повышению уровня единообразия судебной практики в этой области. Однако ряд положений Постановления вызывают определенные вопросы и замечания.

Так, например, в пункте 1 Постановления, где идет речь о понятии морального вреда, воспроизводится содержащееся в статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определение этого вида вреда и отмечается, что под ним понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные или имущественные права. Приводятся примеры таких нематериальных благ и личных неимущественных прав: жизнь, здоровье, достоинство личности, свобода, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личная тайна, семейная тайна, честь и доброе имя, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, теле-

графных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности.

В числе этих примеров не вполне удачным представляется упоминание о праве на защиту от оскорбления, высказанного при выражении оценочного мнения, хотя такое право у гражданина, конечно, есть. Но гражданин имеет право на защиту от любого оскорбления, а не только нанесенного при выражении оценочного мнения. Нанесением оскорбления, то есть унижением чести и достоинства другого лица, выраженным в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, всегда умаляется достоинство личности, независимо от повода и способа его нанесения. Согласно части 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности. Поэтому, как представляется, в пункте 1 Постановления было бы вполне достаточно упоминания о достоинстве личности в числе нематериальных благ, защищаемых путем компенсации морального вреда.

Понятие физических и нравственных страданий раскрывается в пункте 14 Постановления, согласно которому под физическими страданиями следует понимать физическую боль, связанную с причинением увечья, иным повреждением здоровья, либо заболевание, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы, а под

¹ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2023. – № 2.

нравственными – страдания, относящиеся к душевному неблагополучию человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции).

Следует также обратить внимание на развернутый неисчерпывающий перечень примеров личных неимущественных прав и иных нематериальных благ, нарушение которых может причинять гражданину моральный вред. При этом в пункте 2 Постановления дополнительно отмечается, что отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не означает, что потерпевший не имеет права на компенсацию морального вреда, причиненного действиями (бездействием), нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага.

Весьма важное значение имеет указание в пункте 3 Постановления о том, что моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, в силу пункта 2 статьи 1099 ГК РФ подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом (например, статьей 15 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», абзацем 6 статьи 6 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»). При этом в указанных случаях компенсация морального вреда присуждается истцу при установлении судом самого факта нарушения его имущественных прав, т. е. истец в этом случае освобождается от доказывания факта претерпевания им морального вреда (этот факт предполагается), что, впрочем, не лишает ответчика возможности доказывать отсутствие в действительности у истца по каким-либо причинам страданий в связи с нарушением

его имущественных прав (см. также [2], где высказывается аналогичное мнение).

Из пункта 3 Постановления можно сделать вывод о том, что сформулированная в нем презумпция причинения морального вреда должна применяться в случае нарушения и любых принадлежащих гражданину неимущественных прав. Иными словами, установление судом факта совершения в отношении потерпевшего любого такого правонарушения одновременно создает, исходя из пункта 3 Постановления, презумпцию факта причинения потерпевшему морального вреда.

Такой вывод подкрепляется и содержанием пункта 12 Постановления, где перечислены предусмотренные законом основания и условия применения такой меры гражданско-правовой ответственности, как компенсация морального вреда, а именно: физические или нравственные страдания потерпевшего; неправомерные действия (бездействие) причинителя вреда; причинная связь между неправомерными действиями (бездействием) и моральным вредом; вина причинителя вреда.

Нетрудно видеть, что в числе оснований ответственности за причинение морального вреда в пункте 12 Постановления указаны, в частности, страдания потерпевшего. При этом далее в этом же пункте Постановления указывается, что потерпевший – истец по делу о компенсации морального вреда – должен доказать факт нарушения его личных неимущественных прав либо посяательства на принадлежащие ему нематериальные блага, а также то, что ответчик является лицом, действия (бездействие) которого повлекли эти нарушения, или лицом, в силу закона обязанным возместить вред. В пункте 12 Постановления нет указания на обязанность потерпевшего доказать факт причинения ему страданий вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посяательства на принадлежащие ему нематериальные блага. Поэтому усматриваются достаточные основания полагать, что в пункте 12 Постановления имеется в виду наличие презумпции причинения потерпевшему морального вреда любым нарушением его нематериальных благ либо, в предусмотренных законом случаях, также нарушением его имущественных прав.

Отмеченное обстоятельство имеет весьма важное значение. Дело в том, что до принятия анализируемого Постановления на презумпцию

причинения потерпевшему морального вреда в связи с совершением в отношении него неправомерного действия указывалось в актах Верховного суда Российской Федерации, посвященных лишь отдельным видам споров.

Так, в пункте 45 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» отмечалось, что при решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя.

В пункте 32 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» (далее – Постановление № 1) указывалось, в частности, что, поскольку потерпевший в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях испытывает физические или нравственные страдания, факт причинения ему морального вреда предполагается, а установлению в данном случае подлежит лишь размер компенсации морального вреда.

Вместе с тем, как указывается далее в пункте 32 Постановления, при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности, членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. Наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда.

Видимо, это суждение Верховного суда Российской Федерации, вызывающее серьезные сомнения, распространяется и на факт семейных отношений, поскольку перед этим в пункте 32 Постановления № 1 есть упоминание, в частности, о членах семьи потерпевшего (см. также [4; 5]).

Усматривается некоторая коллизия между пунктом 12 Постановления и пунктом 32 Постановления № 1. Как отмечалось выше, в случае смерти потерпевшего у членов его семьи или родственников прекращаются такие нематери-

альные блага как семейные или родственные связи. Из пункта 32 Постановления № 1 следует, что на членов семьи и родственников возлагается бремя доказывания их страданий в связи со смертью потерпевшего. По крайней мере так воспринимают пункт 32 Постановления № 1 суды при рассмотрении конкретных дел. С позиций же пункта 12 Постановления членам семьи или родственникам достаточно доказать свой статус родственника или члена семьи умершего, а их страдания в связи со смертью потерпевшего предполагаются, но это предположение может быть опровергнуто путем представления доказательств обратного.

Думается, отмеченная коллизия должна решаться в пользу Постановления как по формальным (как более позднего судебного акта общего характера), так и по сущностным соображениям. В силу пункта 1 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации семейное законодательство исходит из построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения. При предполагаемом наличии таких чувств утрата, смерть члена семьи не может не причинять страдания, то есть моральный вред. Но по самым разным причинам чувств любви и уважения между членами семьи или родственниками в конкретном случае может и не быть. В этом случае презумпция причинения страданий может быть опровергнута причинителем вреда. То есть не родственник или член семьи умершего обязан доказать факт причинения ему страданий в связи со смертью последнего, а, напротив, причинитель вреда должен доказать отсутствие таких страданий (например, по причине плохих отношений между членами семьи, отсутствия контактов между умершим и претендующим на компенсацию морального вреда в связи с его смертью родственником и т. п.).

Наряду с общей презумпцией причинения потерпевшему морального вреда, о которой, на наш взгляд, идет речь в пункте 12 Постановления, в Постановлении упомянуты и презумпции факта причинения потерпевшему морального вреда отдельными видами правонарушений.

Так, в пункте 15 Постановления указывается, что причинение морального вреда потерпевшему в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях предполагается, и сам факт причинения вреда здоровью, в том числе при отсутствии возможности точного определения степени его тяжести, является достаточным основанием

для удовлетворения иска о компенсации морального вреда. При этом привлечение лица, причинившего вред здоровью потерпевшего, к уголовной или административной ответственности не является обязательным условием для удовлетворения иска.

В пункте 16 Постановления отмечается, что в случаях, если законом предусмотрена обязанность ответчика компенсировать моральный вред в силу факта нарушения иных прав потерпевшего, при доказанности факта нарушения права гражданина (например, потребителя) отказ в удовлетворении требования о компенсации морального вреда не допускается. Факт причинения морального вреда потерпевшему от преступления, в том числе преступления против собственности, не нуждается в доказывании, если судом на основе исследования фактических обстоятельств дела установлено, что это преступление нарушает личные неимущественные права потерпевшего либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (пункт 17 Постановления).

О презумпции причинения морального вреда потерпевшему идет речь и в пункте 50 Постановления, где указывается, что истец по делу о компенсации морального вреда, причиненного распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, обязан доказать факт распространения ответчиком этих сведений и их порочащий характер, а ответчик – соответствие распространенных сведений действительности. При доказанности факта распространения таких сведений наличие морального вреда предполагается, а компенсация морального вреда взыскивается судом независимо от вины причинителя вреда.

Наличие причинной связи между противоправным поведением причинителя вреда и моральным вредом означает, согласно пункту 18 Постановления, что противоправное поведение причинителя вреда повлекло наступление негативных последствий в виде физических или нравственных страданий потерпевшего.

Представляет особый интерес пункт 4 Постановления, в котором судам рекомендовано учитывать, что в случаях, если действия (как и бездействие) направлены против имущественных прав гражданина и одновременно нарушают его личные неимущественные права или посягают на принадлежащие ему нематериальные блага,

причиняя этим гражданину физические или нравственные страдания, компенсация морального вреда взыскивается на общих основаниях. В качестве примера приводится умышленная порча одним лицом имущества другого лица, представляющего для последнего особую неимущественную ценность (единственный экземпляр семейного фотоальбома, унаследованный предмет обихода и др.).

Высказанные в пункте 4 Постановления рекомендации вызывают некоторые вопросы. Прежде всего следует обратить внимание на слово «направленные», которое указывает на наличие у причинителя вреда прямого умысла при нарушении имущественных прав гражданина. При этом, как следует из пункта 4 Постановления, умысел должен быть направлен на нарушение имущественных прав, в то время как в отношении нарушения неимущественных прав такой направленности умысла, как и умысла как такового, прямого или косвенного, не требуется.

Предположим, применительно к приведенному в пункте 4 Постановления примеру хозяин показывает гостю свой семейный фотоальбом, где есть фотография, представляющая для хозяина особую неимущественную ценность, например, единственная сохранившаяся фотография семейного предка. Если гость вследствие внезапно возникшей у него неприязни к хозяину умышленно уничтожает эту фотографию, то связанный с этим моральный вред подлежит компенсации, как указывается в пункте 4 Постановления, «на общих основаниях». Если же гость по неосторожности выплескивает горячий чай из чашки на фотографию, в результате чего она оказывается повреждена или полностью уничтожена, то причиненный моральный вред компенсации не подлежит, хотя имущественный вред близок к нулю, сводясь к стоимости старой фотобумаги, а моральный вред может быть очень велик. Или все же подлежит, но не «на общих основаниях»?

Ни нормы о компенсации морального вреда, ни общие нормы ГК РФ о возмещении вреда не позволяют дать четкие ответы на поставленные вопросы и не содержат никакого основания для того суждения, которое сформулировано в пункте 4 Постановления.

Одним из оснований ответственности за причинение вреда, в том числе морального, является вина причинителя вреда. Какого-либо правового значения для наступления ответственности за причинение морального и иного вреда форма

вины причинителя вреда (умысел или неосторожность) не имеет. Собственно говоря, в пункте 22 Постановления Верховный суд Российской Федерации сам совершенно правильно отмечает, что моральный вред подлежит компенсации независимо от формы вины причинителя вреда (умысел, неосторожность), и лишь при определении размера компенсации морального вреда суд учитывает форму и степень вины причинителя вреда (статья 1101 ГК РФ). Таким образом, положения пункта 4 Постановления, как представляется, не находят подкрепления в действующем законодательстве, порождают серьезные и неустранимые сомнения и нуждаются в корректировке (см. также [6]).

Аналогичные соображения в определенной мере касаются и пункта 5 Постановления, где указано, что гражданин, потерпевший от преступления против собственности, например, при совершении кражи, мошенничества, присвоения или растраты имущества, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и др., вправе предъявить требование о компенсации морального вреда, если ему причинены физические или нравственные страдания вследствие нарушения личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

Вероятно, сформулированная Верховным судом Российской Федерации в пункте 5 Постановления рекомендация является отражением сделанного Конституционным судом Российской Федерации в Постановлении от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского» (далее – Постановление № 45-П) вывода о том, что статья 151 ГК РФ сама по себе не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные неимущественные права или посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет указанному лицу физические или нравственные страдания.

Принят во внимание Верховным судом Российской Федерации и сделанный Конституционным судом Российской Федерации в Постановлении № 45-П вывод о несоответствии части 1

статьи 151 ГК РФ Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 ГК РФ, – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

С учетом этого Конституционный суд РФ сделал вывод о том, что любое преступление против собственности, обладая наибольшей степенью общественной опасности по сравнению с гражданскими или административными правонарушениями, посягающими на имущественные права, не только существенно умаляет указанное конституционное право, но и фактически всегда посягает на достоинство личности. В то же время – при определенных обстоятельствах – оно может причинять потерпевшему от преступления как физические, так и нравственные страдания (моральный вред), хотя этот факт не является во всех случаях безусловным и очевидным.

В этом смысле, как отметил Конституционный суд Российской Федерации, реализация потерпевшим от преступления против собственности конституционного права на компенсацию причиненного ущерба может включать в себя и нейтрализацию посредством возмещения морального вреда понесенных потерпевшим физических или нравственных страданий, но лишь при условии, что таковые реально были причинены лицу преступным посягательством не только на его имущественные права, но и на принадлежащие ему личные неимущественные права или нематериальные блага, среди важнейших из которых – достоинство личности.

Перейдем к вопросу о возможности перехода права на компенсацию морального вреда в порядке сингулярного и универсального правопреемства. В пункте 8 Постановления обращается внимание на неразрывную связь с личностью потерпевшего его права требовать компенсации морального вреда, в том числе в случае наруше-

ния прав потребителей, в связи с чем оно не может быть передано в порядке правопреемства, в частности уступки требования. Однако право требования денежной суммы, взысканной судом в счет компенсации морального вреда, может быть передано потерпевшим в порядке правопреемства (уступки требования) любому лицу. Право на компенсацию морального вреда, как неразрывно связанное с личностью потерпевшего, не входит в состав наследственного имущества и не может переходить по наследству, однако право на получение денежной суммы, взысканной судом в счет компенсации морального вреда, переходит к наследникам в составе наследственной массы в случае, если потерпевшему присуждена компенсация, но он умер, не успев получить ее (см. также [1]).

В пунктах 24–36 Постановления сформулированы общие рекомендации относительно способа и размера компенсации морального вреда. В пункте 24 Постановления отмечается, что по общему правилу моральный вред компенсируется по решению суда в денежной форме, однако причинитель вреда вправе во внесудебном порядке добровольно предоставить потерпевшему компенсацию морального вреда как в денежной, так и в иной форме (например, в виде ухода за потерпевшим, в виде передачи какого-либо имущества, оказания какой-либо услуги, выполнения самим причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание физических и нравственных страданий потерпевшего).

Однако, как указывается далее в пункте 24 Постановления, факт получения потерпевшим добровольно предоставленной причинителем вреда компенсации как в денежной, так и в иной форме, как и сделанное потерпевшим в рамках уголовного судопроизводства заявление о полной компенсации причиненного ему морального вреда, не исключает возможности взыскания компенсации морального вреда в порядке гражданского судопроизводства. Суд вправе взыскать компенсацию морального вреда в пользу потерпевшего, которому во внесудебном порядке была выплачена либо предоставлена в неденежной форме компенсация, если, исходя из обстоятельств дела, придет к выводу о том, что компенсация, полученная потерпевшим, не позволяет в полном объеме компенсировать причиненные ему физические или нравственные страдания.

В пункте 24 Постановления прямо не поясняется, распространяется ли приведенное в нем

разъяснение также на случай, когда компенсация морального вреда предоставляется потерпевшему во исполнение внесудебного соглашения о компенсации морального вреда с причинителем вреда. Думается, что не должно распространяться, принимая во внимание правило статьи 237 Трудового кодекса Российской Федерации о том, что моральный вред, причиненный работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя, возмещается работнику в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон трудового договора, и лишь в случае возникновения спора факт причинения работнику морального вреда и размеры его возмещения определяются судом независимо от подлежащего возмещению имущественного ущерба, что более подробно разъясняется в пункте 46 Постановления.

Отсюда следует, что в отношении размера компенсации морального вреда законодатель отдает приоритет по этому вопросу соглашению между причинителем вреда и потерпевшим перед судебным решением по этому вопросу. Представляется, что этот подход распространяется не только на трудовые, но и любые другие виды отношений между потерпевшим и причинителем вреда, поскольку согласованную ими оценку той денежной суммы, которая достаточна потерпевшему в целях сглаживания причиненных ему страданий, следует считать наиболее точно отражающей все необходимые критерии оценки размера компенсации морального вреда. Ведь потерпевший лучше кого-либо другого, в том числе и суда, осознает характер и степень испытываемых им страданий, которые всецело относятся к его внутренней сфере. Возможная склонность потерпевшего к преувеличению необходимой для их сглаживания компенсации нейтрализуется волей другой стороны соглашения (причинителя вреда), заинтересованной в обратном.

Лишь в случае недостижения внесудебного соглашения о размере компенсации морального вреда этот размер должен определяться судом по правилам статей 151 и 1101 ГК РФ. В этом случае дополнительное взыскание компенсации морального вреда в судебном порядке может быть возможно лишь после признания судом соглашения о добровольной компенсации морального вреда недействительным по основаниям, предусмотренным ГК РФ, либо после расторжения такого соглашения, если оно еще не исполнено.

Поэтому в пункте 24 Постановления имеется в виду ситуация, когда причинитель морального вреда по своей инициативе совершает действия, направленные на сглаживание причиненных потерпевшему страданий, а потерпевший принимает эти действия, напрямую не заявляя об их признании компенсацией морального вреда в полном объеме. В этом случае соглашение о внесудебной компенсации морального вреда отсутствует, поэтому возможно дополнительное взыскание компенсации морального вреда в судебном порядке.

По изложенным соображениям требование выплаты денежной суммы, определенной соглашением о компенсации морального вреда, следует, как представляется, считать способным к переходу в порядке как универсального, так и сингулярного правопреемства (см. также [2; 7]).

Однако, как указывалось выше, в пункте 8 Постановления о возможности перехода такого требования в порядке его уступки или в составе наследственной массы прямо не упоминается.

Применительно к определению судом размера компенсации морального вреда необходимо обратить внимание на пункты 30 и 31 Постановления, где поясняется, что судом должны учитываться требования разумности и справедливости, в связи с чем сумма компенсации морального вреда, подлежащая взысканию с ответчика, должна быть соразмерной последствиям нарушения и компенсировать потерпевшему перенесенные им физические или нравственные страдания, устранить эти страдания либо сгладить их остроту.

Поэтому вопрос о разумности присуждаемой суммы должен решаться судом с учетом всех обстоятельств дела, в том числе значимости компенсации относительно обычного уровня жизни и общего уровня доходов граждан, в связи с чем исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой и незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана им в исковом заявлении. При этом неуказание истцом размера компенсации морального вреда, как и предъявление требования о взыскании

компенсации в незначительном размере, не является основанием для отказа в иске. Если определение размера компенсации морального вреда оставлено истцом на усмотрение суда, то суд, придя к выводу о необходимости присуждения данной компенсации, определяет ее размер, руководствуясь статьями 151 и 1101 ГК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу пункта 1 статьи 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Применительно к компенсации морального вреда в Обзоре судебной практики Верховного суда № 2 (2018), утвержденном Президиумом Верховного суда Российской Федерации 4 июля 2018 г., указывается, что по аналогии с вышеуказанным разъяснением объем причиненных телесных повреждений, их характер и степень тяжести для разрешения спора о взыскании компенсации морального вреда тоже должны быть доказаны с разумной степенью достоверности, а невозможность установления точного количества, характера и степени тяжести телесных повреждений не может являться основанием для отказа в иске о возмещении морального вреда.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в целом Постановление способно оказать позитивное воздействие на развитие российской судебной практики в области рассмотрения споров о компенсации морального вреда, но его отдельные положения требуют уточнения либо корректировки.

Список литературы

1. Богданова И. С. К вопросу о возможности наследственного преемства на стороне должника в обязательстве по компенсации морального вреда // Юрист. – 2023. – № 5. – С. 17–23.

2. Губаева А. К., Ли Чжеву, Кратенко М. В. Базовый дискурс деликтного права в контексте разъяснений Верховного суда РФ о компенсации морального вреда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 2. – Вып. 2 (60). – С. 257 – 284.
3. Егорова М. А., Кархалев Д. Н., Челышева Н. Ю., Комиссаров Г. А. Компенсация морального вреда: новые подходы в судебной практике // Юрист. – 2023. – № 5. – С. 2–9.
4. Зайцев О. В. Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 2. – С. 105–136.
5. Михайлова И. А. Обязательства вследствие причинения вреда жизни или здоровью. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 // Цивилист. – 2010. – № 4. – С. 36–41.
6. Петрова А. С. Взыскание компенсации морального вреда при рассмотрении гражданских дел мировым судьей // Мировой судья. – 2023. – № 9. – С. 29–33.
7. Ягельницкий А. А. К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // Вестник гражданского права. – 2013. – № 2. – С. 60–91.

Язык гражданского закона: некоторые подходы к направлениям исследования, специфические особенности и новации

Т. В. Казанина

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
Российской таможенной академии.

Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4.
E-mail: dogovor500@yandex.ru

Е. А. Кузнецова

кандидат филологических наук, заместитель начальника редакционно-издательского отдела
Российской таможенной академии.

Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4.
E-mail: kkatya0203@yandex.ru

The Language of Civil Law: Some Approaches to Research Directions, Specific Features and Innovations

T. V. Kazanina

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law
of Russian Customs Academy.

Address: Russian Customs Academy,
4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.
E-mail: dogovor500@yandex.ru

E. A. Kuznetsova

PhD in Philology, Deputy Head of the Editorial and Publishing Department
of Russian Customs Academy.

Address: Russian Customs Academy,
4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.
E-mail: kkatya0203@yandex.ru

Аннотация

Развитие гражданского оборота определяет и развитие языка гражданского закона, носителем которого является самый широкий круг субъектов права, в том числе физические и юридические лица. Значимость и актуальность исследования подтверждает тот факт, что язык гражданского закона определяет следующие подязыки: подязык учредительных документов юридического лица; подязык договоров, включая и доверенность, которая в соответствии с гражданским законодательством является односторонней сделкой; подязык документов, оформляющих отдельные гражданские права (на имущество, на охраняемые результаты профессиональной деятельности). Новации в языке гражданского законодательства во многом обусловлены расширением спектра объектов гражданско-правового регулирования на фоне цифровизации и информатизации современного общества. В рамках данной статьи авторы предлагают подход к исследованию языка гражданского закона, который включает взаимодополнение лингвистических и правовых методов исследования. В целях выявления и изучения лексических новаций в сфере гражданского законодательства использовано описание фреймов, которые представляют собой иерархию взаимодействующих элементов.

Ключевые слова: гражданские права, нормативный правовой акт, правовая норма, физическое лицо, юридическое лицо, информационно-коммуникационные технологии, лексические новации, термин, фрейм, субфрейм, слот.

Abstract

The development of civil circulation also determines the development of the language of civil law, the bearer of which is the widest range of legal entities, including individuals and legal entities. The significance and relevance of the study is confirmed by the fact that the language of Civil Law defines the following sublanguages: the sublanguage of the constituent documents of a legal entity; the sublanguage of contracts, including a power of attorney, which, in accordance with Civil Law, is a unilateral transaction; sublanguage of documents formalizing individual civil rights (to property, to protected results of professional activity). Innovations in the language of civil legislation are largely due to the expansion of the range of objects of Civil Law regulation against the backdrop of digitalization and informatization of modern society. In this article, the authors propose an approach to studying the language of Civil Law, which includes the complementarity of linguistic and legal research methods. In order to identify and study lexical innovations in the field of civil legislation, a description of frames was used, which represent an hierarchy of interacting elements.

Keywords: civil rights, regulatory legal act, legal norm, individual, legal entity, information and communication technology, lexical innovations, term, frame, subframe, slot.

Анализ научной литературы показывает, что язык закона является предметом исследования как для филологов, так и для специалистов в области юриспруденции. Первые главным образом изучают лексические и стилистические особенности языка нормативных правовых актов, обращая пристальное внимание на его характеристику (как вида официально-делового функционального стиля речи), на требования, предъявляемые к нему (краткость, лаконичность, ясность, адекватность и др.), а также выделяя конкретные примеры допускаемых законодателем ошибок при формулировании отдельных норм. Внимание вторых сосредоточено преимущественно на изучении языка уголовного закона, рассмотрении его в совокупности с уголовно-процессуальными нормами. В последние годы специалисты начали исследовать язык такой новой комплексной отрасли законодательства, как информационное право, учитывая влияние информационно-телекоммуникационных технологий на организацию и гражданского оборота, и деятельности органов власти всех уровней [5]. В отдельных исследованиях, посвященных языку гражданского закона, представлен анализ его терминосистемы, характеристика норм (императивные и диспозитивные, дефинитивные, отсылочные, оценочные), а также правил морали и нравственности [4]. Однако исследования, посвященные анализу изменений языка гражданского законодательства, происходящих в результате повсеместного использования информационно-коммуникационных технологий и цифровизации общества, не проводились.

На наш взгляд, значимость исследования лексических новаций языка гражданского закона обусловлена следующим комплексом причин:

— его использованием каждым гражданином, что определяется регулированием гражданским законодательством гражданского оборота. Законопослушный гражданин в течение жизни может ни разу не обратиться к языку уголовного закона, что и свидетельствует о его законопослушании и добропорядочности. При этом состав участников гражданского оборота самый широкий (по сравнению с иными отраслями законодательства): физические и юридические лица, а также государство. Участие физического лица в гражданском обороте фактически начинается с наступления 6-летнего возраста, т. е. возраста, когда законом, согласно статье 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), разрешено совершать три вида сделок. Участие в гражданском обороте длится всю жизнь, а смерть гражданина приводит к возникновению особой группы гражданских правоотношений – наследственных правоотношений, таким образом, гражданский оборот в принципе не прерывается. Кроме того, важно отметить, что большинство физических лиц – участников гражданского оборота не являются профессиональными юристами, что определяет особую требовательность к формулированию законодателем конкретных норм. Также отдельные статистические данные, прежде всего информация относительно роста задолженности по кредитам, в том числе так называемым «плохим кредитам»¹, показывает необходимость системного подхода со стороны власти к правовому просвещению населения;

¹ Статистические данные в статье не приводятся в связи с их постоянным изменением.

— взаимосвязью гражданского законодательства с актами законодательства, возникшими на его основе (гражданско-процессуального, семейного, земельного), а также с актами иных базовых отраслей (уголовного и административного) и возникших на их основе, в том числе законодательства о таможенном регулировании.

Язык гражданского закона достаточно оперативно расширяется в связи с появлением новых отношений, которые связаны как с развитием гражданского оборота, так и с развитием уже упомянутых информационно-коммуникационных технологий. Обоснований для доказательства наличия первой из двух упомянутых тенденций достаточно большое количество, но в целом она определяется развитием бизнес-процессов. Так, например, Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в ГК РФ введены статьи 429.2 «Опцион на заключение договора» и 429.3 «Опционный договор». Включение информационно-телекоммуникационных технологий определило появление и затем широкое применение в языковой действительности массы терминов: *лицензионный договор, простая (неисключительная) лицензия, исключительная лицензия, базы данных, секрет производства, технические средства защиты гражданских прав, информационный посредник* и др. (часть 4 ГК РФ).

Все вышесказанное определяет необходимость анализа языка гражданского закона как с точки зрения юридической науки, так и с учетом достижений лингвистики, точнее, на основе применения методов изучения, характерных для указанных наук, и их взаимодополнения.

Изучение языка гражданского закона полагаем важным начать с уточнения вполне очевидного: его взаимосвязи с языком основополагающего для государства, общества и отдельного индивида акта — Конституции Российской Федерации. Как известно, в данном акте содержатся императивные нормы, направленные на защиту основных гражданских прав: права собственности, права творчества, права на жилище и главным образом на защиту личных неимущественных прав. Анализ языка Конституции Российской Федерации будем проводить с применением существующего, пусть и неоднозначно понимаемого в когнитивной науке понятия «фрейм». Фрейм определяется и как структура знания [7], и как структура представления знания [3; 8]. Е. В. Лу-

кашевич подчеркивает, что «в научных описаниях фреймовая структура чаще представлена иерархически: вглубь от верхних уровней к нижним, глубинным уровням...» [6. — С. 71]. Использование термина «фрейм» как структуры представления знаний позволяет вполне обоснованно выделять следующие основные фреймы: «права и свободы человека и гражданина», «обязанности», «ответственность», «власть».

Что касается гражданского права, то полагаем, что в основе выделения фреймов лежит не что иное, как система и структура гражданского права. Таким образом, можно выделить следующие два фрейма: «основы (общие положения) гражданского права» и «подотрасли гражданского права».

Фрейм «основы (общие положения) гражданского права» составляют термины, номинирующие базовые категории: источники гражданского права, субъекты гражданских прав, объекты гражданских прав, гражданские права, осуществление и защита гражданских прав, способы защиты гражданских прав. Здесь, несомненно, архисемой является сема «гражданские права». Как известно, в гражданском законодательстве отсутствует это понятие, его суть выделяется из анализа норм многих статей ГК РФ, в числе первых — норм, закрепленных в статьях 18 и 48.

Следует обратить внимание, что цивилисты при анализе статьи 18 «Содержание правоспособности граждан» отмечают, что ее название явно шире представленного содержания, поскольку в соответствии со статьей 17 ГК РФ гражданская правоспособность означает совокупность гражданских прав и обязанностей, а в статье 18 ГК РФ представлен только перечень основных прав. Соответственно, применяется достаточно редко используемый в юридической науке вообще и в цивилистике в частности такой способ толкования, как расширительное толкование: это означает, что физическое лицо как участник гражданского оборота должно знать и понимать следующее.

Во-первых, то, что правам корреспондируют обязанности, которые необходимо соблюдать. Так, наличие права собственности означает обязанность не нарушать права других собственников, однако способов нарушения достаточно много, причем многие из них указаны в нормах ГК РФ. Так, «если собственник помещения систематически нарушает права и интересы соседей, уполномоченный государственный орган

или орган местного самоуправления может предупредить собственника о необходимости устранить нарушения, а если они влекут разрушение помещения, также назначить собственнику соразмерный срок для ремонта помещения. Если собственник помещения после предупреждения продолжит нарушать права и интересы соседей, суд по иску уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления может принять решение о продаже с публичных торгов такого помещения с выплатой собственнику вырученных от продажи средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения» (пункт 1 статьи 287.7 ГК РФ). Наличие права совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах означает необходимость исполнения условий договора, в противном случае другая сторона обладает комплексом способов защиты своих прав и интересов (статьи 11, 12 и др. ГК РФ).

Во-вторых, физическое лицо как участник гражданского оборота должно знать, что перечень его прав, приведенных в статье 18 ГК РФ, не является исчерпывающим, на что указывает формулировка: *«иметь иные имущественные и личные неимущественные права»*. Несомненно, это означает наличие личных неимущественных прав, которые неразрывно связаны с личностью, гарантированы Конституцией Российской Федерации и перечень которых (что еще раз важно подчеркнуть) не является исчерпывающим: право на жизнь, честь, достоинство, неприкосновенность частной жизни и др. Также данная формулировка означает наличие комплекса прав, возникающих при создании охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности.

Содержание правоспособности юридического лица определено прежде всего в статьях 48 и 49 ГК РФ. Из анализа пункта 1 статьи 48 ГК РФ следует, что юридическое лицо обладает гражданскими правами и выполняет гражданские обязанности, а также отвечает по своим обязательствам. Статья 49 ГК РФ содержит уточнения в отношении прав и показывает, что по объему правоспособности юридические лица делятся на те, которые обладают общей правоспособностью, и те, которые обладают специальной правоспособностью. В указанной статье предусмотрены также правила, касающиеся ограничения прав юридического лица.

С учетом разных вариантов организации бизнеса гражданские права и обязанности и ограни-

чения прав юридических лиц закреплены в нормах как ГК РФ, так и отдельных федеральных законов.

Так, сема «гражданские права» является действительно архисемой, которая определяет действия субъектов гражданского оборота, выраженные в языковой форме.

В последние годы расширился состав объектов гражданских прав, и, соответственно, в субфрейме «объекты гражданских прав» появились новые термины, номинирующие виды имущественных прав (статья 128 ГК РФ).

Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» к имущественным правам, наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами, отнесены *цифровые права* (статья 128 ГК РФ), содержание которых раскрывается в пункте 1 статьи 141.1 ГК РФ, введенной указанным Федеральным законом: *«Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам»*. Приведенная норма имеет бланкетный характер: из дефиниции четко не следует, что понимается под цифровыми правами; содержание и условия осуществления «обязательственных и иных прав» можно определить, уточнив, в чем заключаются правила информационной системы. Аналогично этому, через отсылку к правилам информационной системы, изложено определение термина *«обладатель цифрового права»* – *«лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом»* (пункт 2 статьи 141.1 ГК РФ). Под *правилами информационной системы* в контексте данной статьи понимаются правила инвестиционной платформы, перечисленные в статье 4 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (редакция от 14 июля 2022 г.) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этим же законом вводится термин *«утилитарные цифровые права»* (пункт 1 статьи 8), определение которого дается в форме исчерпывающего перечня таких прав:

«В инвестиционной платформе, отвечающей признакам, предусмотренным частью 5 статьи 11 настоящего Федерального закона, могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться следующие цифровые права (утилитарные цифровые права):

- 1) право требовать передачи вещи (вещей);
- 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг».

Далее в пункте 2 статьи 8 представлены права, которые не могут являться утилитарными цифровыми правами: «Утилитарными цифровыми правами не могут являться право требовать имущество, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) право требовать имущество, сделки с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению». Это редко используемая в законодательной практике форма изложения правовой нормы: в рамках одной статьи устанавливается перечень утилитарных цифровых прав и прав, которые к ним не относятся. Новизна и сложность цифрового права как объекта правового регулирования обуславливают необходимость законодательного закрепления совокупности прав, не относящихся к цифровым.

Таким образом, цифровые права регулируются как гражданским, так и финансовым законодательством, что свидетельствует о сложности и многоаспектности данного правового явления. Соответственно, содержание понятия «цифровые права» номинируется рядом терминов, кодифицированных как в ГК РФ, так и в других нормативных правовых актах.

Федеральным законом от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 Гражданского кодекса Российской Федерации» расширен состав имущественных прав – к безналичным денежным средствам отнесены *цифровые рубли*. Однако в ГК РФ не определяется, что именно понимается под цифровым рублем, лишь в статье 140 появляется уточнение: «платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безна-

личных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями».

Понятие цифрового рубля получило широкое распространение в финансовой сфере. Дефиниция данного термина содержится в информационных материалах, размещенных на сайте Банка России: «*цифровой рубль – это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег*» [9]. Однако определение термина «цифровой рубль» отсутствует в таких базовых документах финансовой сферы, как Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (редакция от 24 июля 2023 г.) «О национальной платежной системе» (с изменениями и дополнениями, вступивший в силу с 1 октября 2023 г.), положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» (зарегистрировано в Минюсте России 10 августа 2023 г. под № 74716). Следует отметить, что в Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (редакция от 24 июля 2023 г.) «О национальной платежной системе» кодифицирован ряд терминов, в которых цифровой рубль встречается в качестве терминологического элемента: *платформа цифрового рубля, правила платформы цифрового рубля, пользователь платформы цифрового рубля, участник платформы цифрового рубля*. По какой причине законодатель не последовал по пути дефинирования термина «цифровой рубль» (по аналогии с термином «цифровые права»), остается неясным. Вполне вероятно, что причина состоит в том, что в указанном Федеральном законе содержится определение термина «*электронные денежные средства*», являющегося родовым по отношению к термину «цифровой рубль».

С нашей точки зрения, термин «цифровой рубль» должен быть определен в тексте ГК РФ. Скорее всего, цифровые рубли получат широкое распространение во всех сферах жизнедеятельности общества, и в связи с этим в научный оборот будут вводиться новые языковые средства, номинирующие различные аспекты обращения этого денежного средства. В материалах Банка России для номинации счетов цифрового рубля уже используется неологизм «*цифровой кошелек*»: «*Цифровые рубли будут храниться на счетах цифрового рубля (цифровых кошельках) граждан и организаций*» [9].

Фрейм «подотрасли гражданского права» делится на пять субфреймов по числу подотраслей:

«вещное право», «обязательственное право», «наследственное право», «права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», «личные неимущественные права».

Субфрейм «вещное право» включает следующие ключевые термины: право собственности, иные вещные права, основания приобретения, основания прекращения права собственности, общая собственность, защита права собственности и иных вещных прав. Тогда в числе слотов, понимаемых как элемент фреймовой структуры, выражающий определенный тематический (когнитивный) признак описываемого понятия или явления и представленный набором репрезентирующих его языковых единиц, можно выделить следующие слоты, используя структуру гражданского правоотношения: «объекты вещных прав», «субъекты вещных прав», «содержание вещных прав».

Необходимо отметить расширение состава терминов, образующих слот «объекты вещных прав». В традиционном понимании его образуют такие термины, как *движимое имущество, недвижимое имущество, здание, сооружение, земельный участок, квартира*. Учет развития гражданского оборота и рост благосостояния населения определили сравнительно недавнее введение в ГК РФ новых терминов – *машино-место и помещение*. Дефиниция первого термина законодателем не приведена, очевидно, в связи с его ясностью для участников гражданских правоотношений, а вот дефиниция второго приведена в пунктах 1 и 4 статьи 141.4 ГК РФ: «*Помещением признается обособленная часть здания или сооружения, пригодная для постоянного проживания граждан (жилое помещение) либо для других целей, не связанных с проживанием граждан (нежилое помещение), и подходящая для использования в соответствующих целях*» (пункт 1); «*В одном здании, сооружении может быть образовано не менее двух помещений и (или) машино-мест*» (пункт 4).

Перечень терминов, образующих слот «субъекты вещных прав», является исчерпывающим и включает в себя собственников, сособственников и обладателей иных вещных прав: права хозяйственного ведения и права оперативного управления – унитарные предприятия, сервитутного права.

Здесь важно подчеркнуть, что с точки зрения юридической науки в перечень иных вещных

прав входят и залоговое право (с учетом его двойкой сущности – как залогового и обязательственного права), и права членов семьи собственников жилого помещения.

Отметим, что к числу специфических особенностей языка гражданского закона относится и наличие в отдельных случаях разных подходов к определению прав физических и юридических лиц. Действительно, примеров для обоснования данного тезиса не так много, но приведем два классических.

Первый пример связан с нормами, регулирующими уменьшение размера неустойки (статья 333 ГК РФ). Для физических лиц действует следующее правило: *«если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку»*. Для юридических лиц предусмотрены два особых правила, требующих приведения обоснованных аргументов и непосредственной деятельности предпринимателя по защите своих прав: *«Если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении. Уменьшение неустойки, определенной договором и подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается в исключительных случаях, если будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению кредитором необоснованной выгоды»*.

Второй пример является чисто теоретическим, поскольку не применялся за период действия ГК РФ (да и вообще его применение означает крайне сложную экономическую ситуацию), однако важным для понимания подхода к определению прав участников гражданского оборота – физических и юридических лиц. Речь идет о нормах, закрепленных в статье 838 ГК РФ. Для физических лиц предусмотрено следующее правило: *«определенный договором банковского вклада размер процентов на вклад, внесенный гражданином на условиях его выдачи по истечении определенного срока либо по наступлении предусмотренных договором обстоятельств, не может быть односторонне уменьшен банком, если иное не предусмотрено законом»*. Для юридических лиц правило сформулировано следующим образом: *«По договору такого банковского вклада, заключенному банком с юриди-*

ческим лицом, размер процентов не может быть односторонне изменен, если иное не предусмотрено законом или договором». Анализ приведенных норм показывает максимальную защиту прав физических лиц со стороны государства, юридическому же лицу (т. е. его исполнительному органу) необходимо быть предельно внимательным при изучении условий и, соответственно, при подписании договора банковского вклада. Обоснование такого подхода следует из установленного законодателем правила о риском характере предпринимательской деятельности (статья 2 ГК РФ).

Возвращаясь к мысли о значимости языка гражданского закона в связи с взаимодействием гражданского законодательства и иных отраслей законодательства, следует подчеркнуть, что нормы, в частности, касающиеся новых реалий, на которые распространяется действие гражданского законодательства, должны удовлетворять требованиям точности и определенности. В научных публикациях неоднократно подчеркивалось, что «стремление к ясности и определенности – характерная черта права» [2. – С. 775], «...что каждому адресату правовых норм их содержание должно быть доступно. Помимо гарантий возможности ознакомления с текстами правовых актов, такую доступность обеспечивают ясность (понятность) и определенность (недвусмысленность) правовых текстов, описывающих

юридические нормы. Изложение нормы должно четко давать понять, что именно норма запрещает, предписывает или дозволяет» [1. – С. 294]. С нашей точки зрения, точности и определенности нормативных правовых актов гражданского законодательства можно достичь на основе изучения как правовых аспектов, так и лексических особенностей соответствующих текстов.

Целесообразность сочетания принадлежащих разным наукам (лингвистике и юриспруденции) методов изучения явлений, правовых по характеру и языковых по выражению, заключается, на наш взгляд, не только в попытке представить некий комплексный подход, позволяющий находить оптимальную форму языковой репрезентации гражданско-правовых норм, но и в стремлении к организации просвещения населения – тех, кто не является профессиональным юристом, но совершенно естественно применяет нормы гражданского законодательства в повседневной жизни. Несомненно, что основы правового просвещения закладываются в целом в рамках школьного образования, однако полагаем важным совместную деятельность педагогов, психологов, юристов и филологов по этапному определению изучения базовых конституционных положений в сочетании с основополагающими гражданскими правами.

Список литературы

1. Белов С. А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 293–308.
2. Блинова О. В., Белов С. А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – Вып. 4. – С. 774–812.
3. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
4. Казанина Т. В. Система и языковые особенности гражданского законодательства: монография. – М. : Российская таможенная академия, 2013.
5. Кузнецова Е. А., Федорченко Е. А. Становление терминологии информационного права в современном русском языке: монография. – М. : Российская таможенная академия, 2018.
6. Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: монография. – М.; Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2002.
7. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
8. Соколова О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 1. – С. 236–239.
9. Цифровой рубль // Банк России. – URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 21.10.2023).

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-30-34>

Акционерные общества как субъекты предпринимательской деятельности: теоретико-правовое осмысление и исследование

В. А. Егупов

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Московского гуманитарно-экономического университета (МГЭУ).
Адрес: ОАНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»,
119049, Москва, Ленинский пр-т., д. 8, стр. 16
E-mail: egupov1981@mail.ru

Joint-Stock Companies as Business Entities: Theoretical and Legal Understanding and Research

V. A. Egupov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of Moscow Humanitarian and Economic University (MSEU).
Address: Moscow Humanitarian and Economic University (MSEU),
8 building 16 Leninsky Avenue,
Moscow, 119049, Russian Federation.
E-mail: egupov1981@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется сущность юридической и корпоративной природы акционерного общества как юридического лица – наиболее совершенной предпринимательской организации в России. Доказывается преимущество указанной организационно-правовой формы юридического лица перед обществами с ограниченной ответственностью и иными формами хозяйствования, которые также распространены в России и порядок создания которых упрощенный. Кроме того, анализируется правовой статус органов управления акционерным обществом, его взаимоотношения с конкурентами и потребителями в процессе осуществления различных форм предпринимательской деятельности. Как показывает практика, в России именно акционерная форма хозяйствования ассоциируется у потребителей и партнеров с надежностью, устойчивостью и корпоративностью, в отличие от более распространенных в настоящее время обществ с ограниченной ответственностью. Значительное внимание в статье уделено правовому статусу органов управления корпорации, в частности, структуре публичного акционерного общества. Ссылаясь на точки зрения современных цивилистов и исследователей правовой природы юридического лица, автор убедительно доказывает эффективный характер деятельности акционерных обществ, в особенности публичных акционерных обществ (ПАО), поскольку наиболее крупные и известные представители бизнеса выбирают именно эту форму, способную путем открытой подписки и продажи акций привлекать значительное количество как российских, так и зарубежных инвесторов. Однако в статье также обращается внимание на то, что акционерная форма хозяйствования в гораздо большей степени, чем иные организационно-правовые формы, подвержена надзору и контролю со стороны государства, в силу чего предпринимательская деятельность акционерных обществ сталкивается с различного рода препятствиями и административными барьерами, а ее субъекты в лице органов управления юридического лица вынуждены зачастую подстраиваться под интересы не столько потребителей, сколько органов публичной власти.

Ключевые слова: организационно-правовая форма, предпринимательские корпорации, акционерное общество, общее собрание акционеров, общество с ограниченной ответственностью, совет директоров, единоличный исполнительный орган, коллегиальный исполнительный орган, счетная комиссия.

Abstract

The article examines the essence of the legal and corporate nature of a joint-stock company – the most advanced entrepreneurial organization in Russia – as a legal entity, proves the advantage of the specified organizational and legal form of a legal entity over limited liability companies and other forms of business, which are also

common in Russia and enjoy a simplified creating procedure. In addition, the legal status of the management bodies of the joint-stock company, its relationships with competitors and consumers in the process of implementing various forms of entrepreneurial activity are analyzed. As practice shows, in Russia it is the joint-stock form of business that consumers and partners associate with reliability, sustainability and corporate spirit, in contrast to the more common limited liability companies at present. Considerable attention in the article is paid to the legal status of the corporation's management bodies, the structure of a public joint-stock company in particular. Referring to the points of view of modern civil law scholars and researchers of the legal nature of a legal entity, the author proves the effective nature of the activities of joint-stock companies, especially public joint-stock companies (PJSC), since the largest and most famous representatives of business choose this particular form, which attracts a significant number of both Russian and foreign investors through open subscription and sale of shares. However, the article also draws attention to the fact that the joint-stock form of business, to a much greater extent than other organizational and legal forms, is subject to supervision and control by the state. For that reason the entrepreneurial activity of joint-stock companies faces various kinds of obstacles and administrative barriers, and its subjects represented by the management bodies of a legal entity are often forced to adapt to the interests of public authorities rather than consumers.

Keywords: organizational and legal form, entrepreneurial corporations, joint-stock company, stockholders meeting, limited liability company, board of directors, sole executive body, collegial executive body, counting commission.

В современных развитых государствах, включая Россию, предпринимательская деятельность субъектов хозяйствования с корпоративной формой организации становится все более распространенной, требующей научного осмысления и исследования. Среди них деятельность акционерных обществ, в особенности публичных акционерных обществ (далее – ПАО), носит внутрикорпоративный организационный, особенный коммерческий характер, направленный в конечном итоге на извлечение прибыли и распределение ее среди учредителей. Известные предпринимательские корпорации давно стали неотъемлемыми субъектами российской экономической политики, представляя крупный и средний бизнес в России. Государство принимает все необходимые меры к поддержанию их деятельности, помогает им в реализации инвестиционных проектов, иногда даже является владельцем значительной доли акций, позволяющей отстаивать в том числе и публичный интерес.

Следует отметить, что указанные корпоративные организации взаимодействуют не только с публично-правовыми образованиями (Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями), но и с физическими лицами, гражданами, которые зачастую являются постоянными клиентами данных компаний. Их права и законные интересы должны быть также гарантированы и обеспечены надлежащим образом со стороны не только этих организаций, но и государства. Любой дееспособный гражданин имеет право пользоваться результатами деятельности вышеуказанных кредитных организаций и

сам может выступать в качестве и обычного, и привилегированного акционера данных корпораций, а значит, вправе принимать участие в общем собрании акционеров и требовать выплаты дивидендов по приобретенным обыкновенным и привилегированным акциям. Акционерные общества, в особенности ПАО, обязаны обеспечить своевременную выплату дивидендов своим акционерам в полном объеме.

Таким образом, каждый субъект имеет право стать кредитором публичного акционерного общества, а не только его зарплатным клиентом или должником по кредиту. В связи с этим органам управления акционерных обществ следует действовать по отношению к своим клиентам и акционерам добросовестно и разумно, чтобы, во-первых, извлечь от реализации своих услуг максимальную выгоду, прибыль, во-вторых, обеспечить качественное оказание таких услуг, чтобы каждый остался доволен сотрудничеством на взаимовыгодных условиях.

Между тем на практике некоторые коммерческие организации, в том числе ПАО, в целях извлечения прибыли любым способом забывают или в недостаточной степени учитывают интересы получателей своих услуг, навязывают клиентам дополнительные услуги, а нередко даже нарушают их права и законные интересы, например, тех же вкладчиков или акционеров. В этой связи обобщены и справедливы размышления О. А. Терновой, которая пишет о том, что «...поскольку ГК РФ не содержит критериев недобросовестного и неразумного поведения управляющих, не регулирует основания и порядок их привлечения к ответ-

ственности, интересно рассмотреть французское законодательство, которые более детально регулирует эти вопросы: раздел 8 книги II ФТК полностью посвящен гражданско-правовой ответственности в акционерных обществах. Статья L225-251 ФТК гласит, что руководители и генеральный директор несут индивидуальную или солидарную ответственность в отношении общества и третьих лиц за нарушение законов или регламентов, применяемых акционерными обществами, уставов или за виновные действия, допущенные при управлении обществом.

Кроме иска о возмещении ущерба, понесенного лично, акционеры вправе предъявить администраторам или генеральному директору корпоративный иск о привлечении их к ответственности. Акционеры вправе требовать полного возмещения ущерба, нанесенного обществом, в пользу которого при наличии оснований взыскиваются убытки» [9. – С. 888].

По нашему глубокому убеждению, такие нормы французского гражданского законодательства могут быть включены в российское гражданское законодательство, в частности, в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Федеральный закон «Об акционерных обществах».

Заслуживает отдельного научного внимания и осмысления позиция современных ученых-юристов по поводу проблемы передачи полномочий от общего собрания акционеров другому, постоянно действующему органу управления, например, коллегиальному исполнительному органу или единоличному исполнительному органу корпорации. В этой связи интересна позиция Н. Б. Романовой, которая среди прочего утверждает, что в случае осуществления передачи полномочий общего собрания акционеров другому органу позиции акционеров могут явно ослабнуть. Они уже не смогут решать важные ключевые вопросы, касающиеся коммерческой и некоммерческой деятельности организации, и контролировать ее посредством утверждения годовых отчетов, годовой бухгалтерской отчетности, счетов прибылей и убытков, утверждения аудитора, ревизионной комиссии общества и т. д. От них не будет зависеть даже решение по выплате дивидендов. И хотя закон устанавливает требование о единогласном принятии такого решения, акционеры все же рискуют, передавая свои полномочия другому органу. Под вопросом оказывается и сам право-

вой статус общего собрания акционеров как органа прямой акционерной демократии [5. – С. 130].

В целом мы разделяем точку зрения вышеназванного ученого, однако сейчас, к сожалению, особенно в известных и крупных корпорациях, намечается устойчивая тенденция передачи значительного числа функций общего собрания акционеров совету директоров или коллегиальному исполнительному органу общества. При этом большинство акционеров не против такой передачи, освобождающей их от необходимости участия в общем собрании акционеров.

Исследователь Н. Л. Бондаренко направляет наше внимание на такой орган акционерного общества, как счетная комиссия во главе с председателем. Отмечается, что детальный анализ белорусского законодательства позволяет в общей сложности выделить три основные функции счетной комиссии: организационную, легитимационную и информационную. Считается вполне целесообразным шагом разработка и принятие Положения о счетной комиссии в акционерных обществах, в котором следует закрепить функции ее председателя. Председатель счетной комиссии должен быть ответственен за надлежащую организацию ее работы, сбор бюллетеней для голосования, сообщение участникам собрания о наличии кворума и результатах подсчета голосов. Кроме того, ему следует обеспечить передачу протокола об итогах голосования председателю общего собрания, опечатать и передать на хранение в архив общества бюллетени для голосования и доверенности представителей акционеров [1. – С. 4].

По нашему мнению, в ПАО необходимо создавать счетную комиссию и в уставе четко прописывать ее компетенцию, задачи и функции. При осуществлении своей деятельности данная комиссия должна взаимодействовать со всеми органами управления акционерным обществом и с каждым акционером, информируя его о деятельности общества.

Примечательна позиция современных российских исследователей в отношении срока полномочий единоличного исполнительного органа акционерного общества. Ряд из них указывают на то, что «...конструируя внутреннее устройство корпорации, компетенцию, срок полномочий ее органов, следует учитывать действительный баланс интересов в корпорации и ее перспективы. Вопрос о сроке полномочий исполнительного органа должен решаться в каждом конкретном случае исходя из текущего и планируемого соотношения акцио-

нерного капитала, персонального состава органов управления, его подконтрольности, состояния кадрового резерва, а также с учетом существующих практик корпоративного управления» [4. – С. 130].

На наш взгляд, должность единоличного исполнительного органа ПАО должна быть выборной, на нее следует объявлять конкурс, устанавливая срок полномочий – четыре–пять лет, предусмотрев возможность повторного переизбрания. Мы полностью солидарны с позициями ученых, утверждающих, что аппарат управления корпорации должен состоять исключительно из опытных и квалифицированных профессионалов. Именно они смогут грамотно, законно и эффективно управлять акционерным обществом.

В целом же акционерное общество как субъект предпринимательской деятельности является сложной корпоративной организацией ввиду сочетания имущественной, правовой и организационной составляющих. Акционерная форма хозяйствования является не только проверенной временем, но и наиболее удобной в плане расширения экономического влияния путем возможности привлечения капитала, объединения усилий управления, что позволяет ей на протяжении столетий доминировать в сфере производства, реализации товаров и услуг. Популярность акционерной формы осуществления предпринимательской деятельности обусловлена рядом факторов, а именно способностью сосредоточения и целенаправленного использования капиталов значительного числа субъектов в целях развития крупного производства и реализации глобальных проектов, ограниченностью рисков потерь акционера размерами его вклада в уставной капитал общества [3. – С. 86].

Другие же исследователи справедливо утверждают, что особенность акционерных обществ заключается в том, что данная организационно-правовая форма в гораздо большей степени, чем прочие существующие в российском правовом порядке формы, подвержена дополнительному регулированию, контролю и надзору со стороны государственных регуляторов: Центрального банка Российской Федерации (что в основном связано с осуществлением эмиссии ценных бумаг, а также с участием на рынке эмиссионных ценных бумаг) в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также Федеральной антимонопольной службы Российской

Федерации (занимающейся проведением предварительного или последующего антимонопольного контроля действий по слиянию, присоединению, созданию акционерных обществ, подпадающих под понятие экономической концентрации, в отношении сделок, связанных с приобретением крупных пакетов акций) в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции» [8. – С. 126]. Далее указанные исследователи обоснованно подчеркивают, что осуществление предпринимательской деятельности акционерного общества влечет возникновение ряда определенных обязанностей:

- информационных, связанных с предоставлением информации о деятельности акционерного общества;
- управленческих, связанных с образованием в структуре организации коллегиального органа управления;
- ревизионных, связанных с образованием и деятельностью ревизионной комиссии;
- аудиторских, по назначению аудитора;
- регистрационных, по ведению соответствующего реестра акционеров [8. – С. 127].

Таким образом, правовое регулирование возникающих корпоративных отношений эффективно в большей степени для крупного и среднего бизнеса, для малого же предпринимательства оно весьма незначительно и не всегда целесообразно. В силу этого субъекты малого бизнеса предпочитают акционерной форме хозяйствования индивидуальное предпринимательство или общество с ограниченной ответственностью. Актуально и необходимо правовое регулирование внутрикорпоративных отношений предпринимательской деятельности коммерческих организаций, в структуре которых имеется значительное количество подразделений, а также тех корпораций, деятельность которых затрагивает интересы широкого круга лиц как в гражданско-правовых, так и в предпринимательских отношениях [2. – С. 31–32].

Несмотря на то, что в настоящее время акционерные общества формируются либо как публичные (ПАО), либо как непубличные (АО), законодатель не слишком торопит хозяйственные общества менять названия, то есть новые нормы не носят срочного обязательного порядка. Нормы о ПАО и АО являются диспозитивными, то есть изменения в названии следует отразить при первом внесении изменений в учредительные документы. При этом на практике возникает определенная

путаница, поскольку некоторые общества уже сменили названия на ПАО, другие же до сих пор остаются ОАО и даже ЗАО [7. – С. 147].

В заключение настоящей статьи приведем заслуживающие научного внимания точки зрения современных ученых-юристов относительно минимального размера уставного капитала акционерных обществ: «...если законом будет предписан слишком большой минимальный капитал, то это явится барьером для учредителей, если же установленный размер невелик, то он непригоден для защиты кредиторов и не выполняет гарантийной функции. Минимальные размеры, установ-

ленные действующим законодательством, не выполняют сегодня функцию защиты прав кредиторов. Кроме того, они не являются и имущественной базой для начала деятельности самого акционерного общества» [6. – С. 125].

В целом акционерные общества, особенно ПАО, являются, по нашему глубокому убеждению, наиболее устойчивыми и совершенными формами предпринимательских корпораций, к которым всегда будет больше доверия со стороны граждан и юридических лиц, чем к более распространенным и часто ликвидируемым обществам с ограниченной ответственностью.

Список литературы

1. Бондаренко Н. Л. Правовой статус и функции счетной комиссии в акционерном обществе // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире. Сборник статей международной научно-практической заочной конференции. Ответственный за выпуск И. А. Маньковский. – Минск, 2015. – С. 3–5.
2. Голубева Е. А. Особенности правового регулирования деятельности акционерных обществ как субъектов гражданского права // Перспективы развития институтов права и государства. Сборник научных трудов Международной научной конференции. Ответственный редактор А. А. Горохов. – Курск, 2018. – С. 30–34.
3. Заводьева И. И., Тарасов Ю. А. Исследование гражданско-правового статуса акционерного общества как юридического лица // Актуальные вопросы развития современного общества. Сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции. – Курск, 2018. – С. 84–89.
4. Лалетина А. С., Косякин И. А. Срок полномочий единоличного исполнительного органа акционерного общества // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Том 14. – № 2. – С. 114–136.
5. Романова Н. Б. Особенности подготовки и проведения общего собрания акционеров в непубличных акционерных обществах // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2017. – Т. 27. – Вып. 1. – С. 129–132.
6. Скворцова Т. А., Алексеев С. А. Некоторые вопросы правового статуса акционерных обществ в России // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2019. – № 3–8. – С. 123–127.
7. Стёпкин С. П. Акционерное общество как субъект гражданского права // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2018. – № 1. – С. 141–149.
8. Сторожева А. Н., Дадаян Е. В. К вопросу о деятельности публичных и непубличных обществ: российский и зарубежный опыт // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2018. – № 4. – С. 125–130.
9. Терновая О. А. Правовой статус органов управления акционерного общества во Франции и в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 5. – С. 884–889.

К вопросу о бенефициарном владельце юридического лица, доли (акции) которого входят в состав закрытого паевого инвестиционного фонда

И. О. Осташевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Ostashevich.IO@rea.ru

On the Question of the Beneficial Owner of a Legal Entity with its Shares Being Part of a Closed Mutual Investment Fund

I. O. Ostashevich

PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: Ostashevich.IO@rea.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы, используемые при установлении лиц, под контролем которых находится юридическое лицо, если акции или доли в уставном капитале такого юридического лица входят в состав закрытого паевого инвестиционного фонда. В подобных ситуациях выявление бенефициарного владельца, например, для целей исполнения требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, либо для исполнения требований антимонопольного законодательства, существенно усложняется, поскольку по законодательству об инвестиционных фондах паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом. Кроме того, имуществом, составляющим паевой инвестиционный фонд, распоряжается доверительный управляющий на основании договора доверительного управления. Таким доверительным управляющим является профессиональный участник рынка ценных бумаг – управляющая компания, деятельность которой лицензируется Банком России. В свою очередь, у управляющей компании паевого инвестиционного фонда, как у самостоятельного хозяйствующего субъекта, могут быть контролирующие лица, никак не связанные с владельцами инвестиционных паев – юридическими собственниками имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд, которые в реальных сделках с таким имуществом не принимают какого-либо участия.

Ключевые слова: выгодоприобретатель, контролирующее лицо, прямой контроль, косвенный контроль, управляющая компания паевого инвестиционного фонда, доверительное управление имуществом, владельцы инвестиционных паев, имущественный комплекс, инвестиции, профессиональные участники рынка ценных бумаг, некредитные финансовые организации, идентификация клиента, противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Abstract

The article discusses various approaches used in determining the persons under whose control a legal entity is located, if shares in the authorized capital of such a legal entity are part of a closed mutual investment fund. In such situations, the identification of the beneficial owner, for example, for the purposes of fulfilling the requirements of the legislation on countering the legalization (laundering) of proceeds from crime, or for fulfilling the requirements of antimonopoly legislation, is significantly complicated, since under the legislation on investment funds, a mutual investment fund is not a legal entity. In addition, the trustee manages the property that makes up the mutual investment fund on the basis of a trust management agreement. Such a trustee is a professional participant in the securities market – a management company with activities licensed by the Bank of Russia. In turn, the management company of a mutual investment fund, as an independent business entity, may

have controlling persons who are in no way related to the owners of investment units – the legal owners of the property that makes up the mutual investment fund, who do not take any part in real transactions with such property.

Keywords: beneficiary, controlling person, direct control, indirect control, management company of a mutual investment fund, trust management of property, owners of investment units, property complex, investments, professional participants in the securities market, non-credit financial organizations, identification of the client, countering the legalization (laundering) of proceeds from crime.

На текущий момент для предпринимательской деятельности особое значение приобретает вопрос выявления бенефициарного владельца юридического лица. Это крайне важно для понимания возможных ограничений и запретов на ряд сделок (займы, купля-продажа недвижимости или ценных бумаг и др.), которые содержатся в Указах Президента Российской Федерации – от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» и от 5 марта 2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами». Для корректного исполнения этих актов участникам предпринимательской деятельности важно установить, под контролем каких лиц находится юридическое лицо и нет ли среди них иностранных лиц, связанных с иностранными государствами, которые совершают в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц недружественные действия.

Такое пристальное внимание к контролирующим лицам сильно усложняет деятельность юридических лиц, доли в уставных капиталах или акции которых входят в состав закрытых паевых инвестиционных фондов. Связано это с неоднозначностью применимых правовых норм, содержащихся в законодательстве, регулирующем вопросы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и в законодательстве, регулирующем паевые инвестиционные фонды.

В соответствии с подпунктом 8 статьи 6.1 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – ФЗ № 115) под бенефициарным владельцем понимается физическое лицо, которое в конечном счете – прямо или косвенно (через третьих лиц) – владеет (имеет преобладающее участие в капитале в виде доли размером более 25%) юридическим

лицом либо имеет возможность контролировать его действия.

Анализируя данное определение, можно согласиться с мнением И. А. Хавановой: «Для противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, значение имеет “окончательный” контроль (“ultimate” control), а собственность компании в итоге всегда контролируется физическими лицами, юридическое лицо как “продукт юридической техники... в конечном счете служит для представления интересов определенных физических лиц”. Не случайно в качестве бенефициарного владельца для целей названного Закона рассматривается только физическое лицо» [4].

Центральный банк Российской Федерации в своем Письме от 28 января 2014 г. № 14-Т «Об информационном письме по вопросам идентификации организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, бенефициарных владельцев»¹, с одной стороны, более подробно сформулировал основания для признания бенефициарным владельцем, с другой – дал возможность для субъективного мнения при его выявлении.

Так, организация принимает решение о признании физического лица бенефициарным владельцем при наличии у такого лица возможностей контролировать действия клиента с учетом следующих факторов:

- физическое лицо прямо или косвенно (через третьих лиц) имеет преобладающее участие (более 25%) в капитале клиента или в общем числе акций клиента с правом голоса;

- физическое лицо имеет право (возможность) на основании договора с клиентом оказывать прямое или косвенное (через третьих лиц) существенное влияние на решения, принимаемые клиентом. В частности, физическое лицо имеет возможность воздействовать на принимаемые клиентом решения об осуществлении сде-

¹ См.: Вестник Банка России. – № 11 от 05.02.2014.

лок, в том числе несущих кредитный риск (о выдаче кредитов, гарантий и так далее), включая существенные условия сделок, как и финансовых операций, а также оказывать влияние на величину дохода клиента;

- в силу иных, самостоятельно определяемых организацией факторов, на основании которых физическое лицо будет квалифицировано в качестве бенефициарного владельца.

Рассматривая указанные факторы, характеризующие бенефициарный контроль, И. С. Шиткина приходит к интересному выводу о том, что «сущность фактического контроля заключается в наличии неформализованного (не основанного на формально-юридических основаниях) «господства» юридического или физического лица над подконтрольным лицом, в исключении или подавлении де-факто контролирующим лицом воли подконтрольного лица, в способности контролирующего лица определять решения подконтрольного лица» [5].

В некоторых случаях, особенно в финансовой сфере, для определения контролирующих лиц широко используются критерии, содержащиеся в Международном стандарте финансовой отчетности (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность»¹. На указанный стандарт также ссылался Банк России в своем разъяснении² при определении лиц, прямо или косвенно контролирующих учредителя (акционера, участника) микрофинансовых организаций.

Согласно п. 7 МСФО (IFRS) 10 инвестор обладает контролем над объектом инвестиций, если данный инвестор:

- обладает в отношении объекта инвестиций полномочиями, предусмотренными пунктами 10–14 МСФО (IFRS) 10;

- подвергается рискам, связанным с переменным доходом от участия в объекте инвестиций, или имеет право на получение такого дохода (пункты 15 и 16 МСФО (IFRS) 10);

- имеет возможность использовать свои полномочия в отношении объекта инвестиций с целью оказания влияния на величину дохода инвестора (пункты 17 и 18 МСФО (IFRS) 10).

Отдельно стоит обратить внимание на самостоятельно определяемые организацией факторы признания бенефициарным владельцем. На текущий момент в практике крайне редки подобные ситуации. И этому есть как минимум несколько объяснений. Во-первых, лица, которые запрашивают информацию о бенефициарных владельцах, не хотят соглашаться с таким подходом, поскольку в конечном итоге несут за него ответственность перед контролирующими органами. Во-вторых, сами организации, определяя собственного бенефициарного владельца на основании такого подхода, рискуют тем, что такая информация не будет принята банком или контрагентом без раскрытия подтверждающих документов. Кроме того, как правило, предоставляемые информация и документы подлежат проверке и могут не приниматься во внимание, если выводы не будут подтверждены внутренними службами запрашиваемой стороны. В данном случае можно согласиться с Д. Г. Алексеевой, которая приходит к выводу, что «именно кредитные организации являются основными «правоприменителями» Закона о противодействии ввиду того, что на постоянной основе осуществляют банковские операции и сделки, в том числе по переводу денежных средств, которые потенциально могут быть направлены на отмывание преступных доходов и финансирование терроризма» [1]. Добавим, что к основным правоприменителям стоит причислить не только кредитные организации, но и иные лица, на которые ФЗ № 115 возлагает обязанности по выявлению и идентификации бенефициарных владельцев: некредитные финансовые организации, профессиональные участники рынка ценных бумаг, лизинговые компании и т. д.

Дополнительно стоит отметить, что лица, на которых ФЗ № 115 возлагает обязанности по выявлению и идентификации бенефициарных владельцев, в соответствии с пунктом 3.2. Положения Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» должны иметь самостоятельно разработанную программу идентификации клиента, представителя клиента, выгодоприобретателя,

¹ Приказ Минфина России от 28 декабря 2015 г. № 217н «О введении Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов (отдельных положений приказов) Министерства финансов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Публикация от 08.02.2016. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

² См.: Официальный сайт Банка России. – URL: www.cbr.ru

бенефициарного владельца, которая в том числе должна содержать перечень мер (процедур), направленных на выявление и идентификацию кредитной организацией бенефициарных владельцев клиентов, включая перечень запрашиваемых у клиента документов и информации, порядок принятия кредитной организацией решения о признании физического лица бенефициарным владельцем. Таким образом, субъективное мнение относительно бенефициарного владельца может быть не только у самой компании, но и у лиц, которые обязаны их выявлять.

Применительно к случаям, когда необходимо определить бенефициара компании, доли или акции которой входят в состав паевого инвестиционного фонда, необходимо учитывать следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 10 Федерального закона от 29 ноября 2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (далее – ФЗ № 156), «паевой инвестиционный фонд – обособленный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией. Паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом».

В пункте 1 статьи 13 ФЗ № 156 указано: «В доверительное управление паевым инвестиционным фондом могут быть переданы денежные средства, а также иное имущество, предусмотренное инвестиционной декларацией, содержащейся в правилах доверительного управления соответствующим фондом, если возможность передачи такого имущества предусмотрена правилами доверительного управления паевым инвестиционным фондом». В соответствии с пунктом 2.8 Указания Банка России от 5 сентября 2016 г. № 4129-У «О составе и структуре активов акционерных инвестиционных фондов и активов паевых инвестиционных фондов», в состав активов инвестиционных фондов, относящихся к категории комбинированных фондов, могут входить любые активы, за исключением наличных денежных средств. Таким образом, в состав комбинированных закрытых паевых инвестиционных

фондов могут входить как акции, так и доли в уставных капиталах хозяйственных обществ – акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью.

Исходя из приведенного выше определения «бенефициарный владелец» с его отсылкой к тому, что такое лицо либо владеет юридическим лицом, либо имеет возможность контролировать его действия, попытка определить бенефициарного владельца юридического лица, доли (акции) которого входят в состав имущества паевого инвестиционного фонда, через бенефициарного владельца самого фонда является несостоятельной, поскольку у паевого инвестиционного фонда не может быть бенефициарного владельца исходя из буквального прочтения норм российского законодательства, поскольку паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом.

В соответствии с пунктом 2 статьи 11 ФЗ № 156 «имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд, является общим имуществом владельцев инвестиционных паев и принадлежит им на праве общей долевой собственности». В то же время нужно учитывать и другие положения данного пункта, а именно то, что «учредитель доверительного управления передает имущество управляющей компании для включения его в состав паевого инвестиционного фонда с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления», а также то, что «раздел имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд, и выдел из него доли в натуре не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом». С этим же связано еще одно важное положение данной статьи: «Присоединяясь к договору доверительного управления паевым инвестиционным фондом, физическое или юридическое лицо тем самым отказывается от осуществления преимущественного права приобретения доли в праве собственности на имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд. При этом соответствующее право прекращается».

Анализируя в совокупности данные нормы ФЗ № 156, Е. А. Суханов приходит к важному выводу: «Очевидно, что отношения по поводу ПИФов не имеют ничего общего с обычной общей долевой собственностью. Главное же состоит в том, что эти обязательственные по своей юридической природе отношения и не нуждаются

в дополнительной (явно избыточной) квалификации в качестве вещных отношений общей собственности, которая в ряде случаев лишь запутывает очевидную ситуацию» [3].

В тоже время, в соответствии с пунктом 3 статьи 11 ФЗ № 156, управляющая компания паевого инвестиционного фонда осуществляет доверительное управление паевым инвестиционным фондом путем совершения любых юридических и фактических действий в отношении составляющего его имущества, а также осуществляет все права, удостоверенные ценными бумагами, составляющими паевой инвестиционный фонд, включая право голоса по голосующим ценным бумагам. Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что управляющая компания паевого инвестиционного фонда имеет возможность контролировать действия общества, доли в уставном капитале которого входят в состав имущества паевого инвестиционного фонда.

Данная позиция подтверждается, например, разъяснениями Федеральной антимонопольной службы (ФАС), которая приходит к выводу о том, что «организация, осуществляя деятельность по доверительному управлению несколькими паевыми инвестиционными фондами, имеет право голоса по голосующим акциям, входящим в состав любого из этих фондов, и в случае совершения сделок, иных действий, подлежащих государственному контролю за экономической концентрацией и направленных на приобретение голосующих акций (долей в уставных капиталах) в состав любого из этих фондов, получает право распоряжаться такими акциями (долями в уставных капиталах)»¹.

Банк России в пункте 2.21 Положения от 16 ноября 2018 г. № 660-П «Об общих собраниях акционеров» устанавливает, что в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании, включаются «управляющие компании паевых инвестиционных фондов, если акции общества, предоставляющие акционерам – их владельцам право голоса по вопросам, включенным в повестку дня общего собрания, составляют имущество паевых инвестиционных фондов».

Федеральная налоговая служба России в пункте 41 Приказа от 31 августа 2020 г. № ЕД-7-14/617@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств», разъясняя порядок заполнения документов, указывает, что при заполнении раздела «Сведения о паевом инвестиционном фонде, в состав имущества которого включается доля в уставном капитале создаваемого юридического лица» необходимо указывать сведения об управляющей компании, осуществляющей управление паевым инвестиционным фондом.

В судебной практике можно также найти подтверждение позиции, что именно управляющая компания осуществляет управление обществом, доли которого входят в состав имущества паевого инвестиционного фонда. Так, в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 29 мая 2009 г. по делу № А56-45466/2008 суд приходит к выводу: «права и обязанности учредителя с долей уставного капитала Общества в размере 80% на основании учредительных документов Общества исполняет Управляющая компания БФА, являющаяся д. у. Фонда «Перспектива», наименование которой и ее статус доверительного управляющего должны быть указаны в разделе 2 листа Г формы Р14001 заявления, представляемого для государственной регистрации изменений в ЕГРЮЛ».

Резюмируя указанные позиции, можно согласиться с выводом Д. В. Ломакина, по мнению которого «определенный законом статус управляющей компании паевого инвестиционного фонда как доверительного управляющего таков, что именно он (а не владельцы инвестиционных паев – формальные совладельцы акций, входящих в фонд) осуществляет в полном объеме все корпоративные права» [2]. Но, к сожалению, на практике лица, запрашивающие информацию о бенефициарном владельце, могут не принимать во внимание особенности правового статуса управляющих компаний паевых инвестиционных фондов и ошибочно указывать владельцев инвестиционных паев в качестве бенефициарного владельца компании, акции (доли) которой составляют имущество такого фонда.

Таким образом, в случаях, требующих выявления бенефициарного владельца компании, акции (доли) которой составляют имущество паево-

¹ Разъяснения Федеральной антимонопольной службы от 29 декабря 2018 г. «Об особенностях контроля антимонопольного органа за экономической концентрацией в отношении финансовых организаций». – URL: <https://fas.gov.ru/>

го инвестиционного фонда, нет однозначной позиции, позволяющей достоверно определить указанное лицо. Такое положение дел создает дополнительное препятствие в использовании пае-

вых инвестиционных фондов как актуального механизма для привлечения инвестиций в экономику государства.

Список литературы

1. *Алексеева Д. Г.* Правовые проблемы, возникающие при идентификации кредитными организациями бенефициарных владельцев // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 1. – С. 49–61.
2. Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. – М. : Статут, 2021.
3. *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. – М. : Статут, 2017.
4. *Хаванова И. А.* Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве // Журнал российского права. – 2014. – № 12. – С. 50–60.
5. *Шиткина И. С.* Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. М. : Статут, 2022.

Ответственность единоличного исполнительного органа при принятии участником общества решения об утилизации товара

И. П. Трофимов

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: ilya.trofimov@teamgroup.ru

Responsibility of the Sole Executive Body when a Participant of the Company Makes a Decision on the Disposal of Goods

I. P. Trofimov

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: ilya.trofimov@teamgroup.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы ответственности единоличного исполнительного органа общества, распределения бремени доказывания при предъявлении иска о взыскании убытков с исполнительного органа юридического лица, а также вопрос наличия самостоятельной воли юридического лица. Актуальность темы вызвана значительным увеличением в 2022–2023 гг. количества иностранных компаний, продающих бизнес в России. Эти процессы зачастую связаны с утилизацией товарных остатков и сырья с целью защиты интеллектуальной собственности и во избежание незаконного оборота своей продукции. Однако такие действия могут не совпадать с интересами нового собственника (нового участника) общества, доли которого продаются. В такой ситуации новый участник общества имеет право предъявить требования к единоличному исполнительному органу общества о взыскании убытков, поскольку именно исполнительный орган реализовал волю предыдущего участника путем осуществления действий, который нанесли ущерб обществу. Методологическую основу исследования составили логический, системный и формально-юридический (догматический) методы. В исследовании сделаны выводы о тождественности воли участника общества и воли самого общества, в связи с чем при ее изменении и предъявлении требований к исполнительному органу общества подлежит применению принцип, известный как эстоппель. Указанные действия должны быть квалифицированы как злоупотребление правом, в связи с чем в удовлетворении таких требований должно быть отказано.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, ущерб, убытки, прибыль, теория юридического лица, воля юридического лица, утилизация имущества, интеллектуальная собственность, корпоративная структура, единственный участник общества, общее собрание участников, экономическая целесообразность, правительственная комиссия, злоупотребление правом, эстоппель.

Abstract

The article deals with the issues of responsibility of the sole executive body of the company, the distribution of the burden of proof when filing a claim for recovery of damages from the executive body of a legal entity, as well as the issue of the existence of an independent will of a legal entity. The relevance of the topic is caused by a significant increase in the number of foreign companies selling business in Russia in 2022–2023. These processes are often associated with the disposal of commodity residues and raw materials in order to protect intellectual property and avoid illegal trafficking of their products. However, such actions may not coincide with the interests of the new owner (new participant) of the company whose shares are being sold. In such a situation, a new participant of the company has the right to make claims to the sole executive body of the company for recovery of losses, since it was the executive body that realized the will of the previous participant by carrying out actions that caused damage to the company. The methodological basis of the research for writing the article

consists of logical, systematic and formal-legal (dogmatic) methods. As a result of the study, conclusions were drawn about the identity of the will of the participant of the company and the will of the company itself, in connection with which, when changing it and submitting requirements to the executive body of the company, the principle of estoppel is subject to application. These actions should be qualified as an abuse of the right, and therefore the satisfaction of such requirements should be also refused.

Keywords: business activity, damage, losses, profit, theory of a legal entity, will of a legal entity, disposal of property, intellectual property, corporate structure, sole participant of the company, general meeting of participants, economic feasibility, government commission, abuse of law, estoppel.

В 2022–2023 гг. на фоне обострившейся политической ситуации в мире многие иностранные компании приняли решение о закрытии бизнеса в России или продаже его местным покупателям (чаще всего – менеджменту) с целью сохранения рабочих мест и поддержания производства, однако уже под другим брендом¹.

Исследования рынка говорят, что к марту 2023 г. более трети международных компаний, а именно 139 из 419, приняли решение о прекращении ведения бизнеса в России. Из них 50% уже продали свои активы (в большинстве случаев такие сделки осуществляются через продажу 100% долей в российской компании)². В случае, когда продавец является лицом из недружественной страны, проведение таких сделок требует отдельного согласования на уровне Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в России в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 618.

В таких случаях продажа бизнеса часто сопровождается утилизацией складских остатков и иных активов, что зачастую является условием при продаже долей общества новому владельцу. Яркий пример подобного производителя, ушедшего с российского рынка, – компания «Сиско Системс» (Cisco Systems Inc.), занимающаяся сетевым оборудованием и ИТ, принявшая в июне 2022 г. решение о закрытии бизнеса в России и уходе с российского рынка. При этом в январе текущего года международная компания Cisco Systems приняла решение о ликвидации материального имущества, расположенного в России, на общую сумму 1,86 миллиарда рублей. В качестве официальной причины было заявлено прекраще-

ние продаж в стране. Большую часть этого имущества составляли запасные части, но вместе с тем было решено уничтожить и другие активы, включая ИТ оборудование. Эта информация подтверждается бухгалтерской отчетностью представительства Cisco Systems в России – ООО «Сиско системс»³.

Компании, которые уходят с рынка путем ликвидации или смены собственника, не заинтересованы в том, чтобы товарные остатки (зачастую брендированные) оставались в обороте на территории России, поскольку создаются риски неправомерного использования товаров, в том числе на черных рынках. Аналогичная практика встречалась и ранее (до 2022 г.), когда крупные компании уничтожали нереализованную продукцию с целью недопущения ее нелегального оборота. Одним из наиболее ярких примеров является компания Burberry, которая в 2018 г. утилизировала нераспроданную продукцию на сумму более 37,6 млн долларов (28 млн евро). По заявлению компании, Burberry таким образом защищает свою интеллектуальную собственность и не допускает попадания собственных вещей на черные рынки по низким ценам⁴.

Следует различать случаи, когда компания уничтожает продукцию без смены состава участников (когда компания остается на рынке, как в случае с Burberry, или когда компания просто прекращает работу в России, как в случае с Cisco), от случаев, когда такие действия предваряют или происходят одновременно с продажей долей общества. В настоящей статье рассматривается последний вариант, в рамках которого

¹ На каких условиях иностранцы продают бизнес в России // РБК. – 5 августа 2022. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/05/08/2022/62ebc7609a7947c562a5979c>

² США подсчитали число ушедших из России компаний // Лента.ру. – 25 мая 2023. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/25/ushli/>

³ Компания Cisco уничтожила активы в России почти на 1,9 млрд рублей // Новый проспект. – 5 апреля 2023. – URL: <https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/kompaniya-cis-co-unichtozhila-aktivy-v-rossii-pochti-na-1-9-mlrd-rublej-utilizirovali-zapasy-oborudov/>

⁴ Luxury brands including Burberry burn stock worth millions // The Times. – 19 июля 2018. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/luxury-brands-burning-stock-worth-millions-zxxscjcmj>

затрагиваются важные вопросы ответственности единоличного исполнительного органа общества, распределения бремени доказывания при взыскании убытков, а также вопрос наличия самостоятельной воли юридического лица.

Как правило, решение об утилизации активов принимает собственник (единственный участник или участники общества на общем собрании) до завершения сделки купли-продажи долей общества. Однако воля нового собственника (нового единственного участника или новых участников) может не совпадать с волей прежнего собственника, имеющего намерение избавиться от активов как можно скорее, поскольку новый собственник заинтересован в том, чтобы коммерческая организация достигала цели, закрепленной в части 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), – получения прибыли. Одновременно с этим возникает вопрос о самостоятельном интересе общества – не нарушает ли решение участника об утилизации активов права и законные интересы самого общества.

В соответствии с пунктом 5 статьи 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» с иском о взыскании убытков с единоличного исполнительного органа может обратиться либо само общество, либо его участник. При этом очевидно, что оснований для такого обращения у участника общества нет, так как он лично принял решение об утилизации имущества. Поскольку в данной ситуации основания для предъявления иска остаются только у самого общества, возникает вопрос: насколько воля участника отличается от воли самого общества? И должен ли генеральный директор (или иной единоличный исполнительный орган) быть ответственным за отрицательные финансовые показатели, возникшие у общества в связи с такими действиями?

В силу части 3 статьи 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» единоличный исполнительный орган общества без доверенности действует от имени общества, в том числе представляет его интересы и совершает сделки, а также выдает доверенности на право представительства от имени общества. Следовательно, формально соглашения об утилизации имущества компании подписывает именно единоличный исполнительный орган (чаще всего – генеральный директор).

Между тем утилизация активов общества может противоречить основной цели деятельности коммерческой организации, закрепленной в статье 50 ГК РФ, а именно – извлечению прибыли. Отсюда возникает еще один вопрос: могут ли действия единоличного исполнительного органа по утилизации активов причинить убытки обществу и (или) имеет ли место недобросовестность и (или) неразумность в действиях генерального директора, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица?

Несмотря на то, что в силу пункта 2 статьи 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» исполнительные органы общества несут ответственность перед обществом за убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействием), если иные основания и размер ответственности не установлены федеральными законами, для привлечения единоличного исполнительного органа к ответственности важно определить, действовал ли он разумно и добросовестно при исполнении своих функций. Иными словами, был ли он внимателен, осторожен и предпринял ли все необходимые действия для корректного выполнения своих обязанностей.

Пункт 25 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняет, что негативные последствия, наступившие для общества в период, когда лицо осуществляло функции единоличного исполнительного органа общества, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействий), поскольку возможность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской и (или) иной экономической деятельности.

Судебное регулирование направлено на обеспечение правовой защиты юридических лиц и их основателей (участников), исключая оценку экономической целесообразности управленческих решений. В этом контексте исполнительный орган не должен нести ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу, при условии, что его действия или бездействие, повлекшие убытки, не выходят за рамки обычного предпринимательского риска.

Более того, в ходе судебного разбирательства генеральный директор не ограничен в праве да-

вать объяснения по делу и раскрывать причины своих действий (или бездействий), равно как и предоставлять доказательства. Это прямо подтверждается позицией Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), выраженной в пункте 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»: если истец утверждает, что директор действовал недобросовестно и (или) неразумно, и представил доказательства, свидетельствующие о наличии у юридического лица убытков, вызванных действиями (бездействием) директора, такой директор может дать пояснения относительно своих действий (бездействия) и указать на причины возникновения убытков (например, на неблагоприятную рыночную конъюнктуру, недобросовестность выбранного им контрагента, работника или представителя юридического лица, неправомерные действия третьих лиц, аварии, стихийные бедствия и иные события и т. п.) и представить соответствующие доказательства.

В гражданских правоотношениях презюмируется, что участники общества действуют разумно и добросовестно до доказательства обратного, поэтому, когда возникает вопрос о недобросовестности или неразумности действий единоличного исполнительного органа компании, которые привели к убыткам юридического лица, бремя доказывания этих обстоятельств ложится на истца. Это значит, что истец должен предоставить убедительные доказательства и аргументы, указывающие на то, что действия или бездействие генерального директора были неосмотрительными или преднамеренными и потому привели к негативным последствиям для общества. Следовательно, необходимо определиться с перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию в таком случае.

Для успешного взыскания убытков в судебном порядке следует тщательно и всесторонне сформировать пакет доказательств, подтверждающих ряд ключевых аспектов, связанных с причинением ущерба обществу.

В первую очередь критически важно установить и подтвердить факт наличия ущерба, причиненного компании, и определить его конкретный размер. Это потребует предоставления документов, экспертных заключений или других доказательств, которые могут свидетельствовать о размере и характере потерь.

Во-вторых, следует доказать, что действия или бездействие генерального директора носили виновный характер. Это может включать в себя действия, которые были преднамеренно направлены на нанесение убытков, или действия, проявляющие халатность и неосторожность со стороны генерального директора. Важно учитывать как прямые действия директора, так и его упущения, которые он мог и должен был предотвратить, основываясь на своем опыте и компетенциях.

В-третьих, необходимо установить и доказать прямую причинно-следственную связь между действиями или упущениями генерального директора и фактическими убытками, понесенными обществом. Этот этап требует детального анализа обстоятельств, при которых был нанесен ущерб, и связи этих обстоятельств с действиями генерального директора.

Только при наличии этих трех компонентов доказательств и их тщательной подготовке возможно обоснование требования о взыскании убытков в суде, что дает шансы на положительное решение по делу. При этом пункт 2 упомянутого Постановления № 62 определяет перечень оснований, когда недобросовестность действий или бездействие директора считаются доказанными. Из этих оснований только первый и последний пункты применимы к рассматриваемой ситуации: конфликт между личными интересами и интересами юридического лица и заключение сделки, не соответствующей интересам юридического лица.

Последний пункт может быть применим к рассматриваемой ситуации (если считать утилизацию продукции самостоятельной сделкой). Оценка выгоды или невыгоды сделки должна проводиться на тот момент, когда она была заключена. Ситуация может измениться, и невыгодность может стать явной уже после ее заключения из-за неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, возникших на основе этой сделки. Если будет установлено, что генеральный директор в момент заключения сделки знал или планировал ее неисполнение или неполное исполнение и это впоследствии привело к убыткам для общества, то он может быть привлечен к ответственности. Это подразумевает, что при заключении сделки генеральным директором должен проводиться анализ с учетом потенциальных рисков и их последствий. Если будет доказано, что генеральный директор сознательно пошел на заключение сделки, понимая ее

возможные негативные последствия для компании, это может послужить основанием для возмещения убытков.

В рассматриваемом случае действия генерального директора прямо обусловлены решением участника, который заинтересован в утилизации продукции для минимизации возможных репутационных и иных рисков. Само же общество может быть ограничено в использовании такой продукции по причине отсутствия прав на интеллектуальную собственность, неразрывно связанных с продукцией и участником общества. В частности, такое возможно в случае, когда исключительные права на товарные знаки, размещенные на утилизируемой продукции, принадлежали участнику общества, а общество использовало их на основании лицензионного договора, который расторгался одновременно с продажей долей самого общества.

Таким образом, как указал ВАС РФ, генеральный директор освобождается от ответственности, если докажет, что невыгодная сделка заключена для предотвращения нанесения еще большего ущерба интересам юридического лица. Ярким примером ущерба может быть иск о нарушении исключительных прав и взыскании убытков от прежнего участника общества вследствие продажи обществом остатков продукции под товарным знаком прежнего участника.

Важнейшим моментом является определение воли юридического лица. Может ли общество отделить свою волю от воли единственного участника или участников общества, особенно в случае, когда решение принимается единогласно?

Позиция Верховного суда Российской Федерации, основанная на пункте 3 статьи 53 ГК РФ и выраженная в «Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2019 г.) состоит в том, что лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества (пункт 3 статьи 53 ГК РФ). Ссылка единоличного исполнительного органа на то, что он исполнял решение общего собрания, не освобождает его от ответственности за убытки, причиненные обществу.

С другой стороны, в теории права выделяют следующие теории юридического лица: теория

фикции, теория персонифицированной цели, теория реального субъекта (органическая теория), теория коллектива, теория государства, теория директора, теория социальной реальности, теория социальных связей, теория организации, теория персонифицированного (целевого) имущества, теория агрегирования, теория интереса и др. Несмотря на наличие множества теорий, нельзя отрицать, что юридическое лицо в любом случае с точки зрения материального мира является абстракцией, то есть создано исключительно сознанием человека и существует благодаря законодательному закреплению этой правовой конструкции [1].

Процедура принятия решения органами управления юридического лица – не что иное, как способ формирования внешнего проявления воли и интереса юридического лица [3]. С. Д. Радченко, развивая эту мысль, приводит подходящий пример того, что в любой корпоративной структуре, где участниками компаний выступают исключительно другие юридические лица, которые, в свою очередь, также созданы и контролируются другими юридическими лицами, этот путь в конечном итоге всегда ведет к физическим лицам – конечным бенефициарам. Независимо от того, насколько сложной и длинной является данная иерархическая цепь участников, в ее основе всегда будут реальные люди, которые первоначально проявили инициативу и желание создать звенья этой корпоративной цепи. Эти индивиды являются первоисточниками всей системы, и именно их решения и намерения определяют создание и функционирование каждого последующего юридического лица в этой иерархии.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что воля участников общества неразрывно связана с волей самого общества, поскольку само общество отдельно от своего участника волей не обладает. Это же подтверждается и пунктом 1 статьи 53 ГК РФ, который закрепляет за юридическим лицом приобретение гражданских прав и принятие на себя гражданских обязанностей через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами.

В силу статьи 91 ГК РФ, статьи 32 Федерального закона № 14-ФЗ высшим органом общества с ограниченной ответственностью является общее собрание его участников. Руководство текущей деятельностью общества осуществляется единоличным исполнительным органом обще-

ства. Получается, что предыдущий единственный участник (или собрание участников) выразил свою волю в момент принятия решения об утилизации остатков продукции. Поскольку, исходя из вышеизложенного, воля общества тождественна с волей его участника, это означает, что на момент принятия рассматриваемого решения воля общества была направлена на утилизацию товара. При этом очевидно, что воля общества не совпадает с волей нового участника, который, реализуя свое право через само общество, может предъявить требование о взыскании убытков к исполнительному органу, возникшее в связи с утилизацией имущества.

Действующее регулирование направлено на защиту стороны, выполняющей добросовестно свои обязательства, и наоборот – ограничение прав на защиту лиц, злоупотребляющих правом. Это соответствует принципу эстоппель, который стал новеллой для российского законодательства, впервые получив свое отражение в Постановлении Президиума ВАС РФ от 22 февраля 2011 г. № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7 [2]. В силу пункта 2 статьи 166 ГК РФ сторона, из поведения которой явствует ее воля на совершение определенных действий, не вправе оспаривать такие действия по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли.

Принцип «эстоппель» предполагает утрату лицом права ссылаться на какие-либо обстоятельства (заявлять возражения) в рамках гражданско-правового спора, если данные возражения существенно противоречат его предшествующему поведению. Основным критерием его применения является непоследовательное, непредсказуемое поведение участника гражданско-правоотношения.

Значение принципа состоит в том, чтобы воспрепятствовать стороне получить преимущества и выгоду вследствие своей непоследовательности и непредсказуемости в поведении в ущерб другой стороне, которая добросовестным образом положила на определенную юридическую ситуацию, созданную первой стороной.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что, поскольку воля общества тождественна воле его участника, к действиям нового участника по предъявлению требований о взыскании убытков к исполнительному органу общества, возникших при реализации выраженной воли участника, должен быть применен принцип «эстоппель» и такие действия должны быть квалифицированы как злоупотребление правом, в связи с чем в удовлетворении таких требований от общества к генеральному директору должно быть отказано.

Список литературы

1. Гусева А. А. Проблемы определения воли юридических лиц в связи с их абстрактной сущностью (на примере виндикационных споров) // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 5 (150). – С. 64–72.
2. Ефремов Е. Н. Принцип «эстоппель» в современном гражданском праве России: основные положения и особенности применения // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2018. – № 1. – С. 34–40.
3. Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: монография. – М. : Волтерс Клувер, 2010.
4. Синглеева Б. А., Панин А. В., Аксенов И. Ч., Нактанов К. К., Цебекова Г. В. Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 4 (63). – С. 53–58.
5. Шахнов Д. Д. Проблемы реализации ответственности единоличного исполнительного органа // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2019. – № 2–3 (27). – С. 19–32.

Проблемы применения смарт-контрактов в гражданском обороте

В. С. Харьков

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: renovatio6373@yandex.ru

Problems of Application of Smart Contracts in Civil Turnover

V. S. Kharkov

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: renovatio6373@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам правоприменения смарт-контрактов в гражданском обороте. Смарт-контракты, или самоисполняющиеся цифровые контракты, привлекают внимание специалистов такими своими преимуществами, как, например, автоматизация процессов, снижение затрат и увеличение скорости исполнения сделки. Несмотря на это, применение их в гражданском обороте сталкивается с набором юридических и технологических проблем. В рамках настоящей работы исследуются такие вопросы, как юридическая сила смарт-контрактов, проблемы их исполнения и оценки юридических рисков. Исследуются история появления понятия «смарт-контракт», а также различные подходы к определению природы смарт-контракта. Достоинствами системы смарт-контрактов являются возможность вступления в правоотношения без привлечения посредников, автоматическое исполнение условий сделки, императивная регламентация условий и невозможность изменения программного кода, положенного в основу смарт-контракта. Настоящая работа может быть полезна специалистам в области цифровых технологий или юристам, изучающим право или практикующим в сфере правового регулирования цифровых технологий.

Ключевые слова: автоматизация, технологии, правовое регулирование, юридические риски, исполнение контрактов, нормативно-правовая база, технология «блокчейн», самоисполняющиеся контракты, цифровые контракты, юридическая сила контрактов, регулирование смарт-контрактов, цифровая экономика, цифровые технологии.

Abstract

The article is devoted to the problems of law enforcement of smart contracts in civil turnover. Smart contracts, or self-executing digital contracts, attract the attention of specialists by their advantages, such as, for example, automation of processes, cost reduction and increase in the speed of transaction execution. But despite this, their application in civil circulation faces a set of legal and technological challenges. This paper investigates such issues as the legal validity of smart contracts, problems of their execution and legal risk assessment. This paper may be useful both for digital technology professionals and for students or lawyers studying law or practicing in the field of legal regulation of digital technologies. The author explores the history of the emergence of the concept of "smart contract", as well as various approaches to determining the nature of a smart contract. The author notes that the advantages of the smart contract system are the possibility of entering into legal relations without the involvement of intermediaries, in the automatic execution of the terms of the transaction, the mandatory regulation of the terms and the impossibility of changing the program code underlying the smart contract. This work can be useful both for specialists in the field of digital technologies, and for students or lawyers studying law or practicing in the field of legal regulation of digital technologies.

Keywords: automation, technology, legal regulation, legal risks, contract enforcement, legal framework, blockchain technology, self-executing contracts, digital contracts, legal force of contracts, regulation of smart contracts, digital economy, digital technologies.

В настоящее время ведется активная работа по интеграции современных достижений в области информационных технологий в правовое поле. Для целей развития цифровой экономики через внедрение инноваций в гражданский оборот Президентом Российской Федерации был принят Указ от 9 мая 2017 г. № 2033 «Об утверждении стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» (далее – Стратегия)¹. В соответствии с этим указом под цифровой экономикой понимается предпринимательская деятельность, в которой ключевым фактором производства признаются данные в цифровом виде. Как указано в Стратегии, в цифровой экономике по сравнению с традиционными формами хозяйствования обработка больших объемов данных и использование результатов анализа таких данных позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

В контексте развития законодательства в области цифрового взаимодействия, цифровых данных, являющихся ключевым компонентом цифровизации общественных отношений, одним из главных объектов научно-правовых исследований в рамках гражданско-правовых отношений являются так называемые смарт-контракты (smart contracts, или самоисполняющиеся договоры).

Указанный термин имеет достаточно разработанную теоретическую основу и законодательно определен в подавляющем большинстве государств, нацеленных на внедрение цифровой экономики. В данном отношении Россия не является исключением.

Пик внимания со стороны законодателя в сторону смарт-контрактов пришелся на 2018 год. С этого времени в Государственную Думу Российской Федерации были внесены важные законопроекты в области цифровизации, включая проекты федеральных законов «О цифровых финансовых активах, о цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодатель-

ные акты Российской Федерации»², «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»³ и другие.

Центральным среди вышеуказанных нормативно-правовых актов является Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – федеральный закон № 34-ФЗ), в рамках которого в качестве главных нововведений можно выделить:

- уточнение статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) путем включения нового объекта гражданских правоотношений – цифровых прав. Кроме того, по цифровым правам была введена в действие отдельная статья 141.1, исходя из которой дано определение термина «цифровые права». Так, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам;

- дополнение основания признания сделок, совершенных в электронном виде, заключенными, а именно: с принятием данной новеллы, если сделка совершена в том числе с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести содержание сделки на материальном носителе в неизменном виде. При этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее свою волю;

- дополнение основания исполнения сделок. Так, федеральный закон № 34-ФЗ ввел в статью 309 ГК РФ положение, согласно которо-

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (редакция от 14 июля 2022 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступил в силу 11 января 2023 г.). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45766>

³ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180027>

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002>

му при наступлении определенных обстоятельств сделка может быть исполнена без направленного на исполнение обязательства, отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки.

Несмотря на обширные научные работы, посвященные исследованию концепции смарт-контрактов, единое определение данного понятия еще не сформировано. Вообще понятие смарт-контракта было впервые предложено в 1997 г. юристом и экономистом Ником Сабо. Он определил смарт-контракт как «компьютерный протокол, который автономно обеспечивает исполнение сделок и контролирует их выполнение, делая нарушение контракта экономически нецелесообразным» [10]. В качестве примера Сабо указал на автоматы для продажи товаров, которые обеспечивают исполнение контракта купли-продажи сразу после внесения денег и выбора товара, хотя эта интерпретация значительно расширяет использование понятия смарт-контрактов. Тем не менее практическое применение смарт-контрактов получило свое продолжение только с появлением технологии «блокчейн».

Согласно другому определению, смарт-контрактом считается программа для ЭВМ (или компьютерный код), поэтому смарт-контракт может быть заключен только с помощью технологии «блокчейн» [4. – С. 26] или другой децентрализованной базы данных, работающей по тем же принципам, что и технология «блокчейн». Смарт-контракт появляется, когда участники «доверяют» выполнение определенных действий программе, причем эти действия не обязательно должны иметь юридический характер.

Этот подход определил специфику регулируемых смарт-контрактами договорных отношений между участниками таких сделок. Реализация смарт-контракта с помощью инфраструктуры «блокчейн» является одним из отличительных критериев данного инструмента. Другими характеристиками смарт-контракта являются: использование языка программирования (вместо естественного языка) при составлении контракта, а также самоисполняемость контракта (договора).

Изучая природу смарт-контракта, необходимо понимать, что он, с одной стороны, как и любой другой договор, реализуется по принципу «если – то», а с другой стороны, данные команды исполняются в нем программой для ЭВМ в рамках заранее установленного алгоритма (программного

кода). В случае же с классическим договором, составленным на естественном языке, условия такого договора исполняются участниками добровольно своими силами, либо в принудительном порядке с применением государственного механизма принуждения (решения суда, исполнительного производства).

Самоисполняемость предполагает, что условия смарт-контракта будут выполняться автоматически при условии выполнения тех или иных условий, заранее определенных сторонами и прописанных на языке программирования.

Смарт-контракты, представляющие собой электронные алгоритмы, управляемые различными интернет-технологиями, обеспечивают возможность равноправного совершения сторонами сделок, связанных с передачей имущественных и неимущественных прав. Такое эффективное проведение сделок дает возможность избежать множества посредников и неэффективных затрат, характерных для организации сделок, соответствуя тем самым цифровой парадигме в области социально-экономических отношений.

Проще говоря, смарт-контракт – это не совсем договор в классическом понимании, а компьютерная программа, с помощью которой стороны, предварительно достигнув определенного соглашения друг с другом, получают возможность передать полное исполнение сделки на откуп программе (системе), которая будет сама отслеживать выполнение условий и автоматически выполнять встречные обязательства, например: после отгрузки товара система в рамках смарт-контракта компенсирует контрагенту стоимость товара, при регистрации перехода прав на объект недвижимого имущества другая сторона получит плату за продажу такого объекта недвижимости и т. д. Стороны определяют в таком договоре все существенные условия сделки – предмет, сроки исполнения, права и обязанности сторон, ответственность за их невыполнение – и подписывают договор электронно-цифровыми подписями.

Тем не менее вопрос о юридической сущности смарт-контрактов еще не разрешен. Есть несколько ключевых точек зрения на смарт-контракты, которые рассматриваются как тип договора [7], как метод его исполнения [5. – С. 28], как форма договора [1. – С. 110], как форма защиты права [11], хотя некоторые исследователи вообще испытывают трудности в определении юридической природы смарт-контракта [3. – С. 36].

Отдельные ученые рассматривают в своих работах смарт-контракты не просто как одну из разновидностей форм заключения контракта, но как полноценную его замену, поскольку находят определенные сходства между законом в его традиционном понимании и компьютерным кодом, что, по мнению этих исследователей, не требует дополнительной правовой детализации процессов его исполнения [9. – Р. 232]. В то же время согласиться с такой аргументацией весьма сложно, поскольку даже автоматически исполняемые договоры, не требующие вмешательства со стороны человека на этой стадии, все же требуют нормативного закрепления для полноценного их использования в гражданском обороте. Наше утверждение полностью согласуется с классической концепцией К. Маркса, отмечавшего в свое время важность нормативной основы в системе регулирования общественных отношений [6. – С. 6–7].

Согласно мнению, преобладающему в научной среде как на национальном, так и на международном уровне, смарт-контракты полностью соответствуют основным признакам договора [8]. В частности, к таким признакам можно отнести следующее:

- договор является волевым актом сторон, при этом такая сделка представляет собой не разрозненные действия двух или более лиц, а единое волеизъявление, выражающее общую волю сторон. Такое единое волеизъявление предполагает не только свободу выбора контрагента, но и вида договора и его условий, на которых стороны желают вступить в отношения;
- договор выступает в качестве юридического факта, устанавливающего конкретные права и обязанности сторон;
- договор нацелен на регулирование конкретных гражданско-правовых отношений между конкретными субъектами таких правоотношений;
- договор содержит вполне определенный перечень элементов, составляющих содержание договоренности сторон, – предмет, цену, сроки, ответственность, порядок расчетов, порядок выполнения обязательств и т. д.

Те же положения могут быть применены и к смарт-контрактам. Так, в результате заключения смарт-контракта стороны принимают на себя определенные договорные обязательства и связывают себя конкретными условиями сделки, которые впоследствии отслеживаются и испол-

няются автоматически. Вторым важным моментом является проявление сторонами своего добровольного согласия на заключение смарт-контракта, что подтверждает волевою составляющую данного юридического акта.

Однако следует принять во внимание позицию экспертов, сомневающих в возможности признания смарт-контракта самостоятельным договором [2]. Больше логики содержится в теории, помещающей смарт-контракт в раздел договорных форм или моделей. В этом контексте смарт-контракт выступает в роли договорного механизма, ключевые характеристики которого таковы:

- электронная форма заключения и существования в пределах технологии «блокчейн» или другой децентрализованной базы данных;
- автоматизированное исполнение образованных обязательств без необходимости дополнительного проявления воли контрактных сторон;
- невозможность модификации после публикации в блокчейн-сети, даже по соглашению между сторонами.

Общеизвестно, что сегодня технология «блокчейн» обладает такими техническими характеристиками, которые позволяют интегрировать ее в смарт-контракт, применимый к подавляющему большинству известных российскому праву договоров. Здесь вполне уместны примеры договоров купли-продажи, аренды и даже перевозки. В то же время сам факт передачи токена, в котором отражены условия «умного» договора, необходимые для его заключения и исполнения, не свидетельствует о заключении сделки. Это связано с тем, что, хотя такой смарт-контракт признается исполненным после передачи определенного актива (токена), данный актив не связан напрямую с субъектом, который должен выполнить обязательство.

Как было сказано выше, анализ влияния инновационной технологии «блокчейн» на правовую сферу до сих пор считается неполным, что осложняет процесс определения законодательного статуса и применимых правовых норм, которые часто конфликтуют с действующими законами, включая сферу гражданских отношений. Использование новых технологий и техник дополненной реальности, таких как технология «блокчейн», Ethereum, Hashgraph и др., осуществляется по большей части независимо, без прямого вмешательства государства и без соответствующего законодательного регулирования, что

неминуемо ведет к коллизиям с нерешенными юридическими проблемами.

Многочисленные платформы, которые используют технологию «блокчейн» и смарт-контракты, продолжают развиваться в ответ на рыночный спрос, расширение сферы электронной коммерции и прогресс в области информационных технологий. Это приводит к возникновению набора вопросов, связанных с трансформацией традиционных, «офлайновых» правовых отношений в онлайн-формат, а также к признанию необходимости законодательного контроля над виртуальными договорами, учитывая их уникальные особенности.

Разрешение таких проблем представляет особую сложность, так как требуется согласование традиционного права и инновационных форм правового регулирования. Существующие юридические инструменты не всегда обеспечивают этот процесс согласования, что вызывает трудности в законодательном закреплении этих новых форм правоотношений. Тем не менее виртуальный гражданский оборот обеспечивает множество выгодных условий для эффективной реализации смарт-контрактов. Применение электронной цифровой подписи (ЭЦП) в виртуальных правоотношениях стало общепризнанным фактом несмотря на отсутствие четкого механизма правового регулирования этого явления.

Запуск в 2015 г. инновационного цифрового проекта Ethereum стал ключевым моментом в развитии новых технологий и платформ для смарт-контрактов. С возможностями программы Ethereum использование смарт-контрактов в контексте децентрализованных веб-служб значительно увеличилось, что привело к более широким инвестиционным перспективам в области блокчейн-технологий. Программа Ethereum предоставляет расширенную цифровую платформу для регистрации множества транзакций с использованием разнообразных активов, обеспечивая при этом усиленную защиту и гарантируемое исполнение обязательств без необходимости вовлечения посредников. Традиционные юридические формальности и банковские операции в большинстве случаев исключаются из-за существования замкнутого цикла цифровых сделок. Данная технология позволяет использовать любые языки программирования для создания уникальных байт-кодов для выполнения виртуальных сделок.

Однако в этом контексте возникают вопросы безопасности, связанные с возможностью хакерских атак, поскольку так называемый электронный оракул, связывающий программу с внешним миром, не может обеспечить полную защиту. Использование электронных оракулов, представляющих собой программные элементы, посредством которых обеспечивается дополнительный вход и/или выход из сети, требуется для уточнения значения криптовалют, а также для определения других рыночных параметров и индексов.

Смарт-контракты сами по себе, как программные алгоритмы, реализуются без вмешательства сторон, что позволяет отслеживать все этапы выполнения обязательств участников. Технология «блокчейн», в свою очередь, значительно снижает вероятность кибератак и обеспечивает быстрые, автономные и прозрачные транзакции с возможностью полной блокировки любого несанкционированного доступа.

Смарт-контракты, работающие на технологии «блокчейн», можно применять в любой сфере деятельности, где экономические и финансовые активы взаимодействуют с сетью Интернет, включая финансы, страхование, энергетику, торговлю, транспорт, услуги и другие секторы экономики. Главные преимущества таких сделок – это юридическая чистота, оперативность, возможность непрерывного контроля, сокращение посреднических расходов, минимизация потенциальных потерь от транзакционных издержек и мошеннических действий.

Достоинствами системы смарт-контрактов являются предоставляемая ею возможность вступления в правоотношения без привлечения посредников, автоматическое исполнение условий сделки, императивная регламентация условий и невозможность изменения программного кода, положенного в основу смарт-контракта.

Смарт-контракты предоставляют возможность осуществлять безопасные операции, такие как обмен криптовалютой (токенами), ценными бумагами, акциями, имуществом и другими активами напрямую, минуя посреднические органы в виде банков или регулирующих государственных институтов. Эти транзакции отличаются прозрачностью, необратимостью и возможностью контроля за их проведением. Однако это решение также имеет серьезные недостатки, к которым относятся, например, невозможность модификации существующего смарт-контракта или нечеткая

связь между сторонами договора и физическими активами на рынке существующих платформ.

Другим недостатком применения смарт-контракта является то, что в программном коде может обнаружиться ошибка, влияющая на исполнение договора. При этом остается нерешенным вопрос, на кого должна быть возложена ответственность за ошибки в условиях (программном коде) – на сторону, которая обеспечила подготовку смарт-контракта, или на владельца информационной системы, посредством которой заключается и реализуется смарт-контракт.

Также стоит отметить и другую проблему применения смарт-контрактов в настоящее время. На рынке достаточно мало специалистов, которые одновременно являются и специалистами в области компьютерных программ или специалистами, владеющими теми или иными языками программирования, и специалистами в области права, которые могли бы с должным профессионализмом переложить условия договора на язык программирования. Особенно эта проблема актуальна для среднего и малого бизнеса. У бизнеса на текущий момент порой не хватает необходимых знаний, чтобы понять обычный договор, составленный в простой письменной форме, о понимании же смарт-контрактов и говорить не приходится. Без необходимых специалистов невозможно проверить записанные в компьютерном коде условия, сверить их с потребностями бизнеса в рамках заключаемого договора, убедиться в достоверности и целостности записи об условиях сделки.

Кроме того, остаются нерешенными многие вопросы правоприменения смарт-контрактов в свете договорного права. Например, может ли применяться договорная ответственность в случае ненадлежащего исполнения смарт-контрактов? А могут ли вообще смарт-контракты исполняться ненадлежащим образом? Предполагается, что нет, ведь суть такого договора как раз в том, чтобы обеспечить четкое и надлежащее исполнение обязательства без участия человека и, следовательно, при исключении таких факторов, как недобросовестность, предвзятость, злоупотребление правом, злонамеренное причинение вреда, намеренное неисполнение обязательства под воздействием внешних факторов (резкое падение или резкий рост цен) и т. д. Конечно, обстоятельства, влияющие на исполнение договора, могут создать определенные сложности, поэтому крайне важно установить в смарт-

контракте все положения и обстоятельства, которые помогут обеспечить гибкость его условий.

Наряду с этим технологии информационно-коммуникационного характера, как и процесс цифровизации в целом, имеют и другие минусы, хотя их достоинства намного превышают недостатки, и важно успевать использовать их по мере возможности. Очевидно, что законодательное обеспечение этих процессов отличается неповоротливостью и влияет на все сферы человеческой деятельности, включая экономику и право. Смарт-контракты уже давно применяются в частном виртуальном пространстве, и их технологическая эволюция намного опережает правовое обеспечение этого процесса. Блокчейн-платформы могут иметь множество функциональных типов, что делает непростой задачей законодательное определение их правоприменительной практики. Несмотря на это, любая блокчейн-технология должна регулировать хранение данных и гарантировать участникам процесса подлинность информации.

Правовые варианты реализации всегда сопряжены с определенными рисками и проблемами в правовой, экономической и даже культурной сферах. Главная проблема, присущая децентрализованным цифровым сетям и технологиям, связана с контролем над ними, который часто не соответствует ожиданиям участников предпринимательской деятельности, хотя государство проявляет большой интерес к этому вопросу. Поиск компромиссного решения данной проблемы означает необходимость разработки оптимальных юридических конструкций и форм в механизме правового регулирования нового явления.

В связи с этим представляется необходимым привлекать ИТ-специалистов и экспертное сообщество для координации правовых конструкций и дефиниций при разработке законодательных инициатив в этой сфере, а также для создания электронной системы налогообложения смарт-контрактов и системы безопасности. Все это требует особого внимания со стороны законодательной власти, поскольку в подобной работе отсутствует достаточное число специалистов, способных на правовом языке оформить виртуальные механизмы и новые технологии в сфере компьютерного программирования и при этом избежать противоречий с существующим законодательством.

Пока что не удалось учесть все юридические и технические последствия, которые могут возник-

нуть в случае ошибок в написании кода или при вводе данных участниками цифровой транзакции. В связи с этим и другими причинами споры относительно смарт-контрактов и технологии «блокчейн» продолжаются.

Алгоритм смарт-контракта представляет собой три основных этапа: оформление договора и занесение информации о нем в реестр платформы «блокчейн» (с обязательным использованием электронной цифровой подписи участвующими сторонами). Далее в автоматическом режиме происходит реализация условий контракта в соответствии с условиями, закрепленными в программе. И, наконец, проводится окончательный контроль результатов исполнения контракта с полным сохранением содержания и всех конфиденциальных данных, включая личную информацию. Важно отметить, что существует частная децентрализованная цифровая среда, предусмотренная программой (например, такой как Ethereum), которая обеспечивает поддержку необходимых входов и выходов для системы оракулов, предназначенных для постоянной связи между реальным миром и цифровой реальностью.

Кроме уже упомянутых аспектов блокчейн-платформа также обладает возможностью предоставления дополнительных параметров для виртуального соглашения, базирующегося на специфике данной формы, например, когда транзакция фиксируется на платформе до момента подтверждения сделки электронным способом со стороны продавца, после чего производится перевод средств на счет продавца (будь то в форме криптовалюты или обычной валюты). Такая платформа также обладает механизмами обеспечения штрафных мер за нарушение условий договора с последующим возмещением убытков пострадавшей стороне.

Как показывает практика, возможности использования смарт-контрактов постоянно расширяются с развитием новых электронных платформ. Это привело к тому, что теперь на мобильных устройствах нового поколения можно полностью реализовать все этапы смарт-контракта, не прибегая к использованию обычных компьютеров. Это предоставляет участникам сделок большую мобильность и защиту от внешних воздействий.

В то же время важно сделать оговорку о том, что приведенные в этой статье наблюдения следует воспринимать с осторожностью. Ни одна

национальная правовая система (в частности, российская) на данный момент не имеет надлежащей структурированной законодательной базы по вопросу регулирования подобных электронных технологий. Отсутствие универсальных определений и категорий в сфере виртуальных сделок приводит к деструктивным процессам, которые сдерживают глобализацию и оптимизацию торговых операций в сети.

Прежде всего это касается транзакций с криптовалютой, статус которых в правовом смысле во многих странах пока не определен. Очень важно разработать гибкие правовые формы регулирования для сохранения предпринимательской активности на национальном цифровом рынке услуг и предотвращения монополизации цифровых активов иностранными корпорациями. В недалеком будущем монополия в цифровой сфере может представлять значительный риск и вызывать нестабильность в финансово-экономическом контексте. Эти условия вызывают необходимость направления совместных усилий специалистов различных областей права в сторону разработки новых юридических инструментов и процедур, предназначенных для комплексного и междисциплинарного формирования виртуальных цифровых юридических отношений (включая смарт-контракты), за которыми последует процесс кодификации информационного права как ключевого элемента данного механизма.

В современном мире законодательство в сфере предпринимательской деятельности требует активного формирования и установления правовых рамок для широкого спектра гражданско-правовых, финансово-правовых, информационно-правовых, административно-правовых и других правовых отношений, которые базируются на цифровых технологиях. Смарт-контракты являются лишь началом сложного процесса юридической цифровизации, без которого ни в коем случае нельзя представить будущее предпринимательской деятельности в условиях электронной инновационной реальности.

Вышеуказанные нормативно-правовые акты, представленные для рассмотрения, нацелены на выработку средств правового управления цифровыми активами и на установление способов надлежащего контроля за выполнением правил и обязательств всеми участниками в рамках цифрового пространства. Критический обзор подобных инновационных законодательных предложений указывает на наличие значительных проти-

воречий, обусловленных их секторальной связью с инициативами Министерства финансов без должной координации с другими заинтересованными сторонами. Несмотря на это, упомянутые законодательные инициативы пытаются стандартизировать терминологическую базу и установить правовые основания для возможной дальнейшей модификации и полного признания смарт-контрактов как отдельной формы соглашения.

Таким образом, можно прийти к выводу о важности и необходимости комплексного подхода к выработке механизма правового управления смарт-контрактами на основе цифровых технологий, применимых инструментов юридической техники и законодательных инициатив с целью

создания эффективной правовой базы для ведения бизнеса в рамках цифровой экономики. Сложности такого процесса демонстрируются, например, нежеланием Центрального банка Российской Федерации узаконить криптовалюту и сделки с ее использованием, что подтверждается судебными прецедентами в этой области.

Невзирая на наблюдаемые проблемы, множество бизнес-сделок, основанных на заключении смарт-контрактов, доказывают свою эффективность и практическую пригодность для использования в гражданском обороте, что в конечном итоге должно находить отражение в законе. Представляется, что для цифровизации экономики в целом и права в частности другой альтернативы в нынешних условиях нет.

Список литературы

1. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. – 2019. – № 7. – С. 108–118.
2. Волос А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // *Российская юстиция*. – 2018. – № 12. – С. 5–7.
3. Громова Е. А. Смарт-контракты в России: попытка определения правовой сущности // *Право и цифровая экономика*. – 2018. – № 2. – С. 34–37.
4. Ефимова Л. Г., Сиземова О. Б. Правовая природа смарт-контракта // *Банковское право*. – 2019. – № 1. – С. 23–30.
5. Камалян В. М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов // *Юрист*. – 2019. – № 4. – С. 20–27.
6. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. : в 30 т. – 2-е изд. – Т. 13. – М. : Госполитиздат, 1954.
7. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // *Вестник гражданского права*. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 32–60.
8. Cieplak J., Leefatt S. Smart Contracts: a Smart Way to Automate Performance // *Georgetown Law Technology Review*. – 2017. – Vol. 1. – Iss. 2. – Pp. 417–427.
9. Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0. - 2nd Revised ed. – NY, Basic Books, 2006. – URL: <https://tigerprints.clemson.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1183&context=cheer>
10. Szabo N. Formalizing and Securing Relationships on Public Networks // *First Monday*. – 1997. – Vol. 2. – № 9. – URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/548>
11. Werbach K., Cornell N. Contracts Ex Machina // *Duke Law Journal*. – 2017. – Vol. 67 (2). – P. 313–382.

Правовая характеристика законных платежных средств

В. М. Будаева

младший юрист отдела судебной практики и исполнительного производства ООО «Стелфорт»

Адрес: ООО «Стелфорт», 119017, Москва, ул. Пятницкая, д. 37.

E-mail: budayeva.ana@mail.ru

Legal Characteristics of Legal Means of Payment

V. M. Budaeva

Junior Lawyer of the Judicial Practice and Enforcement Proceedings Department of Stelfort LLC

Address: Stelfort LLC, 37 Pyatnitskaya Str., Moscow, 119017, Russian Federation.

E-mail: budayeva.ana@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные правовые характеристики законных платежных средств, которые позволяют нейтрализовать многочисленные дискуссии в отношении правовой природы цифрового рубля, внедрение которого обусловлено стратегией цифровой трансформации государственного управления. В исследовании избран мультидисциплинарный подход – используются достижения не только права, но и экономики. В частности, изучена проблема легального определения денежных суррогатов. В статье указано, что последствием такого шага станет отнесение к категории незаконных денежных средств всех привычных средств платежа, которые активно используются в гражданском обороте наравне с монетами, банкнотами и безналичными денежными средствами. Введение легального определения и, как следствие, уточнение объектов права, попадающих под понятие денежного суррогата, потенциально приведет к тому, что их использование на территории Российской Федерации образует состав правонарушения, а это создаст ситуацию неопределенности для экономических связей. Вопросы вызывает и использование цифрового рубля, который отождествляется с цифровой валютой и, соответственно, не может быть законным средством платежа и денежной единицей как таковой. Не является цифровой рубль и электронным денежным средством. Приведенные в статье доводы позволяют сформировать целостное представление о правовых характеристиках законных платежных средств и обосновать законность существования цифрового рубля.

Ключевые слова: закон, криптовалюта, негосударственная валюта, простой вексель, чеки, электронный кошелек, денежный суррогат, безналичный расчет, валютное право, цифровая трансформация, цифровой рубль, цифровая валюта, денежная единица, финансовое право, цифровизация.

Abstract

The article considers the principal juridical characteristics of legal means of payment, which allow to neutralize numerous discussions regarding the legal nature of the digital ruble, the introduction of which is conditioned by the strategy of digital transformation of public administration. The author has chosen a multidisciplinary approach to use the achievements of both law and economics. In particular, the problem of legal definition of monetary surrogates has been studied. The article states that the consequence of such a step will be that all the usual means of payment that are actively used in civil circulation along with coins, banknotes and non-cash funds will fall into the category of illegal funds. The introduction of a legal definition and, as a consequence, the clarification of legal objects that fall under the concept of a monetary surrogate, will potentially lead to the fact that their use on the territory of the Russian Federation can constitute an offense, which will create a situation of uncertainty for economic relations. There are also questions connected with the use of digital ruble identified with the digital currency and, respectively, unable to be a legal means of payment and a monetary unit. Neither is the digital ruble an electronic monetary instrument. The arguments given in the article allow forming a holistic view of the legal characteristics of legal means of payment and justifying the legality of the digital ruble.

Keywords: law, cryptocurrency, non-state currency, promissory notes, checks, electronic wallets, cash surrogates, non-cash settlements, currency law, digital transformation, digital ruble, digital currency, monetary unit, financial law, digitalization.

Важным аспектом экономики и всей правовой системы являются законные платежные средства, которые обеспечивают права и интересы потребителей, защищают от мошенничества и иных нарушений. Ускоренная цифровизация в современном мире проникает во все сферы жизни, переводя привычное вещественное в нематериальное электронное, цифровое [3. – С. 47]. Широко обсуждается вопрос внедрения цифрового рубля в повседневную жизнь россиян. При этом возникает множество вопросов и мифических догадок о том, является ли такое средство платежа законным, удобным, выгодным, что за ним скрывается и для чего это необходимо [7. – С. 242]. В связи с этим предметом исследования в данной статье избрана правовая характеристика законных платежных средств в целях ответа на конкретный вопрос, является ли цифровой рубль законным платежным средством.

Теория современного финансового права в экономическом и правовом аспектах приходит к выводу, что категория денег по определению шире, чем понятие законного платежного средства [6. – С. 44]. Соответственно, последнее полностью охватывается первым. В этом трудно усомниться, так как деньги в научной доктрине определяются как универсальное средство, используемое в качестве обмена и выступающее в роли эквивалента, посредством которого выражается стоимость всех других товаров. Однако не все из них можно считать законными товарами обмена.

Несмотря на то, что деньги чаще всего относят к экономическому институту, стоит полагать, что данная категория имеет правовую основу. Ведь деньгами еще издревле привычно считать любую вещь или товар, которые выступают как средство оплаты. В свою очередь, понятие законных денежных средств пришло к нам гораздо позже, в момент становления государственности. Согласно статье 140 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), законным средством платежа в стране признается именно российский рубль.

В данном положении речь идет об официальной денежной единице Российской Федерации. При расширенном толковании указанной статьи можно сделать вывод, что законными платежными средствами признаются монеты и банкноты Банка России. С их помощью совершаются наличные расчеты. Современное законодательство допускает также расчет безналичным путем. Стоит отметить, что такой подход существует и в

зарубежных странах. Так, в Соединенных Штатах Америки законным платежным средством являются банкноты и монеты Федеральной резервной системы. При этом кредитные карты или чеки не признаются законным платежным средством на территории США, а выступают лишь в качестве заменителя денег. Выражается законное платежное средство США в долларах.

Интересен и тот факт, что некоторые государства используют в качестве законных платежных средств на своей территории денежные единицы иностранных государств. Так, Эквадор принял доллар США в качестве законного средства платежа в 2000 г., российский рубль является законным платежным средством на территории Абхазии и Южной Осетии.

Законное платежное средство является единой установленной государством формой расчета для граждан страны и функционирующих на ее территории хозяйствующих субъектов. Понятие законных денежных средств появляется, когда к государству переходит монополия на изготовление монет. С этого периода законодательство начинает регулировать вопрос о том, что люди обязаны использовать в качестве законного средства платежа. Отсюда следует, что законное платежное средство является результатом реализации государством денежно-валютного суверенитета, который заключается в денежной эмиссии, согласно законодательно установленным нормам, т. е. имеется законодательное определение национальной денежной единицы. Соответственно, платежное средство считается легальным в денежном обращении. Так, в России на основании статьи 75 Конституции Российской Федерации такой денежной единицей является рубль.

Статьей 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (далее – Федеральный закон «О Банке России») официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации признается рубль, состоящий из 100 копеек.

Закрепление в законодательных актах доли денежной единицы обосновывает необходимость ее установления и узаконения аналогично дополнительному этапу ее легитимации, которая отражена в пункте 2.1 статьи 4 Федерального закона «О Банке России», где указано, что им утверждается графическое обозначение рубля в виде знака. На основании представленных данных следует вывод, что понятие денежной единицы отличается от определения законного пла-

тежного средства и служит для определения платежной силы, наименования и номинала денежных знаков, тогда как законное платежное средство выражается в денежных знаках – банкнотах Банка России и монетах. Можно сделать вывод, что денежные знаки выступают как внешнее выражение законных платежных средств наличного обращения. Такое внешнее выражение и все признаки платежеспособности носителя должны быть закреплены в нормативных правовых актах.

В соответствии с вышесказанным можно определить первый признак законных денежных средств – публичное начало. Статус законности указанным платежным средствам придает именно государство как носитель суверенной власти с монопольным правом на изготовление денег, поэтому данный признак рассматривается как основополагающий для определения природы законных платежных средств.

В своей работе профессор И. И. Янжул определил, что та самая монетная регалия, которая дает право государству заниматься изготовлением денег, имеет чисто юридический характер, что подтверждает высказанную позицию о правовой природе денег [10. – С.11]. Однако не стоит забывать, что введение денежного оборота было независимым от государства процессом, происходившим в ходе товарного обмена. Тем не менее правовую связь между современной денежной системой и государством трудно оспорить, что в очередной раз подтверждает наличие публичного признака у средства платежа.

Другим самостоятельным, но также связанным с государством признаком служит наличие у платежного средства числового соотношения со счетной единицей. Так, Л. А. Лунц в своей работе отмечает, что платежную силу законному средству придает государство, когда определяет физические и ценностные свойства денежной единицы в виде числового отношения этого знака к определенной счетной единице, которая не участвует в обмене, но имеет общепризнанную ценность [5. – С. 34].

Еще одним важным признаком законных платежных средств является обязательность их приема на всей территории страны, т. е. все возможные операции, происходящие на ней, могут быть совершены и оплачены законными денежными средствами.

Профессор В. А. Лебедев при изучении сущности законных денежных средств писал, что никакая зарубежная валюта, какой бы стабильной и

значимой на мировой арене она ни была, не может быть принята в качестве средства платежа, если не была признана национальной юрисдикцией [9. – С. 49].

Таким образом, указанная обязательность также вытекает из прямого указания государственной власти. Можно сделать вывод, что ни одно средство нельзя признать законным, пока не были приняты установленные нормативные предписания уполномоченных государственных органов.

Следующим рассматриваемым признаком станет строгий нормативно-правовой характер использования средства платежа. Как уже было определено выше, правовую силу денежным средствам придает именно государство. На этом основании операции с платежными средствами считаются допустимыми на территории страны. Более того, дальнейший оборот законных денежных средств строго регулируется банковским и иным смежным законодательством. Например, одним из основных регулирующих актов является Указание Банка России от 9 декабря 2019 г. № 5348-У «О правилах наличных расчетов».

Лицо, игнорирующее законный порядок использования платежных средств, неизбежно несет юридическую ответственность, что позволяет выделить последний основной признак законных платежных средств – наказуемость противоправных деяний. Противоправные деяния могут выражаться через нарушение порядка ведения кассовых операций с наличными денежными средствами, превышение объема при переводе безналичных денежных средств. За эти и другие правонарушения предусмотрены административные и уголовные санкции.

Законные платежные средства участвуют в рыночном обороте на территории Российской Федерации в следующих видах:

1) наличные деньги. Это первичная форма законных денежных средств. Наличные деньги представлены в банкнотах и монетах, исключительным правом на эмиссию которых обладает Центральный банк Российской Федерации;

2) безналичные деньги. Они представлены в виде средств, размещенных на лицевом счете лица, и используются для совершения операций посредством дебетовых и кредитных карт. При этом безналичные деньги на кредитной карте не принадлежат владельцу карты, а используются им в кредит в соответствии с условиями кредитного договора;

3) электронные деньги. С 2011 г. данные денежные средства признаны в качестве законных средств платежа, как одна из форм безналичного расчета. Данное положение закреплено Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», однако практики до сих пор спорят относительно природы электронных денег;

4) чеки. Это более редкая форма расчета, которая также используется для совершения безналичных платежей на территории Российской Федерации. Для осуществления расчетов с помощью чеков необходимо заключить с банком соглашение о расчетах;

5) векселя. По существу, вексель – это ценная бумага строго установленной формы, однако и она используется в качестве одного из видов расчета. Специфическая особенность данной ценной бумаги позволяет использовать ее в качестве средства обращения в случае соблюдения всех формальных требований.

В экономическом обороте также используются аналоги законных платежных средств, такие как денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства. Однако их воздействие на рыночные структуры и общество часто бывает негативным. Так, ученые полагают, что использование денежных суррогатов как средства платежа в рыночном обороте потенциально опасно для национальной валюты. Денежные суррогаты и квазиденежные платежные средства не определяются действующим законодательством. Несмотря на попытку закрепить их легальное определение в 2014 г. путем принятия отдельного федерального закона, существенных изменений в правовом регулировании их функционирования не произошло. В связи с этим возникают многочисленные дискуссии в научном сообществе относительно правовой природы данных элементов.

По смыслу слово «суррогат» предполагает замену законным денежным средствам. К ним относят различные объекты, такие как переводной рубль, кредитные билеты, криптовалюты, цифровые валюты и др.¹

И. И. Кучеров в своем научном труде определяет денежные суррогаты как объект права, который не выступает денежным средством и не выполняет его функций, независимо от характера

правоотношений, возникающих в результате совершения операций с ними вопреки установленному правовому режиму [4. – С. 42].

Данное определение представляется вполне удачным. Несмотря на усложненную формулировку, из него можно вычленить некоторые признаки денежных суррогатов. Например, И. И. Кучеров сразу определяет, что это объект права, пусть и не до конца легальный, но играющий свою роль в экономическом обороте. В раскрытом понятии прямо указано, что денежные суррогаты – это не деньги, хотя они и выполняют некоторые их функции, например, являются средством платежа, накопления, соизмерения стоимости и др. В качестве примера можно привести криптовалюту, функционирование которой регулируется в современном законодательстве довольно непоследовательно.

В докладе от 20 января 2022 г. Центральный банк Российской Федерации назвал криптовалюту денежным суррогатом, однако современное законодательство допускает приобретение и накопление криптовалюты, хотя и не разрешает использовать ее в качестве встречного предоставления, что позволяет отнести ее к указанной Центральным банком категории².

Вне зависимости от того, что понимать в качестве денежного суррогата, в любом случае речь идет о средстве платежа. Необходимо учитывать тот факт, что в современном гражданском обороте не все денежные суррогаты запрещены законом. Например, некоторые ценные бумаги по определению являются денежными суррогатами, однако свободно используются в экономическом обороте наравне с законными средствами платежа.

В этом проявляется одна из существенных проблем регулирования денежных суррогатов. Если давать их легальное определение, то в категорию незаконных денежных средств попадут все привычные средства платежа, которые активно используются в гражданском обороте наравне с монетами, банкнотами и безналичными деньгами. Введение легального определения и, как следствие, уточнение объектов права, попадающих под понятие денежного суррогата, приведет к наступлению ответственности за их использование на территории Российской Феде-

¹ Право и экономическая деятельность (экономическое право). – М. : Проспект, 2023. – С. 203.

² Доклад Центрального банка Российской Федерации «Криптовалюты: тренды, риски, меры». – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/73121.html>

рации, что создаст стрессовые условия для экономических связей.

Решение проблемы А. В. Саженов видит в закреплении на законодательном уровне не только определения денежных суррогатов, но и грамотного разделения их на легальные и запрещенные. На его взгляд, это наложит определенный запрет на использование некоторых видов денежных суррогатов, но позволит сохранить стабильность рыночных отношений в отношении тех из них, которые являются привычными и полезными для гражданского оборота [8. – С. 44].

Полезные для гражданского оборота суррогаты вводятся для стимулирования роста объема платежей, но их ликвидность нельзя назвать абсолютной ввиду неясной правовой природы. Причиной их появления является нехватка законных платежных средств. Чаще всего к денежным суррогатам относят денежные средства платежных систем, таких как Яндекс.Деньги, Вебмани, Qiwi и др. Именно они эмитируют те самые суррогаты, которые полезны для экономического оборота.

Ввиду двойной – экономической и правовой – природы денежных суррогатов к ним часто относят то, что с экономической точки зрения является суррогатом, а с правовой – нет. Так, различные фишки, лотереи, талоны на топливо и др. тоже попадают под экономическое понимание денежных суррогатов, так как имеют стоимостное выражение. Отметим, что к денежным суррогатам могут относиться также платежные средства, выпущенные государственным органом. Так, согласно представленному ранее в данном исследовании определению, к денежным суррогатам можно отнести льготы от государства. Они не проходят процедуру государственного узаконения как средство платежа и не являются едиными и обязательными на всей территории страны, именно поэтому их можно назвать суррогатами. В свою очередь, они полезны для гражданского оборота и способствуют выполнению социальной функции государства.

Другой категорией денежных суррогатов с позиции экономического смысла являются векселя, чеки, электронные кошельки, купоны, местная валюта, некоторые ценные бумаги и др. Их выпускают коммерческие негосударственные структуры для проведения расчетов в немногочисленных случаях. Стоит отметить, что большинство из этих средств занимают промежуточное положение. Так, некоторые векселя, в частности, эмитированные государством, признаются в качестве

законного средства платежа, о чем свидетельствует Указы Президента России – от 19 октября 1993 г. № 1662 «Об улучшении расчетов в хозяйстве и повышении ответственности за их своевременное проведение» и от 23 мая 1994 г. № 1005 «О дополнительных мерах по нормализации расчетов и укреплению платежной дисциплины в народном хозяйстве».

Для каждого вида денег государство вводит собственный правовой режим. Анализ современного законодательства показывает, что легализация большинства средств платежа, используемых гражданами и юридическими лицами ежедневно в хозяйственной деятельности, пока отсутствует.

Внедряемые цифровые средства платежа являются следствием развития цифровой экономики, которая способствует эволюции всех существующих рыночных отраслей и касается также денежного обращения [1. – С. 65]. Законодательное закрепление понятия «цифровая валюта» произошло в 2021 г., когда вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). В нем фактически указано, что цифровая валюта является электронным средством платежа, которая не относится к денежным средствам, но признается имуществом.

Предпринятая попытка разграничения законных средств платежа и денежных суррогатов породила множество споров в научной юридической среде. Законопроект № 270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля» до сих пор находится на рассмотрении в Государственной Думе. Его принятие внесет множество поправок в действующие законодательные акты, а сам цифровой рубль, согласно Концепции цифрового рубля, станет полноправной третьей формой национальной валюты, которая будет использоваться наравне с наличными и безналичными рублями¹.

Справедливость дискуссионных споров такова, что если цифровой рубль отождествляется с цифровой валютой, то он не может, согласно Закону о ЦФА, быть законным средством платежа и

¹ Доклад Центрального банка Российской Федерации «Криптовалюты: тренды, риски, меры». – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/73121.html>

денежной единицей как таковой, так как закон содержит требование именно ограниченного использования цифровой валюты как средства платежа. Некоторые ученые отождествляют цифровой рубль с криптовалютой, называя его ее разновидностью, на что в своих работах указывает И. Ю. Карлявин и другие ученые [2. – С. 37].

Следует отметить, что цифровой рубль не является электронным денежным средством, но имеет с ним много общих характеристик. А основным отличием является стабильность и устойчивость функционирования цифрового рубля в соответствии с упомянутой ранее статьей 75 ГК РФ.

Отсюда следует, что отождествление цифрового рубля с цифровой валютой и ее разновидностями противоречит тому, что рубль предполагает полный контроль со стороны государства и наличие легитимного централизованного регулирования. Соответственно, внедряемый цифровой рубль, в отличие от иных цифровых валют, будет обладать всеми характерными признаками законных платежных средств, такими как публичный характер, обязательность, числовое соотношение со счетной единицей, строгое норматив-

ное регулирование и ответственность за нарушение порядка его обращения, что отражает правовую характеристику законных платежных средств.

Таким образом, введение цифрового рубля в оборот непосредственно связано с цифровизацией всех сфер рыночных отношений и является вполне логичным следствием развития сферы денежного обращения, а сам цифровой рубль представляет собой уникальный интегрированный феномен, обладающий всеми характерными правовыми признаками законного платежного средства. При этом несогласованность действующих законодательных актов и мнений в области юридической науки ведет к дискуссионным спорам о законности и безопасности нового средства платежа, неверно отождествляемого с цифровой валютой, что отлично от его правовой природы.

Проведенное исследование подчеркивает целесообразность данных споров и обосновывает необходимость внесения ясности в понимание россиянами сущности цифрового рубля с точки зрения правовой характеристики законных платежных средств.

Список литературы

1. Василькова С. В. О некоторых направлениях совершенствования правовой основы и правоприменительной практики осуществления электронного правосудия в государственных судах // Образование. Наука. Научные кадры. – 2013. – № 6. – С. 66–70.
2. Карлявин И. Ю. Конституционный статус Центрального банка Российской Федерации и его роль в эмиссии цифровой национальной валюты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 32–38.
3. Курбанов Р. А., Налетов К. И. Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 12. – С. 45–57.
4. Кучеров И. И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // Финансовое право. – 2021. – № 4. – С. 3–7.
5. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. – М. : Статут, 2004.
6. Мехтиев М. Г. Международно-правовые механизмы преодоления дисбалансов в мировой финансовой системе // Экономика. Право. Общество. – 2021. – Т. 6. – № 4 (28). – С. 43–56.
7. Мехтиев М. Г., Ибрагимова Ю. Э. Роль международной судебной практики в правовом регулировании применения криптовалют // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 4. – С. 242–247.
8. Саженов А. В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право : монография / отв. ред. Е. Б. Лаутс. — М. : Статут, 2019. – С. 157–180.
9. Сафронова Е. В., Алонцева Д. В. В. А. Лебедев об истоках науки финансового права // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 4. – С. 48–50.
10. Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва // Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. – СПб. : Типография акц. общ. Брокгауз–Ефрон, 1907.

Современные направления совершенствования договорных отношений в сфере госзакупок в условиях цифровизации предпринимательской деятельности

В. В. Храмушин

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: hramushin.vv@rea.ru

М. Г. Шабашова

магистрант Высшей школы права РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: m.shabanova@getmedgroup.com

Modern Directions of Improvement of Contractual Relations in the Field of Public Procurement in the Conditions of Digitalization of Entrepreneurial Activity

V. V. Hramushin

PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: hramushin.vv@rea.ru

M. G. Shabashova

Master's Student of the Higher School of Law of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: m.shabanova@getmedgroup.com

Аннотация

В данной статье рассматриваются вопросы цифровизации предпринимательской деятельности в сфере госзакупок с учетом повышения эффективности договорных отношений. С целью совершенствования российской системы закупок рассматриваются такие направления, как функционирование Единой информационной системы в сфере закупок в Российской Федерации (разработана в 2016 г. и полностью введена в эксплуатацию в 2019 г.), которая обеспечивает единство данных обо всех видах конкурентных закупочных процедур, проводимых в соответствии с общими требованиями к закупкам на государственной электронной площадке, а также рассмотрение современных информационных инструментов, созданных для помощи в принятии решений в области бизнес-анализа, а именно систем Business Intelligence (BI). Проанализировав научные работы, авторы пришли к выводу, что системы бизнес-анализа, получившие в последнее время значительное развитие, благодаря инновационным методам расширяют существующие возможности планирования закупок, позволяя визуально представлять данные о закупках и проводить их глубокий анализ без привлечения дополнительных ИТ-специалистов.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, гражданско-правовые договоры, сделки, закупки для государственных или муниципальных нужд, российская система закупок, закупки на государственной электронной площадке, системы Business Intelligence, информационные технологии, государственный контракт.

Abstract

This article discusses the issues of digitalization of entrepreneurial activity in the field of public procurement, taking into account the increase in the effectiveness of contractual relations. Among the main areas of improvement of the Russian procurement system, the improvement of the functioning of the Unified Information System in the field of procurement in the Russian Federation is considered (developed since 2016 and fully put into operation from 2019), which ensures the unity of data on all types of competitive procurement procedures conducted in accordance with the general requirements for procurement on the state electronic platform, as well as consideration of modern information tools, created to help in making decisions in the field of business analysis – Business Intelligence (BI) systems. After analyzing scientific works, the authors came to the conclusion that business analysis systems, which have recently received significant development, thanks to innovative methods, expand existing procurement planning capabilities, allowing visually presenting procurement data and conducting their in-depth analysis without involving additional IT specialists

Keywords: Civil code, civil law contracts, transactions, procurement for state or municipal needs, Russian procurement system, procurement on the state electronic platform, Business Intelligence systems, information technology, government contract.

В настоящий период возрастает роль договорных связей в сфере государственных и муниципальных закупок. Можно отметить, что количество заключаемых в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) договоров в этой сфере постоянно растет, поэтому особое значение приобретает расширение процесса цифровизации. Развитие информационных технологий позволяет оптимизировать взаимодействие участников закупочных процедур. Кроме того, при оформлении договорных отношений современные информационные технологии дают возможность сделать закупочные процедуры более прозрачными. Электронное информационное пространство позволяет двигаться к полному отказу от бумаги на всех этапах закупочного процесса [6]. В существующей практике государственных закупок электронный документооборот позволяет обеспечить соответствие сферы государственных закупок требованиям современности, что повышает качество организации процесса закупок и делает его осуществление более эффективным за счет обмена надлежащим образом заверенными документами, что облегчает работу не только заказчиков, но и поставщиков (подрядчиков, исполнителей [3]). Несмотря на различные трудности, связанные с внедрением электронного документооборота в практику государственных закупок, у него есть неоспоримые преимущества, в основном

технического характера, с учетом требований по защите информации.

Необходимо отметить, что нормативной базой регулирования отношений, связанных с проведением государственных и муниципальных закупочных процедур, являются положения Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»² и статей 525–534 ГК РФ. Важным элементом совершенствования российской системы закупок является функционирование Единой информационной системы в сфере закупок в Российской Федерации (далее – ЕИС; разработана в 2016 г. и полностью введена в эксплуатацию в 2019 г.), которая обеспечивает единство данных обо всех видах конкурентных закупочных процедур, проводимых в соответствии с общими требованиями к закупкам на государственной электронной площадке, является источником данных о процессе закупок и имеет существенные преимущества с точки зрения источников информации о процессе закупок [4]. Фундаментальный характер открытой информационной парадигмы означает, что данные ЕИС могут использоваться, развиваться и обновляться совместно с другими базами данных. На практике ЕИС представляет собой базу данных, содержащую всю информацию о государственных закупках, включая объявления о

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.

² Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 08.04.2013. – № 14. – Ст. 1652.

заключении конкретных контрактов, планы закупок конкретных заказчиков, отчетные документы и т. д. Вся информация, содержащаяся в этой базе данных, доступна всем пользователям системы для оперативного и глобального анализа и используется для мониторинга закупочной деятельности, а сама ЕИС имеет удобный механизм поиска информации. С технической точки зрения защитную функцию выполняют также электронные подписи [1].

Важнейшим этапом развития информационных технологий для совершенствования государственных закупок можно считать извлечение части необходимых данных (например, чертежей) из ЕИС и их передачу в соответствующие аналитические системы с целью упорядочения договорного взаимодействия между субъектами имущественных отношений в сфере закупок.

В общем случае данные, извлеченные и переданные ЕИС, подвергаются разного рода анализу, который могут проводить:

- государственные заказчики (муниципалитеты) – для оптимизации процесса закупок, включая эффективное планирование и составление графиков;
- регулирующие органы – для выявления нарушений в планировании закупок и сбора статистических данных;
- внешние подрядчики – для поиска контрактов и участия в закупочной деятельности в соответствии с планом.

Одним из решений проблемы сложности получения информации о параметрах закупочного процесса и характеристиках закупаемых объектов является разработка специального приложения – анализатора, который технически представляет собой компьютерную программу, программное обеспечение, сервис или скрипт, собирающий и анализирующий данные с заданного веб-ресурса (или нескольких веб-сайтов) путем автоматического сбора данных из нескольких источников или выборочного доступа к большим объемам данных для их обработки и структурирования.

Проблемным является вопрос правового регулирования взаимодействия субъектов закупочной деятельности с ЕИС [4]. В случае государственных закупок анализатор может выполнять как минимум следующие задачи:

- мониторинг цен (цены, предложенные в тендере, цены из предыдущих контрактов и т. д.);

- мониторинг проектов по пунктам контракта (наименование, описание, характеристики, в том числе с использованием пунктов каталога в единой информационной системе).

Анализ практики закупок показывает, что, несмотря на принцип открытости, доступ к информации может быть затруднен из-за объема и технической специфики информации, публикуемой в ЕИС, что затрудняет глубокий анализ данных и может привести к принятию неэффективных решений о закупках. Анализ (т. е. сбор данных) и создание информационных баз облегчают аналитическую работу, при этом существует множество других средств обработки и визуализации информации, которые могут быть использованы в процессе анализа: от простейших таблиц в электронном виде до программных комплексов и программ искусственного интеллекта, наиболее важными из которых являются системы бизнес-анализа, или Business Intelligence (BI) [5].

Системы Business Intelligence – это современные информационные инструменты, созданные для помощи в принятии решений в области бизнес-анализа. Они работают по принципу визуализации (графического оформления) информации для более глубокого понимания многомерных зависимостей в процессах, отображения ключевых моментов в виде графиков и диаграмм и предоставления знаний для принятия грамотных управленческих решений.

В настоящий период субъекты предпринимательской деятельности могут использовать системы BI для анализа планов и графиков поставок по заданным параметрам. Кроме того, они позволяют в режиме реального времени контролировать хозяйственную деятельность в анализируемой области для оперативного реагирования на отклонения от планов заказчика. Сокращения технических терминов должны быть объяснены при первом использовании. Очень важно соблюдать логическую последовательность изложения информации с причинно-следственными связями между высказываниями, сохраняя при этом формальность, объективность и беспристрастность языка. Последовательный стиль цитирования и сносок должен соответствовать установленным форматам. Наконец, необходимо использовать точный выбор слов, грамматическую правильность и сбалансированность описаний. Система автоматизированной обработки данных представляет собой отдельное программное приложение, которое не заменяет су-

ществующие системы заказчика. Она может извлекать данные из различных источников, таких как электронные таблицы Microsoft Excel и оцифрованные бумажные документы, используемые при закупках. В результате система BI взаимодействует с информационными системами, используемыми на предприятиях и в государственных организациях, получая необходимые данные для включения в собственную систему [4].

Интерфейс системы удобен и не требует специальных знаний в области информационных технологий для анализа данных, что делает ее доступной для всех специалистов по закупкам. Кроме того, внедрение системы BI в рабочий процесс организации заказчика – достаточно простая процедура, которая требует минимальных изменений и сложностей и, как правило, может быть выполнена быстро, не вызывая серьезных перебоев в работе персонала. Обучение заказчика в области развития цифровых навыков охватывает множество аспектов информационной поддержки закупок.

Установлено, что использование систем BI может быть эффективным при планировании и прогнозировании в сфере государственных закупок. Однако внедрение аналитики представляет собой сложный процесс, поэтому выбор подходящей BI-платформы должен осуществляться скрупулезно и с учетом определенных критериев.

С точки зрения функциональных требований необходимо убедиться, что выбранная система удовлетворяет требованиям, может управлять объемом данных, предлагает необходимые метрики, обеспечивает автономный запрос и отчетность для специалистов по закупкам, а также доступна на мобильных устройствах.

Одним из ключевых преимуществ подобной системы является интеграция различных компонентов, таких как средства разработки, хранилища данных, средства контроля доступа, средства визуализации и т. д. Чем больше полнота охвата системы визуального контроля, тем выше ее качество. Кроме того, увеличение полноты платформы приводит к повышению удобства ее использования, поэтому для организации крайне важно иметь в штате технических специалистов, которые следят за своевременным обновлением программного обеспечения.

Чтобы гарантировать оптимальную эффективность аналитической системы, организация должна не только успешно ее создать, но и поддерживать в соответствии с требованиями рынка.

В связи с тем, что предпринимательская деятельность предполагает нацеленность на получение прибыли, необходимо учитывать не только расходы, связанные с дальнейшим развитием и расширением.

Таким образом, системы бизнес-анализа, получившие в последнее время значительное развитие, благодаря инновационным методам расширяют существующие возможности планирования закупок, позволяя визуально представлять данные о закупках и проводить их глубокий анализ без привлечения дополнительных ИТ-специалистов [5].

В целях эффективного ориентирования в быстро меняющемся нормативном поле закупок специалистам по закупкам полезно использовать такие технологии, как большие данные. В связи с этим важно иметь доступ к инструментам, которые хорошо подходят для закупочной отрасли. Благодаря возможности обрабатывать большие объемы данных в режиме реального времени большие данные позволяют своевременно получать актуальные сведения, которые могут быть использованы для принятия важнейших решений. Большие данные играют важнейшую роль в разработке и реализации эффективных управленческих решений, основной целью которых является достижение оптимальной эффективности, качества и результативности процесса закупок при одновременном повышении социальной, административной и экономической эффективности.

Введение каталогов закупок способствует увеличению количества и масштабов закупок, что в свою очередь обуславливает необходимость проведения операций с большими данными. Объем данных быстро растет, они регулярно обновляются и являются достоверными, при этом легко обрабатываются на высоких скоростях. Такие задачи обычно опираются на локально доступную информацию, разбитую на сегменты и обрабатываемую отдельными вычислительными узлами. Такое распределение обязанностей позволяет достичь адекватной скорости обработки больших массивов данных. Заметный этап внедрения технологий больших данных произошел во время вспышки пандемии [7]. С одной стороны, возникла острая необходимость в оперативном проведении закупок в ограниченные сроки, с другой – необходимо было придерживаться стандартных принципов закупок, в том числе конкурсных.

Проанализировав вышеперечисленные материалы, можно сделать вывод, что цифровизация действительно является очень важной тенденцией развития российской системы закупок. Отметим, что в данной работе не были рассмотрены связанные с этой темой задачи, такие как, например, повышение квалификации или освоение новых, более актуальных базовых и профессиональных компетенций.

Цифровые системы автоматизируют процессы государственных закупок и упрощают их выполнение. Это позволяет значительно сократить временные и ресурсные затраты при проведении тендеров и заключении договоров. Участники процесса могут эффективно взаимодействовать через специализированные электронные платформы, обмениваться документами и информацией, осуществлять подписание договоров онлайн. Это существенно упрощает и ускоряет процесс заключения гражданско-правовых сделок

между государственными органами и поставщиками.

В целом цифровизация в сфере государственных закупок способствует увеличению прозрачности, эффективности и управляемости процесса, чему можно доверять. Это помогает снизить издержки, повысить эффективность и здоровую конкуренцию, а также содействует развитию инноваций, а параллельно – экономическому и социальному развитию государства.

Учитывая, что в настоящий момент заключение договоров в сфере государственных и муниципальных закупок невозможно без использования последних достижений в информационной сфере, считаем необходимым дальнейшее совершенствование комплексного правового регулирования отношений в данной области с целью закрепления прав и обязанностей участников закупочных процедур по использованию цифровых технологий.

Список литературы

1. Алоев А. А., Хочуева З. М. Тенденции и перспективы развития системы государственных закупок в РФ // Экономика и социум. – 2018. – № 12 (55). – С. 119–121.
2. Бижоев Б. М. Основы интеллектуальной контрактной системы в сфере государственных закупок // Journal of Economic Regulation. – 2018. – Vol. 9. – No. 1. – Pp. 110–122.
3. Дегтев Г. В., Сергеева С. А., Абдалова Т. Ю., Поляков Р. Л. Совершенствование информационного пространства сферы закупок в части электронного документооборота как фактор повышения эффективности и прозрачности закупочной деятельности // Финансовые рынки и банки. – 2021. – № 2. – С. 3–7.
4. Каранатова Л. Г., Кулев А. Ю. Инновационное развитие контрактной системы: переход к умным закупкам // Управленческое консультирование. – 2020. – № 2 (134). – С. 22–31.
5. Царева М. В. Монитор закупок: вопросы использования методов и технологий инженерной графики в информационно-аналитических системах мониторинга процедур закупок для государственных и муниципальных заказчиков // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 1. – С. 224–228.
6. Шмелева М. В. Электронные конкурентные процедуры как способ цифрового развития экономики в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 5 (130). – С. 160–162.
7. Fazekas M., Hernández Sánchez A. Emergency Procurement: The Role of Big Open Data // Public Procurement Regulation in Crisis. – 2021. – Pp. 559–574.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-66-71>

Цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта и криптовалюта: проблемы правового содержания и взаимодействия

В. В. Кресскандидат юридических наук,
председатель Арбитражного суда Московского округа.Адрес: Арбитражный суд Московского округа,
127994, Москва, Селезневская ул., д. 9.

E-mail: f05.vkress@arbitr.ru

Digital Rights, Digital Financial Assets, Digital Currency and Cryptocurrency: Problems of Legal Content and Interaction

V. V. Kress

PhD in Law,

Chairman of the Arbitration Court of Moscow District.

Address: Arbitration Court of Moscow District,
9 Seleznevskaya str., Moscow, 127994, Russian Federation.

E-mail: f05.vkress@arbitr.ru

Аннотация

Данная статья ставит своей целью осмысление содержания цифровых прав, цифровых финансовых активов, цифровой валюты и криптовалюты. Представители юридической науки пока не смогли прийти к единому мнению относительно сущности этих явлений. Цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровая валюта претерпели существенные изменения, перейдя из категории общественных отношений (а именно отношений обладателей этих прав с их эмитентами (регуляторами) и иными лицами, складывающихся фактически исключительно стихийно) в категорию института действующего законодательства. Так, криптовалюта стала одним из видов цифровой валюты, а цифровая валюта не подчиняется нормам цифрового права. В статье критикуется законодательное определение цифровых прав, закрепляющее одновременно принцип легалитета и перечень юридических признаков цифрового характера права.

Ключевые слова: вещные права, обязательственные права, цифровые права, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, цифровая валюта, криптовалюта.

Abstract

This article aims to understand the content of digital rights, digital financial assets, digital currency and cryptocurrencies. Representatives of legal science have not yet been able to come to a consensus. Having moved from the category of exclusively spontaneous social relations, the relations of their holders with their issuers (regulators) and other persons into the category of the institution of current legislation, digital rights, digital financial assets and digital currency have undergone significant changes. So cryptocurrency has become one of the types of digital currency, and digital currency is not a digital right. The article criticizes the legislative definition of digital rights, which enshrines both the principle of legality and the list of legal signs of the digital nature of the right

Keywords: proprietary rights, binding rights, digital rights, digital financial assets, utilitarian digital rights, digital currency, cryptocurrency.

Противоречие между отражением реального мира общественных отношений в «идеальном» мире правового регулирования и самим «идеальным» миром правовых норм заключается в отсутствии однозначного ответа на вопрос о том, должны ли нормы правового регулирования соответствовать нормам реальных, фактически

сложившихся общественных отношений. Как верно отметил в этой связи коллектив исследователей, правовое регулирование должно сохранять свойства технологической нейтральности, а не брать на себя функцию пошаговой инструкции

для постоянно устаревающих технических новинок¹.

Очевидно, что право является средством регулирования общественных отношений и не может быть простым его отражением, но при этом его общественная природа сообщает ему необходимость развиваться одновременно с предметом регулирования. С одной стороны, право в идеале является выражением интересов членов общества, но с другой – очевидно, что это выражение общей воли далеко не всегда соответствует интересам конкретного частного лица в конкретных жизненных ситуациях. Задача права состоит в том, чтобы, реагируя на изменения в общественных отношениях и предвосхищая их, регулировать общественные отношения в интересах личности, общества и государства [8].

По мере развития частного права граница между вещными и обязательственными правоотношениями становится все более прозрачной. Хрестоматийным примером являются правоотношения сторон договора аренды или залога, траста, предполагающие сочетание обязательственного и вещно-правового аспекта. Разделение юридической фигуры собственника и лица, выполняющего его функции, сообщает сугубо вещным правоотношениям элемент обязательства – обладатель предусмотренного законом ограниченного вещного права (часть 1 статьи 216 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее – ГК РФ), арендатор, залогодержатель, доверительный управляющий (статья 1012 ГК РФ) связаны обязательством с собственником имущества. Вещно-правовые отношения – отношения обладателей объектов физического мира (носителей права собственности и иных законных прав на них) друг с другом и с неопределенным кругом лиц – дополнены с некоторого времени отношениями обладателей цифровых объектов. Поскольку и физические, и цифровые объекты являются объектами гражданских прав, постольку они имеют общие черты в правовом регулировании. Однако, в отличие от объектов физического мира, количество цифровых объектов бесконечно.

Подобно тому, как относительные правоотношения строились на основе купли-продажи, по аналогии с ней абсолютные правоотношения развивались на примере вещей как первичных объектов гражданского оборота. Говоря конкретнее, правовой режим вещей оказывал влияние на правовой режим иных объектов гражданских прав (прав требования, нематериальных благ, интеллектуальной собственности и т. д.). Цифровые права также, очевидно, испытывают на себе влияние вещного права, в том числе и проникновение обязательственно-правовых элементов.

В соответствии с марксистским учением о базисе и надстройке первичным является влияние базиса на надстройку, что не исключает определенного влияния надстройки на базис, которое тем не менее вторично. Именно поэтому обоснованным представляется мнение, высказанное А. Е. Шерстобитовым: появление цифровых прав требует прежде всего изучения его природы, поскольку именно она должна оказывать решающее влияние на правовой режим цифрового права [11]. По мнению Б. А. Шахназарова, в случае с диджитализацией имеет место даже не традиционное опережение общественными отношениями развития правового регулирования, но опережение ими даже осмысления того, каковыми являются суть «...соответствующих отношений, уровень их масштабности и правовых последствий для целей принятия отдельного правового регулирования» [10].

Действующее законодательство (статья 141.1 ГК РФ) основано на **презумпции законности права обладателя фактической возможности распоряжения цифровым** правом, которая может быть изменена лишь законом или на основе предусмотренных им оснований. Это выражение принципа «код – это закон» (the code is the law), согласно которому физическая принадлежность объектов гражданских прав лицу презюмируется законной. Российский законодатель оставил за собой право ввести исключения из данного принципа.

Кроме того, действующее законодательство закрепляет в отношении цифровых прав принцип **легалитета**, согласно которому характеристику цифровым правам может придать просто прямое указание закона.

Одновременно, согласно статье 141.1 ГК РФ, характеристика прав в качестве цифровых определяется их фактическим существованием исключительно в рамках информационной систе-

¹ См.: Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев и др.; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. – М.: ИЗИСП, Норма, 2022.

мы, поэтому реализация этих прав, распоряжение ими (ограничение распоряжением) возможны исключительно в ней без обращения к третьему лицу. Действующими в ней правилами определяются их содержание и условия осуществления.

В данном случае, по мнению автора статьи, возникает противоречие – с одной стороны, между принципом легалитета, который признает цифровой характер за любым правоотношением в случае указания на то в законе, а с другой – формулировкой закона, называющего юридически значимые признаки цифрового права, на основе которых можно судить о цифровом характере того или иного права. Большинство исследователей, конечно, согласятся с тем, что приоритет в данном конкретном случае за принципом легалитета: если право не названо в законе в качестве цифрового, то даже соответствие его в остальном критериям цифрового права не делает право цифровым.

Например, Е. Н. Абрамова считает, что отсутствие прямого указания на цифровой характер того или иного права в законе само по себе означает отсутствие у него качества цифрового. «Такое право, – пишет она, – если оно не поименовано в законе в качестве цифрового права, для законодателя остается несуществующим, невидимым, несмотря на его распространение на практике» [1].

Но как же быть в случае, если закон называет цифровым правоотношение, не соответствующее указанным в статье 141.1 ГК РФ признакам? Не вполне понятен смысл установления нормами ГК РФ еще и материального критерия отнесения права к цифровому в дополнение к прямому указанию закона на цифровой характер того или иного права.

Данное противоречие нельзя назвать новым для российского законодательства – схожий конфликт возникает, например, при определении имущества в качестве недвижимого (так называемая проблема «оценочного произвола»)¹ и при определении участка недр в качестве участка недр федерального значения (противоречие между включением его в соответствующий перечень и установленными законом критериями участка недр федерального значения) [2].

В любом случае правомерно говорить о наличии двух категорий цифровых прав в российском законодательстве – цифровых финансовых активах (далее – ЦФА) и утилитарных цифровых правах – в силу того, что федеральные законы прямо относят их к таковым.

Согласно части 2 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее – ФЗ «О ЦФА»), цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, которые включают в себя целый ряд прав (право требования денежных средств, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг), которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА в порядке, установленном этим законом, и выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра и в иные информационные системы.

К утилитарным цифровым правам в соответствии с положениями этого же закона относятся права кредитора на передачу вещей, выполнение работ, оказание услуг, а также на передачу ему исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав их использования.

Г. А. Вакулина обращает внимание на то, что исполнение обязательства по передаче вещи производится не в киберпространстве, а в реальном мире, вопреки норме ФЗ «О ЦФА», которой предусмотрена возможность осуществления утилитарных цифровых прав только на инвестиционной платформе [3]. Вместе с тем необходимо обратить внимание, во-первых, на то, что цитируемый закон в части 1 статьи 8 указывает лишь на возможность приобретения, отчуждения и осуществления утилитарных цифровых прав, а во-вторых, на то, что к категории утилитарных цифровых прав относятся исключительно права требования. То есть приобретаются не сами вещи, но право требовать их передачи.

¹ Гражданское право. Общая и особенная части : учебник / Р. А. Курбанов, О. А. Рузакова [и др.]. – М. : Проспект, 2020.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.

К цифровым правам не относится цифровая валюта. Согласно части 3 статьи 1 ФЗ «О ЦФА», она может юридически существовать как совокупность электронных данных, которые содержатся в информационной системе и предлагаются (или могут приниматься) как средство платежа или инвестиция. Имманентным признаком цифровой валюты является отсутствие лица, несущего обязательства перед каждым ее обладателем, кроме оператора и (или) узлов информационной системы, которые обязаны только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам. Под узлами информационной системы Федеральный закон «О ЦФА» понимает пользователей информационной системы на основе распределенного реестра, обеспечивающего тождественность информации, содержащейся в указанной информационной системе, процедурам подтверждения действительности вносимых в нее или изменяемых в ней записей.

Л. А. Новоселова обращает внимание на отсутствие в ФЗ «О ЦФА» требований к информационным системам, в которых обращаются ЦФА и правилами которых определяются содержание и условия осуществления цифровых прав, являющихся ЦФА [2]. Р. А. Курбанов и К. И. Налетов считают эти правила полноценными инструментами частноправового регулирования [4].

При этом цифровая валюта, согласно данному федеральному закону, не является ни денежной единицей какого-либо государства, ни международной денежной (расчетной) единицей. В связи с этим возникает вопрос о соотношении юридического понятия цифровой валюты с криптовалютой.

Обычно в числе значимых отличий криптовалюты от цифровой валюты называют: 1) эмитента (исключительным правом на эмиссию цифровых валют обладает государство, тогда как эмитент криптовалют неочевиден); 2) отсутствие обеспечения криптовалюты активами государства, в отличие от цифровой валюты; 3) принципиальную возможность майнинга криптовалют (криптовалюта может быть получена путем майнинга, тогда как добыча цифровой валюты таким способом невозможна по определению; безусловно, некоторые криптовалюты могут и не предусматривать майнинга, а некоторые, например, Ethereum, майнить уже невозможно, что рано

или поздно ждет и биткоин); 4) анонимность платежей в криптовалюте и, напротив, прозрачность транзакций в цифровой валюте [5].

Однако ввиду уже отмеченной в начале данной статьи непредсказуемости развития цифровизации национально-правовые режимы криптовалюты и цифровой валюты характеризуются не меньшим релятивизмом. Это хорошо видно на примере отечественного status quo криптовалюты и цифровых валют.

Например, отказывая ЦФА в юридическом качестве цифровой валюты, Л. А. Новоселова указывает на наличие записей в информационной системе, которые вносятся без участия владельцев, тогда как классическая цифровая валюта, по ее мнению, в принципе не предполагает «фигуры центрального посредника» [2]. Между тем классические цифровые валюты как раз централизованы, их операторами являются центральные банки государств.

Традиционная точка зрения состоит в том, что как раз криптовалюта в отличие от цифровой валюты не имеет эмитента, децентрализована и ее оборот не регулируется государством.

Суды общей юрисдикции склонны отождествлять цифровую валюту с криптовалютой¹.

Взгляды исследователей на функции криптовалют достаточно критичны. Так, Е. А. Суханов полагает, что криптовалюта (биткойны, цифровой рубль и т. п.) может выполнять некоторые экономические функции платежного средства, но юридически она не является ни валютой, ни деньгами, представляя собой лишь один из возможных способов неденежных расчетов [9]. М. Г. Мехтиев, предметно исследовавший вопрос об отнесении криптовалют к категории валюты, указал, что они не способны выполнять ряд функций валют, в частности, функцию капиталовложения, и пришел к выводу о том, что криптовалюты могут использоваться в качестве системы перевода денежных средств или производного финансового инструмента [6].

Действительно, российской цифровой валюте имманентна фигура оператора, задача которого – обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) запи-

¹ Решение Димитровградского городского суда Ульяновской области от 21 июня 2023 г. по делу N 2-1285/2023 (опубликовано в СПС «КонсультантПлюс»).

сей в такую информационную систему по ее правилам (часть 3 статьи 1 ФЗ «О ЦФА»).

Функция оператора криптовалюты сводится к обеспечению соответствия процедуры эмиссии и регистрации возникновения и изменения записей о переходе прав на криптовалюту в соответствующей информационной системе.

Исходя из определения цифровой валюты, данного в части 3 статьи 1 ФЗ «О ЦФА», российский законодатель решил совместить признаки традиционной централизованной цифровой валюты и криптовалюты.

Напомним, что, согласно приведенной норме, цифровая валюта предлагается и (или) может приниматься как средство платежа или инвестиция, не являясь денежной единицей какого-либо государства и (или) международной денежной (расчетной) единицей. Например, цифровой рубль сам по себе не является валютой Российской Федерации, юридически представляя собой одну из форм рубля (наряду с наличным и безналичным).

В свою очередь, оператор и (или) пользователи информационной системы на основе распределенного реестра обязаны обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам. Данное условие, с одной стороны, сближает цифровые валюты по российскому праву с криптовалютами, которые, как правило, не имеют регулятора (будь то орган государственной власти, институт международной организации или частное лицо), а с другой – сохраняет возможность эмиссии централизованных цифровых валют Центральным банком Российской Федерации.

Вместе с тем перечень обязанностей пользователей цифровой валюты в отношении нее, введенный ФЗ «О ЦФА», несколько противоречив.

В то же время часть 1 статьи 8 данного закона ограничивает обязанности пользователей цифровой валюты обеспечением соответствия порядка ее эмиссии и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам.

В то же время часть 8 той же статьи возлагает на них иной объем обязанностей – обеспечивать тождественность информации, содержащейся в соответствующей информационной системе, с использованием процедур подтверждения

действительности вносимых в нее (изменяемых в ней) записей.

Поскольку гражданское законодательство не характеризует цифровые права ни в качестве вещных, ни в качестве обязательственных прав, очевидно, что они имеют как вещный, так и обязательственно-правовой аспект. И утилитарные цифровые права, и цифровые финансовые активы представляют собой права требования кредиторов к должникам.

Напротив, права владельцев цифровых валют и криптовалютных активов являются вещными правами в чистом виде, поскольку обладание криптовалютными активами не сообщает ни узлам операционной системы, ни операторам никаких обязательств друг перед другом.

Не вполне очевиден смысл установления законодательством одновременно и требования прямого указания закона на цифровой характер права, и материальных критериев цифрового права – если то или иное право в законе не названо цифровым, то соответствие цифрового права материальному критерию юридически безразлично. Например, цифровая валюта, имея, в соответствии с ФЗ «О ЦФА», все материальные признаки цифрового права, не определена в качестве цифрового права федеральным законом и, соответственно, не относится к цифровым правам. Возникает вопрос о смысле установления ФЗ «О ЦФА» материальных критериев отнесения того или иного права к категории цифровых прав.

ФЗ «О ЦФА» отражает не вполне традиционное соотношение цифровых валют и криптовалют. Криптовалюта, подпадающая под действие его норм, является, по сути, одной из форм цифровой валюты. Определение цифровой валюты в данном законе охватывает и классические «централизованные» цифровые валюты, и криптовалюты, которые «управляются» пользователями на основе системы «блокчейн».

Вместе с тем, учитывая отсутствие требования ФЗ «О ЦФА» к содержанию правил информационных систем, в структуре которых обращаются цифровые финансовые активы и цифровая валюта, и учитывая, что эти правила однозначно являются полноценными инструментами регулирования отношений в сфере их оборота, они вполне могут изменить сложившееся положение.

Список литературы

1. *Абрамова Е. Н.* Легальные и фактические признаки цифрового права как объекта гражданских прав // *Право и экономика*. – 2023. – № 7. – С. 26–31.
2. *Бормашева К.* и др. Оборот цифровых активов в России / К. Бормашева, Л. Новоселова, Р. Янковский, М. Жужжалов, М. Башкатов, Д. Огородов, Г. Есаков, Д. Кириллов, М. Успенский // *Закон*. – 2020. – № 12. – С. 17–28.
3. *Вакулина Г. А.* О видах цифровых прав // *Хозяйство и право*. – 2023. – № 6. – С. 3–12.
4. *Курбанов Р. А., Налетов К. И.* Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // *Журнал российского права*. – 2022. – № 12. – С. 45–57.
5. *Мехтиева М. Г.* Международные финансовые механизмы: криптовалюта vs Swift // *Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 2 июня 2016 года*. – М. : Юрлитинформ, 2016. – С. 158–166.
6. *Мехтиева М. Г.* Природа криптовалют и их правового регулирования: международно-правовой и сравнительно-правовой аспекты // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2023. – Т. 19. – № 3. – С. 40–41.
7. *Налетов К. И.* Разведка и добыча нефти и газа: проблемы соотношения публичного и частного права // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2023. – № 2. – С. 52–57.
8. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А. Я. Капустин, В. Р. Авхадеев, Г. М. Азнагулова [и др.]. – М. : Инфра-М, 2023.
9. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // *Вестник гражданского права*. – 2021. – № 6. – С. 7–29.
10. *Шахназаров Б. А.* NFT как способ фиксации имущественных и личных неимущественных прав в условиях цифровизации общества // *Право и цифровая экономика*. – 2022. – № 3. – С. 12–21.
11. *Шерстобитов А. Е.* Гражданско-правовое регулирование «цифровых прав» // *Проблемы современного гражданского права: сб. ст. памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения)* / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М. : Статут, 2021. – С. 230–241.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-72-77>

Использование цифровых прав в условиях санкций: правовой аспект

Е. Л. Венгеровский

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: elv-2312@mail.ru

В. К. Шайдуллина

кандидат юридических наук,

доцент Центра практической юриспруденции и цифровых компетенций

юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук»,

119049, Москва, Мароновский пер., д. 26.

E-mail: vshaidullina@gaugn.ru

Use of Digital Rights under Sanctions: Legal Aspect

E. L. Vengerovskiy

PhD in Law,

Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: elv-2312@mail.ru

V. K. Shaidullina

PhD in Law,

Associate Professor of the Center of Practical Jurisprudence and Digital Competencies

of the Faculty of Law of the State Academic University for the Humanities.

Address: The State Academic University for the Humanities, 26 Maronovsky Lane,

Moscow, 119049, Russian Federation.

E-mail: vshaidullina@gaugn.ru

Аннотация

В статье рассматривается правовой аспект использования цифровых прав в условиях санкций. Предмет исследования – правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов, выпущенных в Российской Федерации, а также их аналогов в дружественных странах. Это позволит не только разрешить современные проблемы, возникающие при регулировании цифровых прав, но и обеспечить полноценную интеграцию данного института на международном финансовом рынке. В статье использован ряд методов научного исследования, в частности, метод анализа, сравнительно-правовой, формально-логический методы и метод сравнительного правоведения. Научная новизна заключается в том, что в ходе исследования предпринята попытка определить возможности взаимного размещения выпуска цифровых активов Российской Федерации и дружественных стран. Определено, что взаимное размещение выпуска цифровых активов возможно при соблюдении двух условий. Во-первых, в дружественной стране должно действовать правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов, схожее с российским. Во-вторых, законодательством дружественных стран должна предусматриваться возможность размещения на их площадках иностранных цифровых финансовых активов. По итогам проведенного исследования был сделан вывод, что многие дружественные Российской Федерации страны не имеют в своем законодательстве нормативных актов, которые регулировали бы выпуск цифровых финансовых активов и их оборот. Только в некоторых странах в настоящее время ведется работа по созданию профильной норма-

тивной базы. Также проведенное исследование показало, что в некоторых странах, несмотря на отсутствие специализированного законодательства, может осуществляться выпуск и совершение операций с цифровыми финансовыми активами.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, токен, Банк России, российское право, иностранное право, правовое регулирование, признание, расчеты, сделки, транзакции, информационная система, дружественные страны, инвестиционная деятельность, инвестиционные площадки, механизм обращения.

Abstract

The article discusses the legal aspect of the use of digital rights in the context of sanctions. The subject of the study is the legal regulation of the turnover of digital financial assets issued in the Russian Federation, as well as their analogues in friendly countries. This will not only solve the current problems arising in the regulation of digital rights, but also ensure the full integration of this institution in the international financial market. The article uses a number of methods of scientific research, in particular, the method of analysis, comparative legal, formal logical methods and the method of comparative jurisprudence. The scientific novelty lies in the fact that during the study an attempt was made to determine the possibilities of mutual placement of the issue of digital assets of the Russian Federation and friendly countries. It is determined that the mutual placement of the issue of digital assets is possible if two conditions are met. Firstly, a friendly country should have a legal regulation of the turnover of digital financial assets, similar to the Russian one. Secondly, the legislation of friendly countries should provide the possibility of placing foreign digital financial assets on their platforms. The study resulted in the conclusion that many countries which are friendly to the Russian Federation do not have regulations in their legislation that would regulate the issue of digital financial assets and their turnover. Only in some countries, work is currently underway to create a specialized regulatory framework. The study also showed that in some countries, despite the lack of specialized legislation, the issuance and execution of transactions with digital financial assets can be carried out.

Keywords: digital financial assets, token, Bank of Russia, Russian law, foreign law, legal regulation, recognition, settlements, deals, transactions, information system, friendly countries, investment activity, investment platforms, circulation mechanism.

В действующем законодательстве и специальной литературе для обозначения признаваемых на законодательном уровне записей (токенов) в системе блокчейн используется термин «цифровые финансовые активы». Токен предполагает, что его держатель имеет определенные цифровые права (например, денежные требования, права участия в капитале непубличного акционерного общества или право требования передачи эмиссионных ценных бумаг). Посредством цифровых прав обеспечивается возможность совершения с цифровыми активами любых действий, предусмотренных действующим российским законодательством, включая продажу, покупку, передачу по наследству, дарение и обмен. Правила учета и обращения цифровых финансовых активов урегулированы законодательно.

Приведенное описание цифровых финансовых активов полностью соответствует законодательному определению, закрепленному в пункте 2 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В вышеуказанном законодательном акте цифровые финансовые активы определяются как объект гражданских прав в электронной (цифровой) форме. Данный объект имеет экономическую ценность и существует исключительно благодаря внесению соответствующих записей в реестр информационной системы. При этом экономическую ценность имеет не сама запись, а удостоверяемое ею право на объект, который в ней зашифрован (в том числе правомочие на доступ к коду и распоряжение цифровыми активами) [6].

В условиях санкционного режима актуальность приобретают альтернативные способы привлечения инвестиций. Одним из способов выступает использование финансовых активов в цифровом формате. На сегодняшний день цифровые активы являются наиболее востребованным и перспективным финансовым инструментом на рынке [1].

Несмотря на то, что Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регламентирующий применение цифровых финансовых активов,

вступил в силу еще в начале 2021 г., регулятор и органы государственной власти не спешили ввести этот инструмент. Ситуация изменилась в 2022 г. Оптимизация и доработка нормативно-правового регулирования значительно ускорились. Активизировалась также и работа по оптимизации нормативно-правовой базы, которой регулируется обращение цифровых финансовых активов. Также следует отметить, что определены вопросы, связанные с налогообложением [2].

Пилотная эмиссия цифровых финансовых активов была осуществлена только 3 августа 2022 г., то есть через полтора года с момента вступления в силу вышеуказанного законодательного акта. Так, российская горно-металлургическая компания «Норникель» первой выпустила цифровой финансовый актив в форме денежного требования, равный стоимости палладия.

Фактически цифровой финансовый актив на кредиторскую задолженность является аналогом облигаций. Название нового токена – NMM (New Money Market). Токен обеспечен финансовыми обязательствами корпорации «Норникель» по возврату вложений инвестору. Дата возврата указана в документах, сопровождающих выпуск токена. Анализ параметров токена показывает, что они отвечают кредиторской задолженности корпорации «Норникель» перед группой компаний «Север», поставляющей основное производственное оборудование. Активы будут размещены в адрес поставщика, который затем продаст их Росбанку, выступающему в роли инвестора. Один токен и весь тестовый выпуск оценивается в 9,2 млн рублей. Срок погашения обязательств – 45 календарных дней.

В связи с активным развитием этой сферы повышается актуальность вопроса, связанного с признанием другими странами иностранных (в частности, российских) цифровых финансовых активов [3].

Анализ положений статьи 10 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в контексте вышеуказанного вопроса позволяет выделить некоторые важные моменты. Так, с цифровыми финансовыми активами разрешены такие сделки, как продажа, покупка и обмен. Кроме того, допустимы сделки с иностранными цифровыми активами. При этом механизм признания российских цифровых активов до сих пор не разрабо-

тан. Соответственно, несмотря на отсутствие законодательно закрепленного четкого механизма, законодатель признает возможность осуществления подобного рода сделок [5].

В соответствии с информацией, представленной в докладе «Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации» [9], подготовленном в 2022 г., Банком России декларируется необходимость создания подобного механизма обращения рассматриваемых цифровых активов, выпущенных в иностранных информационных системах. В частности, в вышеуказанном докладе Банк России подтверждает, что текущее законодательное регулирование рассматриваемой сферы допускает возможность совершения с участием российских операторов операций по обмену российских и иностранных цифровых финансовых активов. Однако при этом Банк России прямо обращает внимание на отсутствие детальной регламентации порядка введения в оборот на российском рынке цифровых финансовых активов, выпущенных в иностранных информационных системах.

В своем докладе Банк России четко делает указание на тот факт, что иностранные цифровые активы обязательно должны быть выпущены в информационной системе, которая организована в соответствии с правом одной из дружественных стран.

Ситуацию осложняет то, что российское законодательство напрямую не закрепляет перечень дружественных или нейтральных по отношению к Российской Федерации стран. Однако Правительством Российской Федерации четко установлен список стран, являющихся недружественными (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц»). Законодатель включил в перечень недружественных стран не только страны Европейского Союза (Австрию, Болгарию, Бельгию, Венгрию, Германию, Грецию, Данию, Испанию, Италию, Ирландию, Польшу, Португалию, Францию, Финляндию, Хорватию, Чехию, Швецию и др.), Соединенные Штаты Америки и Канаду, но также Албанию, Андорру, Австралию, Великобританию, Украину, Швейцарию, Южную Корею, Японию. Также в перечне недружественных стран указаны

Багамские острова, Тайвань, Микронезия, Британские Виргинские острова, Гибралтар, Джерси и др.

Если идти от обратного, то дружественными Российской Федерации являются страны, не включенные в вышеуказанный перечень, утвержденный Правительством Российской Федерации.

Для определения возможности взаимного размещения выпуска цифровых активов Российской Федерации и дружественной страны важно соблюдение двух условий:

1) наличие правового регулирования данной сферы, схожего с российским;

2) наличие в законодательстве зарубежных стран возможности размещения на их площадках иностранных цифровых финансовых активов.

В связи с этим проанализируем законодательство дружественных стран с позиции двух указанных условий. Это позволит определить страны, в которых операторы цифровых активов смогут в соответствии с законодательством сотрудничать с российскими операторами после того, как Банк России примет соответствующее регулирование. В таблице ниже обозначены страны, которые признают российские цифровые финансовые активы.

Т а б л и ц а

**Правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов и их аналогов
в дружественных странах***

Страна	Наличие регулирования или запрета	Возможность взаимного размещения цифровых активов на иностранных площадках
1	2	3
Индия	Нет специального регулирования*	Специального регулирования нет. Указывается, что регулирование в данной сфере подчиняется обычным нормам об обороте ценных бумаг. Таким образом, цифровые активы могут быть размещены на площадках в Индии.**
Индонезия	Разрешено***	В Индонезии для торговли фьючерсами в виде криптоактивов и иными токенами лицо должно иметь одобрение регулятора. Установлены требования к регистрации. Таким образом, иностранные цифровые активы не могут быть размещены у операторов в Индонезии.
Казахстан	Разрешено****	В Республике Казахстан правовой статус цифровых активов определяется Гражданским кодексом Республики Казахстан и Законом Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V ЗРК «Об информатизации». Статья 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан указывает, что цифровые активы являются имущественным благом, т. е. иным имуществом. Закон об информатизации устанавливает понятие, виды и особенности оборота цифровых активов. Так, в законе указывается, что цифровой актив – это имущество, созданное в цифровой (электронной) форме. При этом цифровые активы не могут использоваться в качестве средства платежа в финансовых сделках и не признаются финансовым инструментом. Пункт 2 статьи 33-1 Закона Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V ЗРК «Об информатизации» классифицирует цифровые активы по двум основаниям – как обеспеченные («utility token») и необеспеченные [7]. В Республике Казахстан запрещен выпуск необеспеченных цифровых активов и их оборот. Исключение составляет оборот, осуществляемый на криптобиржах на площадке Международного финансового центра «Астана» (далее – МФЦА). Деятельность в этой части на территории МФЦА регулируется Правилами разрешенных рыночных институтов, в рамках которых разрешена деятельность Площадки по торговле цифровыми активами, лицензируемая Комитетом МФЦА по регулированию финансовых услуг. Правилами устанавливаются ограничения количественного характера для клиентов при торговле. Клиент может совершать операции в следующем объеме: – без подтверждения дохода – на сумму до 1000 долларов США; – с подтверждением активов или доходов – до 10% от дохода или до 5% от общего состояния, но не больше 100 000 долларов США.

* Источник: составлено авторами на основе анализа зарубежного законодательства.

** The Reserve Bank of India. – URL: <https://www.rbi.org.in/>

*** Latest Developments in India's Regulatory Framework for Virtual Digital Assets. – URL: <https://coindcx.com/blog/announcements/latest-developments-in-indias-regulatory-framework-for-virtual-digital-assets/>

**** Tentang ketentuan teknis penyelenggaraan pasar fisik aset kripto (crypto asset) di bursa jangka. – URL: https://bappebti.go.id/resources/docs/peraturan/sk_kep_kepala_bappebti/sk_kep_kepala_bappebti_2019_02_01_w9i365pf_id.pdf

***** О цифровых активах в Республике Казахстан. Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 г. № 193-VII ЗРК. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z230000019>

Окончание таблицы

1	2	3
Маврикий	Разрешено	Оборот цифровых активов на территории Маврикия регулируется законодательством о коллективном инвестировании и не содержит запрета на размещение цифровых ценных бумаг на их площадках.*
Монголия	Разрешено**	В законе не установлены ограничения по размещению иностранных активов у операторов, зарегистрированных в Монголии. Потенциально такая возможность присутствует.***
ОАЭ	Разрешено****	Виртуальный актив в ОАЭ должен быть одобрен регулятором для размещения. Иностранные активы могут быть размещены у операторов, зарегистрированных на территории ОАЭ.****
Сальвадор	Разрешено*****	В соответствии с законом о цифровых активах иностранные активы могут размещаться только через посредников, но тем не менее такие действия не запрещены.*****
Сербия	Разрешено	В соответствии с законом о цифровых активах в Сербии возможно размещение иностранных активов.*****
Филиппины	Разрешено	Законодательство позволяет иностранным компаниям выступать в качестве эмитента цифровых активов при условии наличия у такой компании филиала на территории Филиппин.*****
ЮАР	Разрешено	Законодательство ЮАР содержит понятие криптоактивов (crypto assets), включающее в себя различные криптоинструменты, в том числе криптовалюты, токены, цифровые ценные бумаги и прочее.***** Декларацией от 19 октября 2022 г. криптоактивы приравнены к финансовым продуктам.***** Таким образом (данная позиция поддержана вышеуказанной Декларацией), основным законодательным актом, регулирующим криптоактивы, является The Financial Advisory and Intermediary Services Act 2002 (Act No. 37 of 2002).***** Несмотря на возможность совершения широкого спектра операций с использованием криптоактивов, в соответствии с законодательством ЮАР они не являются платежным средством.***** The Financial Advisory and Intermediary Services Act предусматривает возможность размещения в юрисдикции ЮАР финансовых продуктов, выпущенных в иностранной юрисдикции. Итак, российские цифровые финансовые активы могут быть размещены в ЮАР.

* Mauritius: regulatory framework for the custody of digital assets. – URL: <https://www.dtos-mu.com/mauritius-regulatory-framework-for-the-custody-of-digital-assets/>

** The Central Bank of Mongolia. – URL: <https://www.mongolbank.mn/en/>

*** Law on virtual asset service provider. – URL: <http://www.frc.mn/resource/frc/Document/2022/03/01/bayhijkbmwfesdgg/LAW%20ON%20VIRTUAL%20ASSET%20SERVICE%20PROVIDER.pdf>

**** Regulation of Cryptocurrency Around the World. – URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/lil/llgld/2021687419/2021687419.pdf>

***** The Central Bank of the UAE (CBUAE). – URL: <https://www.centralbank.ae/en/>

***** Asamblea legislativa – República de El Salvador. – URL: <https://www.asamblea.gob.sv/sites/default/files/documents/decretos/8EE85A5B-A420-4826-ABD0-463380E2603B.pdf>

***** EL SALVADOR – Legal Updates: Analysis of the Digital Assets Issuance Law. – URL: <https://central-law.com/en/el-salva-dor-legal-updates-analysis-of-the-digital-assets-issuance-law/>

***** Law on Digital Assets. – URL: <https://www.cplaw.rs/law-on-digital-assets/>

***** Rules on initial coin offering. – URL: <https://www.sec.gov/wp-content/uploads/2020/02/MC-Rules-for-ICOs.pdf>

***** IFWG: CAR WG Position Paper on Crypto Assets. – URL: <https://www.resbank.co.za/content/dam/sarb/publications/mediareleases/2021/fintech/IFWG%20CAR%20WG%20Position%20paper%20on%20crypto%20assets.pdf>

***** Declaration of a crypto asset as a financial product under the financial advisory and intermediary services act. – URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202210/47334gen1350.pdf

***** The Financial Advisory and Intermediary Services Act 2002. – URL: <https://spotmoney.com/wp-content/uploads/2020/08/financial-advisory-and-intermediary-services-act-2002.pdf>

***** National payment system Act 78 of 1998. – URL: <https://discover.sabinet.co.za/document/1169161>

Таким образом, еще раз необходимо отметить важность роли Банка России, в первую очередь в области нормотворческой деятельности в части регламентации механизма обращения иностранных цифровых финансовых активов, которые выпущены в информационной системе, организованной согласно зарубежному праву. Отсутствие данного важного инструмента существенно ограничивает область применения цифровых финансовых активов. В ситуации, когда соответствующий нормативный акт не принят компе-

тентным органом государственной власти, основным инструментом, позволяющим использовать цифровые финансовые активы во внешнеэкономической деятельности, выступает принцип выпуска таких цифровых активов в юрисдикциях дружественных Российской Федерации стран [4].

Вышеприведенный анализ показывает, что в законодательстве подавляющего большинства дружественных Российской Федерации стран отсутствуют нормативные акты, регулирующие выпуск и оборот цифровых финансовых активов, и

лишь единицы из стран этой группы в настоящий момент находятся в стадии создания профильной нормативной базы (например, Катар). Следует отметить, что среди дружественных Российской Федерации стран имеется ряд государств (например, Индия, Монголия, Малайзия, Маврикий), в юрисдикции которых, несмотря на отсутствие специализированного законодательства, возможно осуществление выпуска цифровых финансовых активов и совершение с ними различных операций.

Говоря о дружественных Российской Федерации странах, в которых существует правовое регулирование выпуска и обращения цифровых финансовых активов, необходимо отметить, что

лишь некоторые из них подразумевают прямой механизм выпуска цифровых финансовых активов эмитенту из иностранной юрисдикции (например, Сербия и ЮАР), а большинство позволяет совершать подобные операции исключительно через компании-резиденты особых экономических зон (например, Беларусь и Казахстан) или посредством компаний и филиалов, зарегистрированных в такой юрисдикции (например, Филиппины).

Взаимное размещение иностранных цифровых финансовых активов разрешено в Индии, Маврикии, Монголии, ОАЭ, Сальвадоре, Сербии, Филиппинах, ЮАР, однако итоги анализа требуют уточнения у регуляторов данных стран.

Список литературы

1. Арнаутков Д. Р., Ерохина М. Г. Цифровые активы в системе российского права // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 148–157.
2. Коробов А. А. О некоторых прикладных аспектах цифровых финансовых активов как нового финансового инструмента // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2022. – № 1 (58). – С. 57–60.
3. Кремлёва О. К. Правовой режим цифровых финансовых активов и цифровой валюты по действующему российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2021. – № 2. – С. 23–26.
4. Морозко Н. И., Диденко В. Ю. Цифровые трансформации в финансовых отношениях в 2022–2023 годах: проблемы и глобальные тренды // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – № 1. – С. 45–55.
5. Полякова В. В., Токун Л. В. Становление рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Вестник университета. – 2019. – № 6. – С. 150–153.
6. Смирнов Д. А., Первышов Е. А. О понятии цифровых финансовых активов в условиях современных реалий: финансово-правовые аспекты // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – № 4. – С. 638–642.
7. Тетюшин А. В. Классификация цифровых финансовых активов и их идентификация в финансовой отчетности // Аудиторские ведомости. – 2022. – № 1. – С. 24–29.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-78-84>

Особенности правового регулирования технологий искусственного интеллекта в области телемедицины в России

И. А. Рубцоваспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации.Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: iarubtsov@outlook.com

Features of Legal Regulation of Artificial Intelligence Technologies in the Field of Telemedicine in Russia

I. A. RubtsovPostgraduate Student of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.Address: Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.
34 B.Cheremushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: iarubtsov@outlook.com

Аннотация

Стремительное развитие компьютерных информационно-коммуникационных технологий, способствующих распространению телемедицины в клинической практике и возрастанию роли искусственного интеллекта в сфере здравоохранения, порождают множество новых проблем и спорных ситуаций, возникающих между врачами и пациентами. В настоящее время применение технологий искусственного интеллекта в медицинской сфере вызывает повышенный интерес со стороны медицинских организаций. Однако в текущем законодательстве отмечается несовершенство правового регулирования этой области. В связи с этим в настоящей статье проводится анализ юридических аспектов применения искусственного интеллекта в дистанционном взаимодействии между медицинскими работниками и пациентами (или их законными представителями) посредством компьютерных и мобильных устройств через сервисы телемедицины. В частности, автор уделяет особое внимание вопросу гражданско-правовой ответственности за возможный вред, причиненный при оказании медицинской помощи с использованием искусственного интеллекта. В статье также детально анализируется актуальное состояние правовой базы в области применения технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения, а также выявляются потенциальные риски и проблемы, связанные с этим процессом. Автор статьи предлагает некоторые рекомендации, которые помогут медицинским организациям эффективно внедрять и использовать искусственный интеллект, соблюдая при этом правовые и этические нормы, а также сокращая возможный вред, который может быть причинен при оказании медицинской помощи с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: медицина, цифровая медицина, здравоохранение, гражданско-правовая ответственность, нейросеть, медицинская организация, медицинский работник, врач, пациент, правовой статус, законодательство, правовая норма.

Abstract

Rapid development of computer information and communication technologies that promote the spread of telemedicine in clinical practice and the growth of the role of artificial intelligence in the health care sector generate many new problems and controversial situations that arise between doctors and patients. The application of artificial intelligence technologies in healthcare is actively spreading and causing growing interest from medical organizations. However, currently there is insufficient legal regulation in this area. In connection with this, this article analyzes the legal aspects of the application of artificial intelligence in remote interaction between medical workers and patients (their legal representatives) by means of computer or mobile

devices through telemedicine services. In particular, the author pays special attention to the issue of civil liability for possible damage caused by medical assistance using artificial intelligence. The article also analyzes in detail the role and importance of legal regulation in the field of application of artificial intelligence technologies in the health care sector and identifies potential risks and problems associated with this process. The author of the article offers some recommendations that will help medical organizations effectively implement and use artificial intelligence, while complying with legal and ethical norms, as well as reducing possible harm that can potentially be caused when assisting with artificial intelligence.

Keywords: medicine, digital medicine, healthcare, civil liability, neural network, medical organization, medical worker, doctor, patient, legal status, legislation, legal norm.

В настоящее время технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) переживают активную стадию развития и становятся все более важным элементом всех сфер общественной жизни. Их применение не обошло стороной и область медицины, включая телемедицину, которая, в свою очередь, позволяет оказывать медицинские услуги на расстоянии с использованием современных информационных и коммуникационных средств. Подобные нововведения, безусловно, порождают немалое количество правовых и этических вызовов, требующих соответствующего регулирования. По причине высокой уязвимости персональных данных в этой сфере особого внимания требует вопрос правового регулирования подобных сведений, которые могут оказаться доступными искусственному интеллекту.

Термин «телемедицина», который изначально понимался как «лечение на расстоянии», впервые был введен в научный оборот в 70-х гг. XX в. профессором Томасом Бёрдом. Позднее в научной литературе стали закрепляться иные определения этой области, такие как, например, «предоставление медицинских услуг путем использования информационно-компьютерных технологий в случаях, когда медицинский работник и пациент физически находятся в разных местах» [2. – С. 96]. Как правило, для современной телемедицины характерна безопасная передача медицинских данных в форме текста, аудиозаписей, изображений и других форм представления информации, необходимой для профилактики, диагностирования, лечения и последующего ведения пациентов. Данная область медицины в настоящее время является довольно обширной во многих развитых странах и охватывает немалый спектр услуг, таких как телерадиология, теледерматология, телеконсультирование, теленаблюдение, телехирургия и телеофтальмология. Также к области телемедицины относятся специализированные колл-центры и информационные

онлайн-центры, дистанционные консультации, электронные приемы и видеоконференции специалистов. В наше время многие медицинские эксперты сходятся во мнении, что подобный метод предоставления медицинских услуг способствует оптимизации и повышению эффективности функционирования сферы здравоохранения, при этом он не вытесняет классическую очную медицину, а успешно сосуществует с ней. Также внедрение телемедицины привело к более продуктивной организации последующего лечения пациента и проведения профилактических приемов. Более того, предоставление телемедицинских услуг значительно облегчает поход к врачу для маломобильных и тяжелых пациентов, у которых теперь есть возможность провести консультацию с лечащим врачом через экран компьютера [6].

10 октября 2019 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», который представляет Национальную стратегию развития ИИ на период до 2030 г. В статье 22 данного Указа, посвященной использованию ИИ в социальной сфере, особое внимание уделяется здравоохранению. Именно эта область считается наиболее перспективной в отношении развития нейросетей и ИИ, характеризуясь тем, что к 2028 г. ожидается увеличение глобального рынка ИИ в медицинской области в 30 раз¹.

В рамках улучшения качества предоставляемых услуг в здравоохранении предусмотрены конкретные сферы применения ИИ, которыми являются: профилактические обследования; диагностика, основанная на анализе изображений;

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.05.2017. – № 20. – Ст. 2901.

прогнозирование возникновения и развития заболеваний; оптимизация дозировок лекарственных препаратов; уменьшение риска пандемий; автоматизация хирургических вмешательств с повышением точности [7. – С. 55].

Активное внедрение технологий ИИ в деятельность врачей предоставляет им огромные возможности, в некоторых случаях значительно улучшая результативность деятельности профессионалов в сфере медицины. Так, например, благодаря различным программам, основанным на ИИ, в данной области стали возможны такие процессы, как мгновенный анализ медицинских изображений, разработка лекарственных препаратов, а также протезирование [4. – С. 149]. Подобные технологические изменения позволяют внедрять системы быстрого распознавания медицинских изображений при постановке самых различных диагнозов. Тем не менее уникальные возможности, предлагаемые ИИ, в частности, телемедициной, несут в себе определенные риски и поднимают множество вопросов правового характера.

Правовой режим технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации до сих пор не является полностью определенным в законодательстве. На данный момент ключевыми актами, регламентирующими основы использования ИИ в России, являются Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”». В этих нормативных актах закреплено определение ИИ, которое раскрывает понимание этого термина с точки зрения закона. Так, под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационные си-

стемы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений¹. Как правовой объект в сфере медицины ИИ приравнивается непосредственно к компьютерному программному обеспечению, которое подходит для применения в области цифрового здравоохранения и телемедицины.

Не всякое программное обеспечение может официально использоваться в сфере российского здравоохранения, в частности, при оказании телемедицинских услуг. Так, пункт 2 Правил государственной регистрации медицинских изделий (утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации 27 декабря 2012 г. за № 1416) устанавливает несколько критериев, на основании которых компьютерная программа, в том числе содержащая ИИ, подлежит государственной регистрации в Росздравнадзоре в качестве медицинского изделия [6]. К таким критериям, в частности, относятся возможность программного обеспечения производить профилактику, диагностику, лечение заболеваний; анализ и мониторинг состояния всех ключевых систем организма человека; проведение медицинских исследований. Также в соответствии с Критериями отнесения продукции к медицинским изделиям в части программного обеспечения (утверждены Протоколом Комиссии по выдаче заключений на запросы, связанные с обращением медицинских изделий ФГБУ «ВНИИИМТ» Росздравнадзора № 3 от 28 января 2020 г.) программное обеспечение может быть приравнено к медицинскому изделию, если оно не является составным элементом другого медицинского исследования; предназначено разработчиком для оказания медицинской помощи и выполнения медицинско-направленных действий; результат его действия формируется автоматически с использованием ИИ или по заданным медицинским работником параметрам, необходимым для при-

¹ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 27.04.2020. – № 17. – Ст. 2701.

нения клинического решения в установленном порядке. Медицинское программное обеспечение на основе ИИ также относится к классу медицинских изделий высокого риска в соответствии с вышеупомянутым актом. Следовательно, наличие в подобных программах технологий ИИ подлежит обязательному указанию в технической документации к данному программному обеспечению на основании пункта 5.1 Приказа Минздрава России от 19 января 2017 г. «Об утверждении требований к содержанию технической и эксплуатационной документации производителя (изготовителя) медицинского изделия».

Также представляется важным отметить, что для того, чтобы зарегистрировать телемедицинскую программу, использующую технологии ИИ, необходимо предоставлять документально оформленные сведения об успешно пройденных клинических испытаниях данного информационного продукта, подтверждающих его эффективность и безопасность. Законодатель уделяет особое внимание обеспечению защиты и сохранению конфиденциальности персональных данных пациентов, пользующихся услугами телемедицины, в которых применяются ИИ-технологии. Так, в нормативные положения об электронной медицинской карте (далее – ЭМК) в 2020 г. были внесены изменения, касающиеся легализации использования обезличенных персональных данных пациентов при их обработке ИИ. В соответствии с нормами Постановления Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2020 г. № 2174 «О внесении изменений в Положение о единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» ЭМК обеспечивает непосредственное хранение обезличенных медицинских данных для их использования в целях создания методов и алгоритмов компьютерного обучения с целью формирования систем принятия врачебных решений на основе ИИ, а также поддержку разработки, хранение, функционирование и верификацию технологических решений на основе ИИ [6]. Таким образом, в законодательстве предусмотрена четкая предпосылка, запрещающая использование программой искусственного интеллекта персональных данных пациентов в программном обеспечении при предоставлении телемедицинских услуг. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» деперсонализированные данные пациентов характеризуются полным отсутствием возможности

идентификации человека каким-либо образом и впоследствии передаются оператору телемедицинского сервиса в обезличенном виде¹.

Говоря о правовом регулировании безопасности медицинских решений, принимаемых в соответствии с результатами деятельности ИИ, стоит отметить, что подобное программное обеспечение внедряется в работу медицинских организаций в соответствии с системой внутреннего контроля и безопасности медицинской деятельности. Данное положение закреплено в статье 87 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которому контроль качества и безопасности медицинской деятельности может осуществляться в форме внутреннего контроля, в частности, с помощью создания системы оценки деятельности медицинских работников, участвующих в оказании телемедицинских услуг². Медицинские организации, использующие ИИ при оказании медицинских услуг, в свою очередь, должны разработать как положение о порядке организации, предусматривающее проведение внутреннего контроля качества с непосредственным включением отдельного пункта, посвященного правовой регламентации ИИ, так и положения, контролирующие его как отдельный регулируемый элемент врачебной деятельности. Также в ходе внедрения ИИ в работу врачей руководитель каждой медицинской организации должен выпустить приказ, который регламентирует использование ИИ в деятельности по оказанию медицинских услуг и с которым впоследствии должен ознакомиться каждый медицинский работник.

Говоря о гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный при оказании медицинской помощи с использованием технологий ИИ, стоит отметить, что данный вопрос до сих пор остается нерешенным. Ввиду неоднозначности вопроса правосубъектности ИИ и актуальных несовершенств технологий ИИ в целом в научной литературе рассматривается несколько подходов к решению проблемы определения юридической

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.

² Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.11.2011. – № 48. – Ст. 6724.

ответственности за причинение вреда с помощью систем ИИ. Например, по мнению ряда ученых, при выполнении определенных условий сама система ИИ может нести ответственность за недобросовестную медицинскую практику [8]. В то же время врач, контролирующий действия такой системы, несет ответственность за неправильное толкование ее действий.

Для рассмотрения вопроса распределения ответственности при использовании ИИ в сфере телемедицины представляется важным обращение ко второй части Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно к статье 1079. В соответствии с этой статьей юридические лица и граждане, занимающиеся деятельностью, которая представляет повышенную опасность для окружающих (например, использование транспортных средств, механизмов, высоковольтной электроэнергии, ядерной энергии, взрывчатых веществ и т. д.), должны возместить причиненный вред, если не смогут доказать, что вред был вызван обстоятельствами непреодолимой силы или умышленным действием потерпевшего [8]. Эта позиция позволяет рассматривать ИИ как источник повышенной опасности и возложить ответственность на владельца такого ИИ, т. е. непосредственно на медицинскую организацию, которая использует его в своей деятельности.

В случае, когда ИИ не зарегистрирован в качестве медицинского изделия и используется медицинской организацией исключительно в рамках системы внутреннего контроля качества и безопасности медицинской помощи, медицинский работник имеет возможность применять ИИ для анализа своей деятельности, например, для проверки правильности и точности поставленного диагноза [8]. Однако окончательная постановка диагноза врачом осуществляется самостоятельно. Так как в подобных случаях ИИ не является медицинским изделием, которое применяется медицинским работником при оказании помощи пациенту, вред здоровью, возникающий в результате недостатков работы ИИ, полностью возмещается медицинской организацией, с возможностью последующего обращения с иском к разработчику ИИ. Условия ответственности разработчика ИИ следует предусмотреть в соответствующем лицензионном соглашении или договоре об отчуждении исключительных прав на ИИ.

В случае, если ИИ зарегистрирован как медицинское изделие, вред, причиненный здоровью пациента, полностью возмещается медицинской

организацией. При этом необходимо учесть, что ни клинические рекомендации, ни установленные законом порядки оказания медицинской помощи не содержат закрепленных правил, позволяющих медицинскому работнику при диагностике или выборе лечения пациента использовать ИИ [8]. Это означает, что медицинского работника, осуществляющего манипуляции на основе выводов, полученных с использованием ИИ о состоянии здоровья пациента, полностью освободить от ответственности не представляется возможным. Несмотря на это, медицинская организация и медицинский работник имеют право обратиться с регрессным иском к разработчику (правообладателю) ИИ, если имеются доказательства, свидетельствующие о том, что вред, причиненный здоровью пациента, был результатом ошибок в функционировании ИИ, а не отдельных действий самого медицинского работника.

Следовательно, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие четкого правового регулирования ИИ в сфере здравоохранения в целом, ответственность за причинение вреда ИИ будет лежать в первую очередь на его владельце, то есть на медицинской организации, которая приняла решение внедрить подобное программное обеспечение в работу своих врачей. Это обосновывается тем, что у самой ИИ-технологии на данном этапе ее развития нет собственной воли и она никак не определена. Более того, у ИИ-программы отсутствует четкое понимание морально-воспитательного элемента: ИИ не может испытать стыд или сострадание, которые представляют собой естественные предпосылки для реализации предупредительной функции. До сих пор нет четких данных, касающихся того, может ли самообучение ИИ способствовать «пониманию» им неблагоприятных последствий некоторых действий и «осознанию» их как противоправных.

Если ИИ причиняет ущерб из-за дефекта или конструкционной неисправности, возникшей из-за ошибок в программировании, в практике некоторых зарубежных стран ответственность распространяется непосредственно на создателей-разработчиков такой технологии. Однако зачастую возникают сложности в процессе доказывания, каким именно образом произошел сбой программы. Эта проблема особенно опасна при использовании программ ИИ, основанных на машинном обучении и особенно на глубоком обуче-

нии, где сама природа программного обеспечения предполагает непредсказуемое поведение, определяемое только обработкой данных и всей информации, с которой программа взаимодействовала. Существующие нормы права не регулируют этот вопрос в полной мере, чтобы гарантировать защиту законных прав и интересов граждан.

Участие ИИ в диагностике и лечении при оказании телемедицинских услуг также порождает некоторые этические дилеммы относительно возможной степени использования врачом этой технологии. Многие теоретики уверены, что подобные этические вопросы рождаются в случае, когда возникает противоречие между продуктивностью использования системы ИИ и обеспечением конфиденциальности личной жизни и благополучия пациентов. Это происходит в тех случаях, когда нетрадиционные методы лечения создают неопределенные отношения между пациентом и врачом, а также когда врачи слишком полагаются на ИИ. Чтобы разрешить подобные этические дилеммы, необходима всеобъемлющая правовая и этическая основа, которая будет руководить медицинским сообществом. Представляется особенно важным установление четкого запрета на причинение вреда человеку со стороны систем ИИ и робототехники, а при проектировании указанных технологий также необходимо обеспечивать их соответствие закону, в том числе требованиям безопасности. Также стоит отметить, что недавно было принято Распоряжение Правительства № 2129 от 19 августа 2020 г., в соответствии с которым утверждена «Концепция регулирования искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». Этот документ определяет основные подходы к изменениям в российской практике регулирования технологии ИИ, что позволяет создавать и применять такие технологии и робототехнику в раз-

личных сферах, включая здравоохранение и его цифровые области, в частности, телемедицину.

Таким образом, современные телемедицинские технологии наряду с системами ИИ становятся полезным инструментом для усовершенствования медицинского обслуживания пациента, однако их распространение ставит множество разных вопросов перед юристами и медиками. Подобные инновации, безусловно, вызывают все больший интерес в рамках их потенциального влияния на цифровизацию здравоохранения, однако законодательное и нормативное регулирование этих технологий весьма далеко от совершенства. Наличие существующих пробелов в нормативной базе свидетельствует об острой необходимости создания эффективных правовых механизмов и рамок, которые помогут обеспечить безопасность применения ИИ в медицине. В настоящий момент в правовой сфере наблюдается острая необходимость существенного пересмотра различных отраслей законодательства, нормы которого охватывают сферу телемедицины и ИИ. Существующие предписания не могут в полной мере затронуть все варианты причинения вреда системами ИИ, что, в свою очередь, в некоторых случаях позволяет лицам, использующим информационные системы в здравоохранении для совершения преступления, избежать ответственности. Также представляется важным дальнейшее внедрение и совершенствование алгоритмов, позволяющих другим ИИ-формам на примере одного условного ИИ, понесшего юридическую ответственность за правонарушение, оценивать его действия как противоправные и опасные для человека. Эти принципиальные изменения со стороны разработчиков, вероятно, дополняют комплексный характер регулирования медицинской деятельности с участием ИИ и открывают новую перспективу развития законодательства об искусственном интеллекте в целом.

Список литературы

1. Берггольц В. В. Правовой статус и разграничение ответственности при разработке и использовании инструментов искусственного интеллекта // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2020. – № 6–3 (45). – С. 23–27.
2. Владимирский А. В. История научного обоснования концепции «телемедицины»: вклад исследовательской группы профессора К. Т. Берда // *История и современное мировоззрение*. – 2022. – С. 95–103.
3. Исмаилов И. Ш. Искусственный интеллект: правовой статус, проблемы дефиниции и перспективы использования в юриспруденции // *Проблемы экономики и юридической практики* – 2019. – № 5 – С. 137–139.

4. Ковелина Т. А., Собянин А. В., Марухно В. М. К вопросу о правовом регулировании применения искусственного интеллекта в медицине // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – С. 148–151.
5. Морозов С. П., Владзимирский А. В., Варюшин М. С., Аронов А. В. Распределение ответственности за некачественное оказание медицинской помощи при использовании телемедицинских технологий // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2018. – № 1–2. – С. 9–15.
6. Морозов С. П. Московский эксперимент по применению компьютерного зрения в лучевой диагностике: вовлеченность врачей-рентгенологов / С. П. Морозов, А. В. Владзимирский, Н. В. Ледихова, А. Е. Андрейченко, К. М. Арзамасов [и др.] // Врач и информационные технологии. – 2020. – № 4. – С. 14–23.
7. Попова А. В. Телемедицина в России и за рубежом: к вопросу о правовом регулировании // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 1. – С. 53–60. – URL: <http://elibrary.ru/art2019/bv475.pdf>
8. Свиридова Е. А. Проблема ответственности искусственного интеллекта через призму концепции гражданско-правовой ответственности Франции // Образование и право. – 2020. – № 4. – С. 516–523.

Теоретические аспекты планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации

К. И. Капитанов,

аспирант кафедры теории права и государства юридического института
Российского университета дружбы народов.

Адрес: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

E-mail: kirill.kap@list.ru

Theoretical Aspects of Planning of Law Drafting Activities in the Subjects of the Russian Federation

K. I. Kapitanov,

Postgraduate Student of the Department of Theory of Law and State
of the Law Institute of RUDN University.

Address: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation.

E-mail: kirill.kap@list.ru

Аннотация

Предметом исследования в статье выступают теоретические аспекты планирования деятельности по подготовке проектов законов и принятию законов в субъектах Российской Федерации. В работе изучаются содержание и особенности планирования на различных стадиях регионального законотворческого процесса в России. Делается вывод о том, что планирование может эффективно применяться не на всех стадиях законотворческого процесса, а только на двух из них – законоподготовительной и законодательной. В связи с этим автор приходит к заключению о некорректности с теоретико-правовых позиций использования понятия «планирование законотворчества», а также о необходимости комплексного подхода к исследованию планирования. Данный подход предполагает, что планирование деятельности по подготовке проектов законов и планирование деятельности по их рассмотрению законодательным органом и принятию должны рассматриваться в единой системе, как взаимосвязанные части одного процесса. С позиции комплексного подхода обосновывается целесообразность использования в научных исследованиях и нормативных правовых актах понятия «планирование законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации», а также дается авторское определение данного понятия.

Ключевые слова: законотворчество, подготовка проектов законов, законодательная деятельность, законодательный процесс, законопроектная деятельность, планирование.

Abstract

The subject of the research in the article is the theoretical aspects of planning activities for the preparation of draft laws and the adoption of laws in the subjects of the Russian Federation. The paper studies the content and features of planning at various stages of the regional legislative process in Russia. The conclusion is that planning can be effectively applied not at all stages of the legislative process, but only at two of them – law preparation and legislative activity. In this regard, the author infers that it is incorrect from the theoretical and legal positions to use the concept of “planning lawmaking”, as well as the need for an integrated approach to the study of planning. This approach implies that the planning of activities for the preparation of draft laws and the planning of activities for their consideration by the legislature and the adoption of laws should be considered in a single system as interrelated parts of one process. In terms of the integrated approach, the expediency of using the concept “planning of law drafting activities in the subjects of the Russian Federation” in scientific research and regulatory legal acts is substantiated, and the author’s definition of this concept is also given.

Keywords: law-making, preparation of draft laws, legislative activity, legislative process, law drafting activities, planning.

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется интенсивными изменениями в различных сферах общественной жизни, сопровождающимися возникновением новых отношений, требующих правовой регламентации. Учитывая, что в странах, правовые системы которых относятся к романо-германской правовой семье (в число таких стран, несмотря на продолжающиеся дискуссии, включают и Россию [5. – С. 33]), основным источником права являются законы [6. – С. 104, 108], особую значимость приобретает законотворческая деятельность. Данные факторы, а также федеративный характер Российского государства, предполагающий предоставление субъектам Федерации значительной самостоятельности в регулировании широкого круга вопросов и необходимость учитывать при его осуществлении исторические, национальные, культурные и иные региональные особенности, обуславливают важнейшую роль законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации.

Вместе с тем следует констатировать, что законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации зачастую не достаёт научной обоснованности и стабильности, долгосрочные планы развития регионального законодательства нередко соблюдаются формально либо отсутствуют, деятельность по разработке законопроектов, осуществляемая различными субъектами законотворчества, координируется слабо. В свою очередь, это негативно сказывается на качестве принимаемых законов субъектов Российской Федерации, приводит к законодательной инфляции, препятствует своевременному законодательному регулированию процессов, связанных с наиболее значимыми для развития общества и государства вопросами.

Преодоление перечисленных проблем должно основываться на повышении стратегической направленности законотворческой деятельности в субъектах Российской Федерации, ключевую роль в котором, как указывается в литературе, играет планирование. По мнению А. И. Абрамовой, планирование позволяет не допустить стихийности в процессе законотворчества, а именно неоправданно большого количества издаваемых законодательных актов и их противоречивости, вызванной нарушением межотраслевых, внутриотраслевых связей в сфере законодательного регулирования, а также избежать поспешности в законотворческой работе, создать условия для подготовки качественных законодательных актов, устрани-

нить случаи их дублирования, повысить результативность нормативно-правового регулирования общественных отношений [1. – С. 41]. М. В. Залоило отмечает, что планирование позволяет выявить наиболее важные и требующие скорейшего нормативного урегулирования общественные и государственные запросы, определить последовательность законопроектных работ, учесть юридические и иные риски реализации предполагаемых законодательных новелл, соблюсти необходимый баланс законности и целесообразности, упростить контроль за качеством работ по подготовке законопроектов, избежать инфляции и фрагментации правовой материи [7. – С. 52]. В процессе планирования, как указывает Т. Ю. Фалькина, определяются приоритеты правотворческой политики, очередность создания законодательных актов, что позволяет сконцентрировать усилия на принятии наиболее актуальных законов [16. – С. 137].

Несмотря на то, что имеется широкий консенсус относительно значимости планирования для совершенствования законотворчества и повышения качества законодательных актов, единого подхода к определению понятия, содержания и особенностей планирования деятельности по подготовке проектов законов, их рассмотрению законодательным органом и принятию в субъектах Российской Федерации не сложилось. Как представляется, прежде всего это связано с тем, что в юридической литературе недостаточно четко разграничиваются категории, обозначающие различный объем деятельности по подготовке проектов законов, их рассмотрению и принятию парламентом, а также подписанию, официальному опубликованию и вступлению принятых законов в силу. Речь идет об отсутствии в науке устоявшегося подхода к соотношению понятий «законотворчество» и «законодательная деятельность» и об обусловленной этим недостаточной определенностью терминологического аппарата в сфере планирования, имеющего принципиальное значение для его теоретико-правового исследования.

Ряд ученых, придерживаясь расширительного подхода к содержанию законодательного процесса, указывают, что данный вид интеллектуальной деятельности объединяет в себе искусство и науку, в связи с чем понятие «законотворчество» выступает основной частью понятия «законодательная деятельность» [11. – С. 18]. Сторонники подобной позиции полагают, что законодательный процесс включает в себя не только деятельность

законодательного органа по обсуждению и рассмотрению внесенных проектов законов и принятию законов, но также деятельность по подготовке законопроектов. Имеется в виду, что именно на данном этапе возбуждается вопрос об издании закона, выявляется потребность в его принятии, закладываются основы будущего законодательного акта, производится его научная и экспертная проработка [12. – С. 207]. Так, например, Ю. А. Тихомиров указывает, что «законодательный процесс есть система связанных между собой стадий анализа и выявления законодательных проблем, подготовки и обсуждения законопроектов, их рассмотрения и принятия закона» [15. – С. 182].

Согласно другому подходу, который с теоретико-правовой точки зрения представляется более аргументированным, понятие «законотворчество» является более «широким», чем понятие «законодательная деятельность». Ученые, придерживающиеся данной позиции, полагают, что понятием «законотворчество» охватывается не только деятельность по внесению проекта закона в законодательный орган, его рассмотрению и принятию парламентом, подписанию, официальному опубликованию и вступлению принятого закона в силу (то есть законодательная деятельность), но также предшествующая этому деятельность по выявлению потребности в законодательном регулировании общественных отношений, подготовке в соответствии с выявленными потребностями проекта закона, проведению его экспертизы [10. – С. 201–203]. Сторонниками подобного подхода к соотношению понятий «законотворчество» и «законодательная деятельность», как правило, выделяется несколько стадий законотворческого процесса, названия, количество, последовательность и содержание которых, однако, являются предметом научных дискуссий. Зачастую в структуре законотворческого процесса выделяют предварительную (предпроектную) стадию, стадию подготовки проекта закона (законоподготовительную) и стадию законодательной деятельности [8. – С. 59, 60].

В рамках предварительной (предпроектной) стадии законотворчества осуществляется изучение социальных, экономических, политических и иных процессов, протекающих в обществе, на основании чего определяются потребность в регулировании (причем не просто в правовом, а именно в законодательном регулировании) соответствующей сферы общественных отношений и объем такого регулирования либо потребность в

изменении или отмене действующих законодательных норм. Результатом указанной деятельности является формирование идеи законопроекта [2. – С. 66], представляющей собой, как указывает В. М. Баранов, систему суждений о необходимости принятия новых либо изменения или отмены действующих законодательных норм, предмете и основных методах законодательной регламентации, ее целях и ожидаемом результате [4. – С. 9, 10].

Содержание предварительной (предпроектной) стадии, в рамках которой лишь возникает идея о необходимости разработки проекта закона, обуславливает ее творческий и неформализованный характер, сложность (и нецелесообразность) нормативно-правовой регламентации процессов формирования, обсуждения и согласования законодательных идей. Указанные факторы существенно ограничивают возможности применения планирования на данной стадии законотворческого процесса.

На стадии подготовки проекта закона осуществляется разработка концепции законопроекта (которая, по мнению Т. Я. Хабриевой, представляет собой «идейную» модель будущего законодательного акта, задающую цели и основные параметры его содержания) [17. – С. 30], а также текста проекта закона. Содержание законоподготовительной стадии законотворчества обуславливает ее большую, по сравнению с предварительной (предпроектной) стадией, формализованность. При этом степень урегулированности законоподготовительной деятельности нормативными правовыми актами и возможности применения планирования на данной стадии законотворчества могут существенно различаться в зависимости от субъектов, осуществляющих разработку проектов законов.

В отличие от перечня лиц, имеющих право вносить на рассмотрение регионального парламента проекты законов (субъектов права законодательной инициативы), круг субъектов, разрабатывающих законопроекты, является открытым и не может быть нормативно определен. Так, разработку проектов законов субъектов Российской Федерации могут осуществлять, например, отдельные граждане, общественные объединения, ученые и специалисты в соответствующих сферах деятельности, образовательные, научные и иные организации. При этом разработка законопроектов не является основным профессиональным видом деятельности данных субъектов, осуществляется

ими в инициативном порядке либо на основании гражданско-правовых договоров¹, на несистематической основе и, в отличие от законоподготовительной деятельности органов публичной власти, не имеет подробной нормативно-правовой регламентации. Соответственно, относящиеся к рассматриваемой группе субъекты хотя и могут принимать участие в отдельных мероприятиях по планированию законоподготовительных работ (к примеру, в форме оказания консультативной помощи должностным лицам органов публичной власти, направления предложений к разработанным ими проектам планов законоподготовительных работ, проведения их независимой экспертизы), однако планирование собственной деятельности по подготовке проектов законов субъектов Российской Федерации, как правило, не осуществляют.

В то же время органами публичной власти, являющимися основными субъектами законотворческого процесса, деятельность по подготовке проектов законов субъектов Российской Федерации осуществляется на профессиональной постоянной основе, систематически и в урегулированной нормативными правовыми актами процедурной форме. Масштаб и сложность стоящих перед ними законоподготовительных задач обуславливают необходимость системного применения планирования, которое предполагает осуществление мероприятий по определению приоритетов законоподготовительной деятельности, порядка, последовательности и сроков разработки проектов законов, ответственных за их разработку исполнителей, сроков внесения подготовленных законопроектов в законодательный орган субъекта Российской Федерации, организации контроля за соблюдением указанных сроков и качеством выполненных работ. Соответственно, планирование позволяет заблаговременно оценить характер и

масштабы стоящих законоподготовительных задач, обеспечить эффективную координацию деятельности по подготовке проектов законов, осуществляемой различными субъектами законотворчества и отдельными исполнителями, и оптимальное распределение материально-технических, кадровых и иных ресурсов. Как отмечает А. В. Старовойтов, планирование содействует оптимальной организации законоподготовительной работы, в том числе согласованию ее с деятельностью по мониторингу законодательства, ограничению ведомственного лоббирования при решении важнейших государственных проблем, восполнению пробелов в правовом регулировании, своевременному принятию нормативных правовых актов, необходимых для реализации закона, отмене устаревших норм [14. – С. 9].

В рамках завершающей стадии законотворчества – стадии законодательной деятельности – осуществляется внесение подготовленного проекта закона в законодательный орган, его рассмотрение и принятие парламентом, а также подписание, официальное опубликование и вступление принятого закона в силу. Законодательная деятельность наиболее подробно урегулирована нормативными правовыми актами и осуществляется в рамках законодательного процесса, представляющего собой строго упорядоченную процедуру [12. – С. 207], что предопределяет возможность эффективного применения планирования на данной стадии законотворчества.

По мнению А. И. Абрамовой, «как самостоятельный компонент законодательной деятельности, планирование подразумевает в том числе выбор наиболее приемлемого законодательного решения в отношении практической реализации соответствующих мер правового воздействия и направлено на повышение эффективности работ по подготовке законодательных актов, организацию контроля за соблюдением сроков выполнения этих работ, соответствием формы конкретного законодательного акта содержанию разрешаемой актом правовой задачи» [1. – С. 41]. Следует, однако, отметить, что подобный подход к определению содержания планирования законодательной деятельности не учитывает, что разработка концепции законопроекта, проведение работ по подготовке текста проекта закона, организация контроля за соблюдением сроков выполнения указанных работ осуществляются до внесения проекта закона на рассмотрение законодательным органом, то есть на предшествующей законодатель-

¹ В городе Москве, например, законопроектные работы могут осуществляться за счет средств регионального бюджета на основании гражданско-правового договора, заключаемого Московской городской думой с исполнителем работы. При этом выбор исполнителя осуществляется инициатором работы (депутатом или комиссией Московской городской думы) самостоятельно с учетом квалификации исполнителя и возможности выполнять требования договора. См.: Постановление Московской городской думы от 16 марта 2005 г. № 55 «О порядке финансирования законопроектных и экспертных работ» // Ведомости Московской городской думы. – 2005. – № 4 от 29 апреля 2005 г. – Ст. 54.

ному процессу стадии законотворчества. Законодательный же процесс, как обоснованно указывается в литературе, начинается со вступления законодательного органа в отношения, складывающиеся в ходе создания закона, и процедуру подготовки законопроекта не охватывает [12. – С. 207].

В этой связи планирование законодательной деятельности осуществляется парламентом, его структурными подразделениями и рабочими органами (советом, президиумом, комитетами, комиссиями, рабочими группами и т. д.) и предполагает определение проектов законов, подлежащих приоритетному рассмотрению законодательным органом, а также порядка, последовательности и сроков их рассмотрения. Значимость планирования законодательной деятельности особенно возрастает с учетом широкого круга субъектов права законодательной инициативы в законодательном органе субъекта Российской Федерации и связанной с этим высокой законотворческой активности, предопределяющих серьезную загруженность региональных парламентов. Применение планирования позволяет оптимизировать работу законодательного органа, сконцентрировать его деятельность на первоочередном рассмотрении законопроектов, обладающих высокой социальной значимостью и направленных на регулирование наиболее важных для общества и государства вопросов. Таким образом, планирование может эффективно применяться не на всех стадиях законотворческого процесса, а только на двух из них – законоподготовительной (в случае, если деятельность по подготовке проектов законов осуществляют органы публичной власти) и законодательной. В связи с этим использование понятия «планирование законотворчества» с теоретико-правовых позиций не представляется корректным.

В свою очередь, понятия «планирование деятельности по подготовке проектов законов» («планирование законоподготовительной деятельности») и «планирование законодательной деятельности» характеризуют различные виды планирования, применяемые на разных стадиях законотворческого процесса. Соответственно, данные понятия могут быть использованы при исследовании указанных видов планирования по отдельности либо с целью их сопоставления, выявления общих и особенных черт.

Однако для целей теоретико-правового исследования планирование деятельности по подготовке проектов законов и планирование деятельности

по их рассмотрению и принятию в субъектах Российской Федерации необходимо рассматривать в единой системе, как взаимосвязанные части одного процесса. Подобный комплексный подход к изучению планирования обусловлен содержанием законотворческого процесса, представляющего собой ряд последовательно сменяющих друг друга и неразрывно связанных стадий. От непосредственно направленных на создание закона действий, образующих стадию подготовки законопроекта, во многом зависят качество, эффективность применения и социальная значимость будущего законодательного акта. На стадии законодательного процесса, в свою очередь, происходит обсуждение, доработка и принятие подготовленного и внесенного в качестве законодательной инициативы проекта закона, в результате чего он становится обязательным для исполнения законодательным актом [3. – С. 14–18]. Соответственно, научно обоснованный подход к планированию законоподготовительных работ является необходимой основой эффективного планирования законодательной деятельности, своевременного рассмотрения законопроектов региональным парламентом и первоочередного принятия наиболее значимых законов. И наоборот, недостатки, допущенные в ходе планирования деятельности по подготовке проектов законов субъектов Российской Федерации, негативно сказываются на качестве, сроках подготовки и внесения законопроектов в законодательный орган и, как следствие, на своевременности их рассмотрения, актуальности и эффективности принимаемых парламентом законов, план работы которого формируется исходя из перечня внесенных на его рассмотрение законодательных инициатив.

Кроме того, комплексный подход к исследованию планирования позволяет выработать теоретические рекомендации и практические предложения, направленные на повышение согласованности деятельности по подготовке проектов законов субъектов Российской Федерации, осуществляемой различными субъектами законотворчества, а также на усиление координации планов законоподготовительных работ и планов законодательной деятельности регионального парламента. Таким образом, применение комплексного планирования законопроектной деятельности способствует предупреждению ошибок в определении приоритетов законоподготовительной и законодательной деятельности, а также синхронизации сроков

подготовки проектов законов со сроками их рассмотрения и принятия.

В этой связи и в целях упорядочивания понятийного аппарата, используемого в научных исследованиях и нормативных правовых актах, одной из актуальных задач комплексного подхода является поиск понятия, позволяющего системно исследовать планирование деятельности по подготовке проектов законов субъектов Российской Федерации, их рассмотрению и принятию. В качестве такового представляется целесообразным использовать понятие «планирование законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации», которое основывается на понимании термина «законопроектная деятельность» («законопроектные работы») как охватывающего деятельность не только по подготовке законопроектов, но также по их рассмотрению, доработке и обсуждению в парламенте в рамках законодательного процесса [9. – С. 8, 9; 13. – С. 5]. Таким образом, под планированием законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации предлагается понимать осуществляемую в установленном нормативными правовыми актами порядке деятельность уполномоченных субъектов законодательства, направленную на определение приоритетов, порядка, последовательности, исполнителей и сроков подготовки проектов законов субъектов Российской Федерации, сроков их внесения в законодательный орган, а также деятельность законодательного органа субъекта Российской Федерации (его структурных подразделений и рабочих органов) по определению законопроектов, подлежащих приоритетному рассмотрению, порядка, последовательности и сроков их рассмотрения.

Одним из возможных возражений против использования понятия «планирование законопроектной деятельности» является то, что данным понятием не охватывается планирование законодательной деятельности «верхней» палаты законодательного органа, если исходить из того, что к ее полномочиям отнесено не рассмотрение законопроектов, а одобрение уже принятых «нижней» палатой законов. Подобная позиция может быть основана на буквальном толковании статьи 105 Конституции Российской Федерации, согласно которой федеральные законы принимаются Государственной Думой, в то время как Совет Федерации их одобряет (либо отклоняет). Применительно к региональному законодательному процессу схожая формулировка использовалась в

статье 7 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹, предусматривавшей, что конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации, в котором создан двухпалатный законодательный орган, к полномочиям одной из палат могло быть отнесено одобрение принятых другой палатой законов.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что на момент принятия в окончательном чтении законодательным органом (и тем более одной из его палат) закон, традиционно рассматриваемый в теории права как обязательный для исполнения нормативный правовой акт, обладающий высшей юридической силой и регулирующий наиболее важные общественные отношения [15. – С. 26], еще не существует. Без подписания Президентом Российской Федерации либо высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (в зависимости от того, идет речь о федеральном или региональном законотворческом процессе) и следующего за этим обнародования принятый парламентом акт не может вступить в силу и не приобретает юридически обязывающего значения, не порождает правовых последствий для субъектов регулируемых им отношений. Можно согласиться с позицией ученых, полагающих, что на этапах законодательного процесса, предшествующих обнародованию и введению в действие принятого парламентом и подписанного Президентом Российской Федерации (или высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации) акта, работа, по существу, ведется не над законом, а над проектом закона [9. – С. 9, 10; 18. – С. 122]. Кроме того, необходимо учитывать, что действующее законодательство (в частности, Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»², принятый взамен Федерального закона № 184-ФЗ) в настоящее время не предоставляет субъектам Российской Федерации права создавать двухпалатные законодательные органы. С учетом изложенного выше есть сомнения в корректности

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42 от 18 октября 1999 г. – Ст. 5005.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 52 (часть I) от 27 декабря 2021 г. – Ст. 8973.

использования понятия «планирование законопроектной деятельности», основанные на том, что данным понятием якобы не охватывается планирование законодательной деятельности «верх-

ней» палаты парламента, но применительно к региональному законотворческому процессу в России они не представляются обоснованными как с теоретических, так и с нормативных позиций.

Список литературы

1. Абрамова А. И. Актуальные проблемы планирования законодательной деятельности // Журнал российского права. – 2012. – № 3. – С. 41–50.
2. Абрамова А. И. Законодательная идея и форма ее реализации // Журнал российского права. – 2010. – № 12 (168). – С. 65–72.
3. Абрамова А. И. Современный законодательный процесс Российской Федерации: стадии и проблемы их совершенствования // Журнал российского права. – 2007. – № 2 (122). – С. 14–23.
4. Баранов В. М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. – 2008. – № 2 (134). – С. 9–17.
5. Гааг Л. В. К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 32–40.
6. Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988.
7. Залоило М. В. Законодательный процесс в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – № 1. – С. 45–57.
8. Золотухина Т. А. О структуре законотворческого процесса в России: стадии и этапы // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 4 (69). – С. 59–62.
9. Игишев К. А., Югов А. А. Некоторые аспекты теоретико-правового обоснования понятия «законопроектный процесс» // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 3. – С. 8–12.
10. Карташов В. Н., Бахвалов С. В. Законодательная технология субъектов Российской Федерации. – Ярославль, 2010.
11. Овсепян Ж. И. Гносеологическая природа законодательных полномочий парламента: вопросы теории и понятийного аппарата // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 6. – С. 13–22.
12. Парламентское право России: монография / А. И. Абрамова, В. А. Витушкин, Н. А. Власенко и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Издание Государственной Думы, 2013.
13. Самощенко И. С. Планирование законодательства в СССР // Советское государство и право. – 1983. – № 3. – С. 3–11.
14. Старовойтов А. В. Обеспечение плановости законопроектной деятельности: факторы, тенденции, проблемы // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 4 (49). – С. 8–19.
15. Тихомиров Ю. А. Теория закона. – М.: Наука, 1982.
16. Фалькина Т. Ю. Юридическая стратегия как важнейший элемент юридической технологии // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 135–137.
17. Хабриева Т. Я. Глобализация и законодательный процесс // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сборник статей. – Нижний Новгород, 2007. – С. 26–33.
18. Чиркин В. Е. О порядке принятия федерального закона в России (верна ли формулировка ч. 1 ст. 105 Конституции РФ?) // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 2 (75). – С. 116–125.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-92-98>

О некоторых проблемных аспектах производства по делам об оспаривании в арбитражных судах решений административных органов о привлечении к административной ответственности

М. О. Румянцевакандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова;

доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36;ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.
E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

About Some Problematic Aspects of the Proceedings on Cases of Challenging Decisions of Administrative Bodies on Bringing to Administrative Responsibility in Arbitration Courts

M. O. RumyantsevaPhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE;
Associate Professor of the Department of Civil Law of Russian Customs Academy.Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation;Russian Customs Academy,
4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

Аннотация

Предметом исследования в настоящей статье выступает производство по делам об оспаривании в арбитражных судах решений административных органов о привлечении к административной ответственности. Проводится анализ современного состояния рассмотрения дел, поднимается вопрос об объектах обжалования, обсуждается проблема законодательной регламентации участия прокурора при рассмотрении в арбитражных судах дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности, при этом критическому исследованию подвергаются не только нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, но и ведомственные акты органов прокуратуры. Автор, отмечая несовершенство законодательного регулирования рассматриваемого вида производства, приходит к выводу о необходимости восполнения образовавшихся законодательных пробелов. На примере материалов судебной практики автор обнаруживает целый ряд противоречий между законодательством и сложившейся правоприменительной практикой при рассмотрении дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности. Автор предлагает собственное видение вариантов законодательного восполнения параграфа 2 главы 25 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: арбитражный процесс, Арбитражный процессуальный кодекс, административное производство, прокурор, административное заявление, объекты оспаривания, субъекты оспаривания.

Abstract

The subject of the research in this article is the proceedings on cases of contesting decisions of administrative bodies on bringing to administrative responsibility in arbitration courts. The article analyzes the current state of the consideration of cases, raises the issue of the objects of appeal, discusses the problem of legislative regulation of the prosecutor's participation in the consideration of cases in arbitration courts challenging the decisions of administrative bodies on bringing to administrative responsibility, while not only the norms of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, but also departmental acts of the prosecutor's office are subjected to critical study. The author, noting the imperfection of the legislative regulation of the considered type

of production, comes to the conclusion that it is necessary to fill the legislative gaps that have formed. Using the example of the materials of judicial practice, the author discovers a number of contradictions between the legislation and the established law enforcement practice when considering cases of challenging decisions of administrative bodies on bringing to administrative responsibility. The author offers her own vision of options for the legislative completion of paragraph 2 of Chapter 25 of the Arbitration Procedural Code.

Keywords: arbitration process, Arbitration Procedural Code, administrative proceedings, prosecutor, administrative statement, objects of contestation, subjects of contestation.

Дела об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности занимают значительную долю среди всех категорий дел, рассматриваемых арбитражными судами первой инстанции. Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в 2022 г. было рассмотрено 42049 дел. При этом было удовлетворено только 19004 обращений¹.

Связано такое большое количество дел в первую очередь с освобождением лиц, обращающихся в арбитражный суд, от уплаты госпошлины², иными словами, законодатель, освобождая заявителя от необходимости уплаты госпошлины, делает судебную защиту более доступной.

Для оспаривания решений административных органов о привлечении к административной ответственности законодатель предусмотрел в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации³ (далее – АПК РФ) раздел III «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений», поскольку участники предпринимательской и иной экономической деятельности, привлеченные должностными лицами административных органов к административной ответственности, обращаясь в ар-

битражный суд, тем самым вступают в публичные правоотношения с представителем государственных интересов в лице административных органов. В частности, порядок рассмотрения дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности регламентирован параграфом 2 главы 25 АПК РФ.

Забегая вперед, следует отметить, что упомянутая глава АПК РФ, выступающая процессуальной основой рассмотрения в суде дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности, является одной из самых «немногословных» в арбитражном процессуальном законе, раскрывая лишь общие положения рассмотрения изучаемой нами категории дел и оставляя за кадром действия суда, особенности оценки доказательств и пр. [1]. Более того, не конкретизируя отдельные случаи, АПК РФ отсылает правоприменителей к положениям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), что приводит на практике к случаям необоснованного применения судами норм этого кодекса.

Следует отметить, что нормы, предусматривающие возможность оспаривания в арбитражном суде решения административного органа о привлечении к административной ответственности, являются новеллой современного законодательства, поскольку ранее, до появления АПК РФ 2002 г., законодатель не допускал возможности обжаловать подобного рода решения в порядке арбитражного судопроизводства.

Арбитражные суды, рассматривая жалобы лиц, привлеченных административными органами к административной ответственности, тем самым осуществляют судебный контроль за правильностью решений, принятых административными органами, т. е. проверяют соответствие действий административных органов закону. При этом суд устанавливает не только факт совершения правонарушения, правильность при-

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. 2009-2023. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7650>

² Дела об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности являются единственной категорией дел, по которой лица, обращающиеся в суд, освобождаются от уплаты госпошлины. В результате изучения судебной практики обнаруживаются многочисленные случаи оспаривания решения административного органа о назначении наказания в отношении участника предпринимательской или иной экономической деятельности в размере 500 рублей.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012.

менения нормы материального права к совершенному правонарушению, но и соблюдение процедуры привлечения к административной ответственности. Более того, законодатель особо подчеркнул, что арбитражный суд, рассматривая дело об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности, не связан доводами заявителя, а в интересах справедливости проверяет оспариваемое решение в полном объеме.

Нельзя не отметить еще одну особенность правового регулирования процессуального порядка рассмотрения дел об оспаривании решений таможенных (административных) органов: в научной литературе отдельные авторы обнаруживают коллизию между нормами КоАП РФ и АПК РФ в части, касающейся обжалования постановлений административных органов, мотивируя это тем, что «налицо двойное регулирование порядка рассмотрения данных дел» – нормами арбитражного процессуального законодательства и нормами административного законодательства.

Действительно, законодатель, раскрывая в параграфе 2 главы 25 АПК РФ процессуальный порядок рассмотрения дел об оспаривании решений административных органов, нередко «рекомендует» правоприменителям руководствоваться также «федеральным законом об административных правонарушениях», т. е. нормами КоАП РФ, либо использует формулировку «если иное не установлено федеральным законом». Иными словами, законодатель, не желая, видимо, повторяться, решил, что положений КоАП РФ, касающихся порядка обжалования постановлений об административных правонарушениях, достаточно и для арбитражного судопроизводства, забывая, однако, о том, что нормы, содержащиеся в арбитражном и административном законодательстве, не всегда совпадают.

Следует отметить, что в свое время высшие судебные органы – Высший арбитражный суд Российской Федерации и Верховный суд Российской Федерации, – анализируя и обобщая судебную практику по делам об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности, также пришли к выводу о недостаточности регламентации процессуального порядка рассмотрения дел о привлечении к административной ответственности и об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответ-

ственности. В результате появилось несколько постановлений Пленумов Высшего арбитражного суда Российской Федерации и Верховного суда Российской Федерации, призванных разъяснить возникающие в судебной практике вопросы относительно применения арбитражного и административного законодательства.

В первую очередь следует назвать Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»¹ (далее – Постановление Пленума ВАС РФ № 10), в котором были разъяснены отдельные стороны рассмотрения как дел о привлечении к административной ответственности (параграф 1 главы 25 АПК РФ), так и дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности (параграф 2 главы 25 АПК РФ). В частности, Постановление Пленума ВАС РФ № 10 разъясняет порядок определения подсудности дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности, раскрывает надлежащий порядок извещения лиц о рассмотрении дела в суде, указывает на обстоятельства, подлежащие установлению судом при признании решения административного органа о привлечении к административной ответственности незаконным и подлежащим отмене, уточняет правила квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного.

Пленум Верховного суда Российской Федерации, в свою очередь, издал Постановление от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»² (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 5), в котором разъяснены отдельные моменты производства по делу об ад-

¹ Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 (ред. от 21 декабря 2017 г.) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2004. – № 8.

² Постановление Пленума Верховного суда от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2005. – № 6.

министративном правонарушении, которые должны быть установлены арбитражным судом при рассмотрении об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности; особое внимание уделено восстановлению пропущенного срока для обращения в суд с заявлением об обжаловании постановления по делу об административном правонарушении. Иными словами, на сегодняшний день отсутствует единый судебный акт, отвечающий современным потребностям правоприменителя.

Перейдем к выяснению специфики рассматриваемого вида производства.

Итак, заявитель, посчитавший, что его права нарушены решением, вынесенным административным органом, ищет защиты у суда. Но при этом суд занимает весьма специфическую позицию: он сам не воздействует непосредственно на заявителя, не привлекает его от своего имени к ответственности, а лишь подтверждает правомерность вынесенного административным органом решения либо, удостоверившись в обратном, отменяет его.

В то же время суд не дает возможности «исправить» допущенные нарушения административному органу, т. е. не может направить материалы дела на производство, например, дополнительного административного расследования и т. д. Однако, если в рамках производства, связанного с оспариванием ненормативных правовых актов (глава 24 АПК РФ), у заявителя была возможность предоставить новые доказательства, не представленные ранее государственному или иному административному органу, то при производстве по делам об оспаривании решений административных органов такой возможности у заявителя уже нет.

АПК РФ устанавливает, что в рамках параграфа 2 главы 25 оспариваются решения государственных органов, иных органов, должностных лиц, уполномоченных в соответствии с нормами КоАП РФ рассматривать дела об административных правонарушениях, о привлечении к административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность.

Постановление Пленума ВАС РФ № 10 разъясняет, что в силу указания, содержащегося в части 1 статьи 29.9 КоАП РФ, постановлением по делу об административном правонарушении именуется как постановление о назначении ад-

министративного наказания, так и постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении. Следует отметить, что КоАП РФ в статье 29.9. также называет два вида постановлений, выносимых по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении: постановление о назначении административного наказания и постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении. Следовательно, лица, не согласные с вынесенным постановлением о прекращении производства по делу об административном правонарушении, также вправе обжаловать его в арбитражном суде.

Некоторые ученые весьма незаслуженно упрекают законодателя в том, что в рамках арбитражного судопроизводства возможно обжалование лишь итогового решения административного органа – решения о привлечении к административной ответственности (назначении наказания), в то время как в рамках производства по делу об административном правонарушении возможно «появление» других административных актов, затрагивающих интересы субъектов предпринимательской или иной экономической деятельности, чем «ограничиваются права лиц по оспариванию итоговых постановлений по делам об административных правонарушениях» [2].

Помощь в разъяснении описанной ситуации также предложена Постановлением Пленума ВАС РФ № 10. В частности, Пленум разъяснил, что иные решения административных органов, не связанные с привлечением к административной ответственности (например, решения, принятые в рамках применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, по изъятию вещей и документов, аресту товаров, транспортных средств и иных вещей) оспариваются по правилам, установленным главой 24 АПК РФ.

Таким образом, параграф 2 главы 25 АПК РФ позволяет на сегодняшний день обжаловать все виды постановлений административных органов – как постановление о назначении административного наказания, так и постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

Начиная разговор о субъектах производства по делам об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности, следует отметить, что арбитражный процессуальный кодекс весьма скуп

характеризует лиц, способных инициировать такого рода производство. В частности, часть 2 статьи 207 АПК РФ указывает, что производство по делам об оспаривании решений административных органов возбуждается на основании заявлений юридических лиц и предпринимателей, привлеченных к административной ответственности в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Поскольку, как уже было отмечено ранее, порядок рассмотрения дел об оспаривании решений административных органов регулируется не только нормами АПК РФ, но и КоАП РФ, обратимся к положениям статьи 30.1 последнего из названных нормативных актов, которая, перечисляя лиц, обладающих правом на обжалование постановлений по делу об административном правонарушении, в свою очередь отсылает к статьям 25.1–25.5.1 КоАП РФ. К таким лицам относятся:

- лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении;
- потерпевший;
- законные представители физического лица;
- законные представители юридического лица;
- защитник (для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении);
- представитель (для оказания юридической помощи потерпевшему);
- уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей.

В качестве лица, привлеченного к административной ответственности, как вытекает из содержания части 2 статьи 207 АПК РФ, может выступать как юридическое лицо, так и индивидуальный предприниматель.

Справедливости ради заметим, что законодатель в рамках АПК РФ также позволяет потерпевшему обратиться с заявлением об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности. Но следует отметить, что АПК РФ включил право потерпевшего на обращение в суд с заявлением об оспаривании решения административного органа сравнительно недавно, с момента выхода в свет Федерального закона от 27 июля 2010 г.

№ 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»¹. Однако на необходимость унификации положений двух кодексов (АПК РФ и КоАП РФ²) указывалось еще в Постановлении Пленума ВАС РФ № 10, в пункте 4 которого содержалось разъяснение, что лицо, признанное потерпевшим, в порядке, предусмотренном КоАП РФ, вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании постановления административного органа по делу об административном правонарушении в порядке, предусмотренном нормами параграфа 2 главы 25 АПК РФ, поскольку указанное постановление затрагивает его права и законные интересы. И законодатель, видимо, осознав досадную оплошность, повлекшую коллизию между АПК РФ и КоАП РФ, восполнил пробел, добавив потерпевшего в статью 207 АПК РФ.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности участия прокурора в рассматриваемом производстве. Напомним, когда речь шла о производстве по делам об оспаривании решений государственных органов в рамках главы 24 АПК РФ, статья 198 прямо указывала, что прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным, незаконным решения государственных органов, если он полагает, что данное решение не соответствует закону и нарушает законные интересы граждан, организаций, создает препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности. Параграф 2 главы 25 АПК РФ прокурора в своих нормах даже не упоминает.

Статья 52 АПК РФ также не указывает на возможность обращения в суд с заявлением об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности. Если расширительно толковать положения упомянутой статьи, можно предположить, что прокурор будет участвовать в оспаривании решений, которыми к административной ответственности привлекаются государственные или муниципальные предприятия.

¹ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 02.08.2010. – № 169.

² Напомним, КоАП РФ в статье 25.2 обозначает потерпевшего в качестве субъекта обжалования постановления по делу об административном правонарушении.

тия и учреждения, т. е. затрагиваются имущественные интересы лиц, названных в абзацах 2–3 части 1 статьи 52 АПК РФ. Однако результаты изучения судебной практики опровергают высказанное предположение.

Так, например, ФГУП «Почта России» за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 16.9 КоАП РФ, а именно выдачу без разрешения таможенного органа товаров, находящихся под таможенным контролем, было привлечено Кольцовской таможней к административной ответственности с наложением административного наказания в пределах санкции части 1 статьи 16.9 КоАП России в виде административного штрафа в размере 300 000 рублей. Не согласившись с вынесенным постановлением, ФГУП «Почта России» обратилось с заявлением в арбитражный суд с требованием признать незаконным и отменить постановление Кольцовской таможни. Как следует из материалов дела, прокурор в деле об оспаривании решения таможенного органа о привлечении к административной ответственности ФГУП «Почта России» не участвовал, несмотря на то, что решением таможенного органа о привлечении к административной ответственности затрагивались интересы государственного унитарного предприятия¹.

При исследовании вопроса относительно участия прокурора при оспаривании решений таможенного (административного) органа о привлечении к административной ответственности можно также предположить, что прокурор должен участвовать в оспаривании тех дел, которые были возбуждены по его инициативе. Такое предположение вытекает из содержания Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора по делам об административных правонарушениях»² (далее – Приказ Генпрокуратуры № 78), согласно

пункту 3 которого прокуроры обязаны участвовать в рассмотрении судьями дел о об административных правонарушениях, возбужденных по инициативе прокурора. Не менее странным выглядит пункт 4 Приказа Генпрокуратуры № 78, обязывающий прокуроров и заместителей прокуроров своевременно реагировать на незаконные и необоснованные постановления по делам об административных правонарушениях. При этом абзац 2 пункта 4.2. прямо указывает, что заявление об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности юридического лица или индивидуального предпринимателя за правонарушение, совершенное в связи с осуществлением указанными лицами предпринимательской или иной экономической деятельности, надлежит подавать в арбитражный суд. При отсутствии же оснований для принесения протеста на постановление по делу об административном правонарушении прокурору надлежит составлять мотивированное заключение (пункт 4.4).

Так, например, Краснодарским транспортным прокурором в отношении ООО «Кубань-Ти» было вынесено постановление о возбуждении производства по делу об административном правонарушении по части 3 статьи 16.2 КоАП РФ, которое направлено для административного расследования в Краснодарскую таможню. Постановлением заместителя начальника Краснодарской таможни Е. Н. Терлянского по делу об административном правонарушении № 10309000-646/2019 ООО «Кубань-Ти» было признано виновным в совершении административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена частью 3 статьи 16.2 КоАП РФ, и ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 50 000 рублей. Не согласившись с указанным постановлением, заявитель обратился в Арбитражный суд Краснодарского края с заявлением об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности. Однако прокурор в процессе оспаривания решения не участвовал, заключения по делу, как это предписывает пункт 4.4 Приказа Генпрокуратуры № 78, не направлял³.

¹ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 22 января 2019 г. по делу № А60-70406/2018. – URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/ff1e5244-ae6f-43a8-8fcb-44487ac4bc94/011f02b3-fa66-435c-adab-9542716f286a/%D0%9060-70406-2018_20190122.pdf?isAddStamp=True

² Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора по делам об административных правонарушениях». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175967/

³ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 17 августа 2020 по делу № А32-34155/2019. – URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/588f444e-9a5b-4643-8a4e-d2b81aa31436/e8b76776-4a81-485f-b5a2-18d6e8b0800f/%D0%9032-34155-2019_20200817.pdf?isAddStamp=True

Как уже отмечалось ранее, производство по делам об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности регламентируется не только положениями арбитражного процессуального законодательства, но и нормами КоАП РФ. Соответственно, глава 30 КоАП РФ «Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях» содержит статью 30.10, согласно которой не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении может быть опротестовано прокурором. Аналогичные положения содержатся в статье 25.11 КоАП РФ, регламентирующей правовое положение прокурора: «Прокурор в пределах своих полномочий вправе ... приносить протест на постановление по делу об административном правонарушении независимо от участия в деле».

Думается, законодателю давно уже следовало бы восполнить образовавшийся законодательный пробел и дополнить параграф 2 главы 25 АПК РФ нормой, регламентирующей порядок участия прокурора в процессе производства по делам об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности. Представляется, что целесообразно было бы обеспечить участие прокурора (например, путем принесения протеста или для дачи заключения) в тех случаях, когда вынесенное решение о привлечении к административной

ответственности затрагивает имущественные или иные экономические интересы Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных или муниципальных унитарных предприятий, государственных учреждений, а также юридических лиц, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований. В этой связи считаем необходимым дополнить статью 207 АПК РФ частью 2.1 следующего содержания:

«2.1. В случаях, когда вынесенное решение административного органа о привлечении к административной ответственности затрагивает имущественные или иные экономические интересы Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных или муниципальных унитарных предприятий, государственных учреждений, а также юридических лиц, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований, с заявлением об оспаривании решений административных органов может обратиться прокурор».

Таким образом, производство по делам об оспаривании продолжает оставаться проблемным ввиду недостаточности и несовершенства правового регулирования.

Список литературы

1. Кононов П. И. Об актуальных проблемах совершенствования административного судопроизводства в арбитражных судах // Журнал административного судопроизводства. – 2021. – № 3. – С. 5–28.
2. Матвеева О. В. Рассмотрение арбитражным судом дел об оспаривании решений административных органов по делам об административных правонарушениях (на примере дел с участием таможенных органов). Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
3. Патычек А. А. Правовая природа производства по делам об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности // Научный портал МВД России. – 2020. – № 2 (50). – С. 98–105.
4. Румянцева М. О. Особенности производства по делам об оспаривании решений таможенных органов : монография. – М. : Российская таможенная академия, 2020.
5. Румянцева М. О. Проблемные аспекты законодательной регламентации участия прокурора в рассмотрении дел об оспаривании решений таможенных органов о привлечении к административной ответственности // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 4 (53). – С. 82–88.
6. Устинова Е. В. Распределение обязанностей по доказыванию при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 2. – С. 183–189.

Теоретические аспекты экологического правопорядка

Л. В. Ращупкина

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Raschupkina.LV@rea.ru

Е. А. Касаткина

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС.
Адрес: Владимирский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
600017, Владимир, ул. Горького, 59а.
E-mail: alenka-d-k@mail.ru

С. В. Солоухина

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России.
Адрес: ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
600020, Владимир, ул. Б. Нижегородская, 67е.
E-mail: svsolona@mail.ru

Theoretical Aspects of Environmental Law and Order

L. V. Rashchupkina

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Raschupkina.LV@rea.ru

E. A. Kasatkina

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration.
Address: Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation»,
59a Gorky Street, Vladimir, 600017, Russian Federation.
E-mail: alenka-d-k@mail.ru

S. V. Soloukhina

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines
of Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia.
Address: Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
67e B. Nizhegorodskaya Street, Vladimir, 600020, Russian Federation.
E-mail: svsolona@mail.ru

Аннотация

Актуальность темы продиктована прежде всего обстоятельствами практического характера. Опасность непредсказуемых изменений в стабильном состоянии биосферы столь велика, что перед нынешними поколениями людей возникла задача экстренного совершенствования всех областей жизнедеятельности в соответствии с необходимостью сохранения сложившегося круговорота веществ и энергии в биосфере. На фоне роста числа глобальных экологических проблем в последние десятилетия многие страны захлестнула «зеленая повестка», в основе которой лежит постепенный переход к рациональным моделям производства и потребления. Результаты проведенного в начале 2023 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опроса о восприятии экологической стороны жизни в России свидетельствуют об ухудшении ситуации. Таким образом, необходимость научного анализа правопорядка в экологической сфере приобретает определяющий характер по отношению к другим элементам целостной системы правопорядка в обществе. Правовая регламентация отношений в той или иной сфере должна носить комплексный характер и осуществляться с учетом их взаимной детерминированности, с учетом «связи состояния». Только такой подход может обеспечить должный правопорядок во всех областях жизнедеятельности общества. В научных работах Н. Г. Александрова, В. В. Борисова, В. Н. Казакова, Л. С. Явича и др. была создана общая теория правопорядка. Кроме того, на современном этапе исследователи анализируют правопорядок в различных аспектах бытия, однако не затрагивают проблемы специфики правопорядка в тех или иных сферах жизни общества. Методологическую основу данной статьи составляют общенаучные и специальные методы исследования, такие как формально-логический, системный, сравнительный, методы анализа и синтеза, метод обобщения. В статье сформулировано понятие экологического правопорядка, выделены признаки, характеризующие данную правовую категорию, проанализированы соотношения понятий «правопорядок», «право», «действие права», «правовые отношения», а также сделан вывод, что экологический правопорядок – научная категория, позволяющая понять сущность и механизм реализации эколого-правовых предписаний.

Ключевые слова: право, право на жизнь, действие права, биосфера, экосистема, сфера взаимодействия общества и природы, правовое государство, экономика, экологические права личности, окружающая среда, правовые параметры, упорядоченность, социально-экономические задачи, природоохранные дела, природопользование, экологическая безопасность, социосфера.

Abstract

The relevance of the topic is first of all connected with practical circumstances. The danger of unpredictable changes in the stable state of the biosphere is so great that current generations are faced with the task of urgently improving all areas of life in accordance with the need to preserve the existing circulation of substances and energy in the biosphere. With the growing number of global environmental problems in recent decades, many countries have been obsessed by the “green agenda”, which is based on a gradual transition to sustainable models of production and consumption. The survey on the environmental situation conducted by the All-Russian Center for the Study of Public Opinion showed that in 2023 every second respondent had noted its deterioration over the previous 2–3 years. The Review of the State and Pollution of the Environment in 2022 in Russia showed exceeding the maximum permissible concentrations (MPC) of certain pollutants in most of Russian cities. This means that the quality of atmospheric air does not meet environmental requirements and poses serious risks to human health. Thus, the need for a scientific analysis of law and order in the environmental sphere becomes decisive in relation to other elements of the integral system of law and order in society. Legal regulation of relations in a particular area should be comprehensive and carried out in view of their mutual determination, the «connection of state». Only this approach can ensure proper law and order in all areas of society. In the general theory of law, in works of N. G. Aleksandrov, V. V. Borisov, V. N. Kazakov, L. S. Yavich and others, the general theory of the rule of law was created. In addition, at present researchers analyze the rule of law in various aspects of existence, but do not address the problems of the specificity of the rule of law in certain spheres of social life. The methodological basis of this article is made up of general scientific and special research methods, such as formal-logical, systemic and comparative methods, methods of analysis and synthesis, generalization method. The article formulates the concept of environmental legal order and highlights the features that characterize this legal category. The relationships between the concepts «legal order», «law», and «operation of law», «legal relation» are analyzed. The conclusion of the research is that the environmental legal order is a scientific category that allows understanding the essence and mechanism of implementation of environmental legal regulations.

Keywords: law, right to life, operation of law, biosphere, ecosystem, sphere of interaction between society and nature, rule of law, economics, environmental rights of the individual, environment, legal parameters, orderliness, socio-economic objectives, environmental affairs, environmental management, environmental safety, sociosphere.

В условиях глобального экологического кризиса создается угроза не только реализации прав личности на благоприятную окружающую природную среду, но и реализации иных прав, прежде всего, права на жизнь. Крупномасштабная экологическая катастрофа может привести к тому, что и экологические, и другие права личности утратят свой смысл. Правопорядок составляет основу современной цивилизованной жизни общества и является важным условием существования и развития правового государства. Качество и степень правоупорядоченности во многом определяет «здоровье» всего общественного организма и его индивидов. В условиях стабильного правопорядка эффективно функционирует экономика, достигается гармония в действиях законодательной, исполнительной и судебной властей, осуществляется активная деятельность различных общественных и частных организаций, гарантируется свободное развитие человека, максимально удовлетворяются его материальные и духовные потребности и интересы. Для этого требуется упорядоченность и стабилизация основных сторон общественной жизни. На современном этапе четкий и жесткий правовой порядок выступает единственно возможным путем дальнейшего развития России. Только при таком положении достижима гарантия прав и свобод граждан, выполнение всеми субъектами возложенных на них обязанностей, реализация ответственности за собственное поведение.

Правопорядок есть тот юридический итог, к которому стремится и государственная власть, и все субъекты права, использующие различные пути для его достижения. Состояние стабильности, уравновешенности и соразмерности, гарантированности и упорядоченности важнейших сторон жизни людей сегодня необходимо как никогда.

Проблема экологического правопорядка – это не только проблема реализации экологических прав личности. Она намного шире и охватывает те области, которые, на первый взгляд, прямого отношения к ней не имеют. Показателем развития экологического правопорядка выступает степень упорядоченности общественных отношений в сфере взаимодействия общества и природы с

помощью права, обеспечивающего их определенное качественное состояние. В некоторой степени показателем правопорядка выступает и состояние окружающей среды, которое сегодня оставляет желать лучшего. Проведенный в начале 2023 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опрос о восприятии экологической ситуации в России показал, что 44% опрошенных оценивают ее как среднюю, из них каждый пятый охарактеризовал экологическую ситуацию в мире хорошей (22%), столько же – плохой (22%), причем каждый второй опрошенный отметил ее ухудшение за последние 2–3 года (53%)¹. Кроме того, по данным обзора состояния и загрязнения окружающей среды в 2022 г., в России более 80% городов столкнулись с превышением предельно допустимых концентраций (ПДК) определенных загрязняющих веществ². Это означает, что качество атмосферного воздуха не соответствует экологическим требованиям и представляет серьезные риски для здоровья человека. Человечеству для жизни и деятельности необходима не любая природная и иная среда, а благоприятная. Загрязненная, загрязненная, разрушенная антропогенными воздействиями окружающая среда для человека бессмысленна. Такая среда – это путь к апокалипсису. Окружающая человека среда необходима обществу не как самоцель, а как условие активной жизни и деятельности. Эта среда (природная и иная) должна быть определенного качества.

Познание сущности исследуемого явления начинается с выработки его понятия, которое позволит охватить все связи и опосредовать действительность. Попытки раскрыть содержание и дать определение правопорядка многократно предпринимались на протяжении всей истории человечества. Анализ генезиса категории «пра-

¹ ВЦИОМ: восприятие экологической ситуации улучшилось // Национальное информационное агентство «Экология». – URL: <https://nia.eco/2023/03/09/60562/?ysclid=loiiky2s6c391743980>

² Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2022 год // Медиатека. Эколого-просветительский проект. – URL: https://eco.atomgoroda.ru/media/obzor_sostojanija_i_zagraznenija_okruzhajucshej_sredy_v_rossijskoj_federacii_za_2022_god

вопорядок» позволяет говорить о том, что ее понимание постоянно менялось и до сих пор не обрело какой-либо систематизированной правовой формы. Думается, что, поскольку общество болезненно переживает эти негативные явления, вопросы формирования и упрочения правового порядка предъявляют справедливые требования к науке и практике. В связи с этим возникает необходимость представить основные определения понятия правового порядка, предложенные отечественными учеными.

Несмотря на некоторые отличия, существующие определения правового порядка укладываются, на наш взгляд, в три основных, «магистральных» подхода к пониманию и интерпретации этого феномена:

1) состояние общественных отношений, связанное с реализацией права и законности, анализ чего представлен в трудах таких ученых, как Л. С. Явич, С. С. Алексеев, О. Ф. Мураметс, Т. М. Шамба, А. С. Шабуров и др.;

2) состояние общественных отношений, которое характеризуется (выражается) системой правоотношений, что представлено в работах В. В. Борисова, М. И. Байтина, Б. Л. Назарова, В. М. Сырых;

3) упорядоченность общественных отношений, выраженная в правомерном поведении, что исследовали Г. С. Котляревский, А. Б. Лисюткин, В. Н. Казаков.

Иными словами, можно утверждать, что правовой порядок есть результат действия права. О правовом порядке мы говорим в том случае, когда модели отношений, закрепленные в юридических нормах, реализуются, воплощаются в жизнь, когда сами общественные отношения приобретают те формы, которые заложены законодателем в нормах (моделях общественных отношений). Вместе с тем следует представить нашу позицию по ряду принципиальных моментов, связанных с пониманием правового порядка.

Прежде всего, правовой порядок нельзя рассматривать только как фактический результат реализации принципа законности. Последний является одним из необходимых условий, но не причиной правового порядка. Причина – само право, его нормы, которые вносят в общественную жизнь упорядоченность [5. – С. 19].

Правовой порядок есть цель и результат права, который заключается в том, чтобы предмет его регулирования получил определенные характеристики (упорядоченность, согласованность, ор-

ганизованность), выражающиеся в приобретении известного качества, которое формируется под воздействием права и охватывает все свойства и состояния общественных отношений (системность, упорядоченность, согласованность, непротиворечивость, неконфликтность, гармоничность интересов и др.).

Правовой порядок можно рассматривать и как состояние общественных отношений, которым придано известное правовое качество. Это качество, по сути, представляет собой список реализованных свойств права и охватывает все правовые состояния и связи субъектов и объектов права. Правовой порядок выступает как результат действия права (*всех правовых средств, всего того, что в нем заложено*) и целенаправленного воздействия государства на общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования.

В результате этого воздействия в параметрах, предусмотренных правовыми нормами, достигается состояние правового порядка, которое является совокупностью действий правовых средств, усилий, предпринимаемых субъектами права по претворению в жизнь правовых предписаний, и управленческого воздействия государства, направленного на его обеспечение.

Воздействие на общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования, представляет собой обеспечение функционирования общества в определенных правовых параметрах: организованности, согласованности, гармоничности, стабильности, устойчивости, неконфликтности, непротиворечивости.

Таким образом, считаем возможным утверждать, что правовой порядок – *качественное правовое состояние, представляющее собой функционирование общества как системы общественных отношений в заданных правовых параметрах*.

При этом оговоримся, что предлагаемое нами определение не претендует на охват всех граней понятия «правовой порядок» и не исключает наличия иных его сторон и характеристик, а является операциональным, выступающим необходимой методологической предпосылкой для дальнейшего анализа экологического правового порядка.

В настоящее время категория «экологический правовой порядок» становится часто употребляемой в юридической науке. Об этом свидетельствуют научные публикации А. П. Анисимова [2],

О. А. Хотько [8], К. В. Еськовой, В. Ю. Загороднева, Д. Н. Козырева [4].

Проводя свое исследование, О. В. Устьянцева указала, что категория «экологический правопорядок» имеет важное теоретическое и практическое значение для дальнейшего формирования и совершенствования экологического законодательства и практики его реализации. Потребность в формировании концепции экологического правопорядка может быть обоснована необходимостью, во-первых, определения состояния экологического законодательства на современном этапе его развития, во-вторых, определения дальнейших направлений развития правового регулирования экологических правоотношений в России, в-третьих, мониторинга состояния реализации экологического законодательства в стране. Также, по мнению ученого, в современной юридической науке экологический правопорядок понимается как сфера взаимодействия общества и природы, основывается на правовых нормах, обеспечивающих экологическую безопасность граждан. «В свою очередь, экологическая безопасность распространяется на структурные уровни экологического правопорядка, выраженные в конституционных предписаниях, и является организационным, правовым и информационным ядром экологического правопорядка» [7. – С. 10]. В сущности, сходным образом понимают рассматриваемое явление и другие авторы [3].

Генезис правового регулирования взаимодействия человека и природы характеризуется тенденцией к расширению правовой регламентации видов экологических отношений, обусловленной переходом от регулирования отношений только по использованию природных ресурсов к регулированию отношений как по охране и использованию природных ресурсов, так и по обеспечению экологической безопасности, а далее – всех видов экологических отношений в их совокупности. Соответственно, сохранение благоприятного состояния природы, ее качественных и количественных характеристик может быть обеспечено посредством регулирования отношений человека и природы.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» использует понятия «сфера взаимодействия общества и природы», «сфера отношений, связанных с охраной окружающей среды», «область охраны окружающей среды». Понятия «сфера взаимодействия общества и природы» и «экологическая сфера» достаточно близки (если

не тождественны). Что касается двух последних понятий, то мы присоединяемся к мнению Г. П. Серова и С. Л. Байдакова, считающих, что каждый из этих терминов является частью понятия «экологическая сфера» [6. – С. 12].

Представляется, что упорядоченность экологической сферы посредством права и обеспечение с его помощью организованности, стабильности межсубъектных отношений и гармоничности в субъектно-объектных связях придают этой сфере то качество, которое и отражается в категории «экологический правопорядок». Иными словами, экологический правопорядок есть *правовая упорядоченность экологической сферы общества*.

Анализ практики становления законодательства в сфере «природа–общество» в России и опыт правового регулирования данных отношений за рубежом свидетельствует о том, что создать эффективную систему регулирования данных отношений можно только в том случае, если при принятии любых управленческих решений будут действовать экологические приоритеты. В условиях безудержного техногенного воздействия на природные ресурсы экосистемы обеспечить экологически безопасное развитие можно лишь при слиянии экономики, экологии и права в единую управленческую систему [5. – С. 45].

Вопросы, связанные с экологическим правопорядком, обсуждались и на международном уровне. Так, на Всемирном конгрессе по экологическому праву в Рио-де-Жанейро в 2016 г. Международный союз охраны природы (МСОП) разработал Всемирную декларацию МСОП об экологическом правопорядке. В данном документе были проанализированы основные проблемы в экологической сфере, выработаны и закреплены основные положения дальнейшего развития, а также сформулирована основная цель достижения экологического правопорядка – слаженное функционирование всех элементов правового и организационного механизма государства, в том числе и в осуществлении деятельности судами. Экологический правопорядок играет ведущую роль в выработке ответных действий на возрастающее давление на природу, которое угрожает экологической целостности Земли¹.

¹ World Environmental Law Congress. World Declaration on Environmental Rule of Law: 27-29 April 2016 (текст Декларации на русском языке). — URL: <https://www.iucn.org/commis>

На сегодняшний момент можно констатировать, что государство уделяет пристальное внимание правовому регулированию в экологической сфере. Стратегические постулаты развития Российской Федерации в области экологии были закреплены в таких нормативных правовых актах, как Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «Стратегия экологической безопасности России на период до 2025 года», «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (акт утвержден Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г.), Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Содержание этих документов сводится к тому, что устойчивое развитие России, высокое качество жизни и здоровья ее населения возможно лишь при условии реализации единой государственной политики в области экологии, направленной на обеспечение сбалансированного решения социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Кроме того, базовым законодательным актом в экологической сфере определяется Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», который регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду, в пределах Российской Федерации, а также на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне России.

В своей работе Е. Н. Абанина и Е. А. Сухова высказывают мнение, что по истечении десяти лет при подведении промежуточных итогов реализации доктринальных положений «Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» сквозь призму конкретных показателей состояния окружающей среды было констатировано, что экологическая ситуация в Российской Федерации не улучшилась, а, напротив,

продолжает характеризоваться высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности. Главной целью в данном документе признается такое решение социально-экономических задач, которое должно обеспечить, помимо прочего, «укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности». Что представляет собой данный правопорядок, чем он отличается от экологического правопорядка и чем сходен с ним, не разъясняется. При этом, несмотря на то, что охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности рассматриваются как отдельные, самостоятельные категории, для них определяются единые механизмы реализации государственной политики [1. – С. 22].

По вопросу дефиниции категории «экологический правопорядок» мы придерживаемся позиции А. П. Анисимова, который отмечает, что данная категория показывает динамику реализации норм экологического права в отдельно взятый временной промежуток на территории всей страны или ее части, отличаясь от категории «экологическая безопасность» тем, что последняя представляет собой модель идеального состояния окружающей среды, в то время как категория «экологический правопорядок» показывает реальное состояние природоохранных дел. По нашему мнению, категория «экологический правопорядок» имеет смысл только в контексте практики реализации норм экологического права, когда она показывает эффективность природоохранной деятельности публичных и частных субъектов экологического права, отражает состояние окружающей среды и степень реализации экологических прав человека. Только в этом случае данная категория получает практический смысл, а также определенные количественные и качественные единицы измерения [2. – С. 150].

Как нам видится, правопорядок в экологической сфере – это вид правового порядка, который определился в сфере взаимодействия общества и природы по поводу природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, основан на праве и законности, складывается в результате правомерной деятельности субъектов права, обеспечивается государственными органами и иными субъектами и направлен на создание благоприятной окружающей среды. Экологический правопорядок пред-

ставляет собой внешнее выражение целостного правового образования, коим является правопорядок. В свою очередь, структура правопорядка образуется из связей экологического правопорядка с другими правопорядками: экономическим, социальным, политическим и т. п.

Таким образом, проанализировав теоретические аспекты экологического правопорядка, предлагаем собственную дефиницию понятия «экологический правопорядок», под которым понимается состояние системы межсубъектных отношений субъектно-объектных связей в сфере взаимодействия общества и природы, осуществляемых в заданных правом параметрах, призванных обеспечить способность окружающей природной среды выступать материальной основой существования социосферы. Эти параметры, определяемые правовыми нормами, «задаются» в процессе правотворческой деятельности государства. Вместе с тем экологический правопорядок возникает не сам по себе, не автоматически, а с момента правовой регламентации тех или иных отношений в экологической сфере и является результатом целенаправленной деятельности соответствующих субъектов, прежде всего государства. Последнее выступает основным субъектом, который, действуя от имени общества, выражая его интересы в праве, целенаправленно воздействует на общественные отношения, поддерживая их функционирование в заданных правом параметрах.

В системном измерении экологический правопорядок может быть представлен, с одной стороны, как элемент системы более высокого порядка (правопорядок в обществе в целом), а с другой – как системное образование, включающее в себя определенные элементы. Элементами, его образующими, выступают состояния упорядоченности в областях, составляющих экологическую сферу: в отношениях по природопользованию, в природоохранных отношениях, отношениях по обеспечению экологической безопасности.

Если связи экологического правопорядка с другими элементами базисного уровня – правопорядками в других сферах общественных отношений (экономической, политической, социальной, духовной) – образуют внешнюю его структуру, то связи с элементами, составляющими экологический правопорядок, выступают в качестве его внутренней структуры.

Подводя итоги исследования, констатируем, что в настоящее время понятие «экологический правопорядок» можно рассматривать только как научную категорию. Для становления экологического правопорядка как нового правового института необходимо закрепление в законодательстве его дефиниции, которая позволит понять сущность и механизм реализации экологических правовых предписаний и оценить эффективность применения экологического законодательства в Российской Федерации и ее субъектах.

Список литературы

1. Абанина Е. Н., Сухова Е. А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития : монография. – М. : Юстицинформ, 2022.
2. Анисимов А. П. Общая теория экологического правопорядка: взгляд из России // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусула Баласагына. – 2018. – № 5. – С. 150–155.
3. Духно Н. А. Экологический правопорядок: понятие, структура управления, способы защиты. – М. : Издательство Московского государственного университета путей сообщения, 2000.
4. Еськова К. В., Загороднев В. Ю., Козырев Д. Н. Основы экологического правопорядка в России: Юридическая ответственность за экологические преступления // Правовая позиция. – 2022. – №10 (34). – С. 47–52.
5. Ращупкина Л. В. Экологический правопорядок: общетеоретический анализ. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.
6. Серов Г. П., Байдаков С. Л. Правовое обеспечение национальной безопасности России в экологической сфере : курс лекций. – М. : Изд-во МНЭПУ, 1999.
7. Устьянцева О. В. Конституционно-правовые основы обеспечения экологической безопасности в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012.
8. Хотько О. А. Обеспечение экологической безопасности в сфере формирования концепта «экологический правопорядок»: теоретико-правовые аспекты // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы международной научной конференции. – Омск, 2022. – С. 143–147.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-106-112>

Проблемы правового обеспечения инвестиционного взаимодействия в условиях экономических санкций

Ю. А. Крохина

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Krokchina.UA@rea.ru

Problems of Legal Support of Investment Interaction in the Context of Economic Sanctions

Yu. A. Krokchina

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Krokchina.UA@rea.ru

Аннотация

В условиях неправомерных экономических санкций в отношении Российской Федерации чрезвычайное значение приобретает регулирование иностранных инвестиций в рамках международных соглашений с дружественными государствами. Качественным изменением политико-правового обеспечения таких соглашений следует считать включение в них условий, предусматривающих обязательный учет интересов как инвесторов, так и государства, которое принимает инвестиции. Обосновано, что подобные правила позволяют защитить национальные интересы государства и избежать в дальнейшем внешнеполитического давления. В условиях антироссийских санкций сохраняет высокую актуальность для правового регулирования зарубежных капиталовложений выработка мер по созданию процедуры допуска иностранных инвестиций и установлению юридических гарантий. Аргументирована позиция о том, что Российская Федерация должна развивать взаимодействие со странами Евразийского экономического союза, которые являются дружественными юрисдикциями, относятся к одной правовой семье, во многом схожи в правовом и правоприменительном регулировании. Не менее важен и факт совместного исторического развития этих государств, благодаря чему доктринальные и легальные понятия об иностранных инвестициях довольно схожи. На примере инвестиционного взаимодействия России с Республикой Армения и Республикой Казахстан показаны особенности сложившегося политико-правового механизма сотрудничества и перспективы его совершенствования. Предложены правовые способы повышения эффективности инвестиционных отношений России с дружественными юрисдикциями в целях нивелирования негативных последствий экономических санкций.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, инвестиционное взаимодействие, экономические санкции, ЕАЭС, дружественные страны.

Abstract

In the context of unlawful economic sanctions against the Russian Federation, the regulation of foreign investment within the framework of international agreements with friendly states is becoming extremely important. A qualitative change in the political and legal support of such agreements should be considered the inclusion in them of conditions that provide for the mandatory consideration of the interests of both investors and the state that accepts investments. It is substantiated that such rules allow protecting the national interests of the state and avoiding further foreign political pressure. In the context of anti-Russian sanctions, the development of measures to create a procedure for admitting foreign investment and establishing legal guarantees remains highly relevant for the legal regulation of foreign investment. The position is argued that the Russian Federation should develop

cooperation with the countries of the Eurasian Economic Union, which are friendly jurisdictions, belong to the same legal family, are largely similar in legal and law enforcement regulation. No less important is the fact of the joint historical development of these states, due to which the doctrinal and legal concepts of foreign investment are quite similar. On the example of Russia's investment interaction with the Republic of Armenia and the Republic of Kazakhstan, the features of the existing political and legal mechanism of cooperation and the prospects for its improvement are shown. Legal methods are proposed to improve the efficiency of Russia's investment relations with friendly jurisdictions in order to level the negative consequences of economic sanctions.

Keywords: foreign direct investment, investment interaction, economic sanctions, EAEU, friendly countries.

Несомненным преимуществом правового обеспечения иностранных инвестиций международными соглашениями является гибкая форма соглашений, которая дает возможность большей детализации необходимых вопросов, а также возможность адаптироваться к быстро изменяющимся реалиям [4]. Положительной является тенденция по включению в такие договоры условий, предусматривающих обязательный учет не только интересов инвесторов, но и государства, которое принимает инвестиции, что позволяет защитить национальные интересы государства и избежать в дальнейшем внешнеполитического давления [3. – С. 92]. Нельзя не согласиться с И. З. Фархутдиновым, который отмечает высокую актуальность для правового регулирования зарубежных капиталовложений выработки мер по созданию процедуры допуска иностранных инвестиций и установлению юридических гарантий [11].

Заключение подобных соглашений регулируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 992 «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций»¹, которое отменило действие Постановления Правительства от 9 июня 2001 г. № 456 «О заключении соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений»², на основании которого было заключено большинство соглашений

Российской Федерации с дружественными и недружественными государствами. В обоих документах отражены основополагающие вопросы: порядок проведения переговоров и определение целесообразности заключения договора, а также непосредственно его условия.

В отличие от нового постановления, предыдущее прямо устанавливало типовое соглашение, включавшее в себя 12 статей, содержащих условия о режиме и защите капиталовложений, об экспроприации, о порядке выплаты компенсаций и возмещения ущерба и другие вопросы. Типовая модель соглашения предусматривала установление национального режима, режима наибольшего благоприятствования, гарантии при экспроприации (национализации) и другие гарантии.

В настоящее время постановление 2016 г. содержит менее конкретизированные рамочные подходы к заключению договоров, что дает основания на практике применять форму типового соглашения, содержащуюся в постановлении 2001 г. Официально причина кардинальной смены механизма заключения международных инвестиционных соглашений не была озвучена, однако можно предположить, что с 2016 г. большее внимание стало уделяться характеру индивидуальных двусторонних отношений России и контрагента, в частности, факту осуществления каких-либо недружественных действий в отношении нашего государства. При заключении двусторонних инвестиционных договоров важнейшим вопросом является определение их целесообразности и соответствия экономическим интересам Российской Федерации, а именно вопросу понимания того, заинтересованы ли российские инвесторы в заключении такого договора, каковы объемы потенциальных инвестиций и каков непосредственно инвестиционный климат государства, с которым планируется его заключить. Все это довольно сложно и требует оценки с помощью десятков политических, юридических и экономических критериев.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 992 «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 41. – С. 5836.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 9 июня 2001 г. № 456 «О заключении соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 25. – С. 2578.

С юридической позиции одним из важных факторов, влияющих на регулирование инвестиционного взаимодействия, является сопоставимость правовых категорий в ином договариваемом государстве. Например, схожесть в правовом закреплении таких основополагающих институтов, как инвестиции, инвесторы, гарантии прав инвесторов, капиталовложения. Несомненно, более продуктивными и понятными для российского инвестора являются те нормы, которые схожи с российским регулированием и не имеют оценочных понятий, не окрашены политическими, экономическими или социальными особенностями государства – контрагента, поскольку наличие подобных специфик создает в статусе сторон инвестиционного договора неопределенность [10]. Так, в Индии для того чтобы юридическое лицо было признано инвестором и соответственно пользовалось всеми гарантиями, установленными законом или инвестиционными соглашениями, оно должно осуществлять «существенную коммерческую деятельность», что является крайне субъективным критерием. Помимо этого, индийское право не относит к инвестиционной деятельности филиалов и представительств [1].

В этой связи Российская Федерация должна развивать взаимодействие со странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Содружества Независимых Государств, которые не только являются дружественными юрисдикциями, но также относятся к одной правовой семье и во многом схожи в правовом и правоприменительном регулировании. Не менее важен и факт совместного исторического развития этих государств, благодаря чему доктринальные и легальные понятия об иностранных инвестициях весьма схожи.

На сегодняшний день довольно сложно справедливо оценить существующий инвестиционный климат, так как в отношении Российской Федерации искусственным образом были созданы барьеры, ограничивающие доступ зарубежных инвесторов, что никоим образом не свидетельствует об ухудшении инвестиционной привлекательности нашего государства. Помимо этого, сама Российская Федерация была вынуждена применить меры, которые тем или иным образом привели к ограничению доступа инвесторов из недружественных государств на российский рынок с целью защиты государственного суверенитета.

Тем не менее инвестиционное взаимодействие с дружественными государствами активно осуществляется [6]. Взаимоотношения нашего госу-

дарства с Республикой Армения и Республикой Казахстан основаны на многочисленных соглашениях в сфере торгово-экономического взаимодействия, а также на традиционно активном взаимном участии этих государств в экономиках друг друга [5]. Исторические, политические и географические причины также являются одними из ключевых при принятии решения о сотрудничестве этих государств в сфере инвестиций. Такое сотрудничество основано на их геополитическом и экономическом положении. Как известно, Российская Федерация совместно с Республикой Армения и Республикой Казахстан состоят в Евразийском экономическом союзе и других международных организациях и имеют совместную историю экономического и правового развития. Также их взаимодействию способствует географическое расположение государств. Республика Армения в данном списке государств является представителем Закавказья, или Южного Кавказа, в развитии отношений с которым Российская Федерация имеет как политические, так и экономические интересы. Республика Казахстан, в свою очередь, географически расположена в Центральной Азии, что делает ее выгодным связующим звеном между Европой и Азией, а также между Россией и Китаем.

Политико-правовой основой внешнеэкономического сотрудничества России со странами ЕАЭС является Договор о ЕАЭС, который был подписан в городе Астане 29 мая 2014 г. Данный договор регулирует важнейшие вопросы таможенного регулирования, внешнеторговой политики, макроэкономической и валютной политики, регулирования финансовых рынков, налогообложения, правил конкуренции, промышленной политики и многие другие вопросы, создающие базис для дальнейшего регулирования инвестиционной деятельности на национальном уровне и на уровне двусторонних отношений государств – членов ЕАЭС.

По данным Евразийской экономической комиссии в России по различным категориям инвестиций в страны ЕАЭС сложилось положительное сальдо, что свидетельствует о том, что сохраняется тенденция оттока прямых инвестиций из России¹.

Евразийский банк развития в 2022 г. подвел итоги мониторинга взаимных инвестиций, проводившегося с 2016 г., и представил результаты в

¹ Динамика прямых иностранных инвестиций. – URL: <https://eaeu.economy.gov.ru/investment>

соответствующем докладе. В соответствии с последним был сделан вывод о том, что в рассматриваемый период Россия являлась главным трансграничным инвестором в числе государств ЕАЭС и СНГ, а ее доля в структуре экспорта прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) составила 79,2%. На конец 2021 г. накопленный экспорт ПИИ из России составил 399,3 млрд долларов. При этом лидером среди получателей взаимных ПИИ являлся Казахстан. Особый интерес представляет Российская Федерация в роли импортера инвестиций. На основании приведенных в докладе статистических данных можно прийти к выводу о том, что Россия, являясь в 2016 г. одним из лидеров по импорту ПИИ после Казахстана, в 2022 г. существенно снизила свои позиции – на 4 пункта (с 12,8 до 3,9%)¹. На конец 2021 г. накопленный объем ПИИ в Россию из Казахстана составил 3,1 млрд долларов, а из Армении – 604 млн долларов накопленных в России ПИИ².

По итогам мониторинга был сделан вывод о потенциале роста ПИИ с Китаем, Ираном и государствами арабского мира, в частности, на данный момент имеется более 170 действующих проектов на общую сумму свыше 75 млрд долларов. Помимо этого, происходит активный рост greenfield-проектов. Они составляли 32% во взаимных инвестициях стран ЕАЭС на середину 2022 г. За последние несколько лет объем таких проектов увеличился более чем вдвое.

Отраслевые приоритеты взаимных инвестиций ЕАЭС представлены в следующей последовательности: добыча металлических руд (занимает первое место), транспортная сфера, финансовые услуги, добыча нефти и газа, розничная торговля, металлургия, производство химических веществ и продуктов и другие отрасли.

Одну из важнейших ролей в рамках прямых иностранных инвестиций в странах ЕАЭС играют банковские ПИИ [2]. Например, банк «ВТБ» имеет собственные дочерние структуры в Армении, в

которых собственный капитал составляет 121 млн долларов, и в Казахстане – 79 млн долларов. В Армении выделяются такие банки с российским капиталом, как «Ардшинбанк» (295 млн долларов), «Америабанк» (175 млн долларов) и «Эвокабанк» (70 млн долларов).

По сравнению с концом 2016 г. взаимные ПИИ стран ЕАЭС увеличились к концу первого полугодия 2022 г. на 19%. Официальные статистические данные государств – членов ЕАЭС показывают их позитивную динамику. По итогам 2021 г. накопленные взаимные ПИИ ЕАЭС оценены в 18 млрд долларов против 16,2 млрд долларов в конце 2020 г. Важно также отметить, что преобладают инвестиции со 100%-м частным капиталом – их доля на середину 2022 г. составляла 56%.

Одним из важнейших вопросов при изучении двусторонних отношений России с Арменией и Казахстаном является многовекторность этих государств. И Армения, и Казахстан активно сотрудничают с ближними и дальними зарубежными партнерами. Концепция многовекторности с 1995 г. позиционировалась как сотрудничество со странами бывшего СССР и странами Запада и Востока. Однако со временем стала четко проявляться приоритетность государств Запада в рамках внешнеполитического сотрудничества, что объяснялось прежде всего масштабными инвестициями, поступающими из стран ЕС и США [12]. Сегодня данная тенденция укрепляется в том числе из-за высоких рисков инвестиционного взаимодействия с Российской Федерацией. Так, для инвестора стало затруднительным планирование инвестиций в ситуации непредсказуемости сроков действия санкционных ограничений, а также неопределенных перспектив развития экономики, нестабильного курса национальной валюты. В данных обстоятельствах сложно прогнозировать окупаемость вложений. При этом Россия в качестве экспортера ПИИ все так же является заинтересованным контрагентом стран ЕАЭС.

Россия и Казахстан наращивают динамику и объем торговли и инвестиций, несмотря на все трудности, исходящие из современных геополитических реалий. В настоящий момент между Казахстаном и Россией действует около 400 различных договоров, в частности, заключенных в рамках энергетического партнерства, сотрудничества в сфере космоса и промышленной кооперации [7]. Правовую основу инвестиционных взаимоотношений между Российской Федерацией и Республикой Казахстан составляет, в первую очередь, «Декла-

¹ Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР 2022 / Евразийский банк развития. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/d2b/EDB_2022_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

² Прямые иностранные инвестиции в Российскую Федерацию: входящие остатки по инструментам и странам-партнерам (по принципу направленности). 7 сентября // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. – URL: http://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/10-dir_inv.xlsx (дата обращения: 10.07.2023).

рация между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о вечной дружбе и союзничестве»¹. Декларация имеет большую политическую значимость, в ней лидеры Казахстана и России подтвердили, что оба государства являются приверженцами партнерских и дружеских отношений и обязательств, а «укрепление добрососедских отношений, многопланового взаимодействия между Казахстаном и Россией отвечает коренным интересам народов двух государств, служит делу международного мира и безопасности»².

Помимо этого, 25 мая 1992 г. президенты России и Казахстана подписали «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан», который стал базой для дальнейших соглашений, регулирующих данную сферу. В преамбуле к документу говорится, что он стал плодом прочных связей между двумя постсоветскими странами, а укрепление дружественных отношений, добрососедства, сотрудничества и взаимопомощи между двумя историческими и географическими соседями «отвечает коренным национальным интересам народов обоих государств, служит делу мира и безопасности».

Еще одним источником инвестиционных взаимоотношений между Республикой Казахстан и Российской Федерацией является Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций от 6 июля 1998 г.³ Статьей 3 данного соглашения предусмотрен национальный режим инвестиций и важность поощрения инвесторов из государства-контрагента. 11 ноября 2013 г. между государствами было заключено еще одно соглашение – Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке, закрепляющий основы в том числе инвестиционных взаимоотношений, а также укрепивший дружественные и союзнические отношения, установленные в вышеназванных меж-

дународных договорах, которые при этом были заключены еще в конце XX в.

Особенности инвестиционного взаимодействия Российской Федерации и Республики Армения обусловлены спецификой правового регулирования. В Республике Армения действует Закон Республики Армения «Об иностранных инвестициях», принятый в 1994 г., который определяет правовые основы инвестиционной деятельности в стране и регулирует отношения между инвесторами и государством. Закон устанавливает равные права и обязанности для всех инвесторов, независимо от их гражданства или места нахождения. Он также определяет условия и порядок предоставления льгот и гарантий инвесторам. В соответствии с этим законом иностранные инвестиции могут осуществляться в любой форме, включая создание совместных предприятий, приобретение акций и других ценных бумаг, а также вложение капитала в другие формы бизнеса. Закон также определяет порядок регистрации инвестиционных проектов и предоставления инвестиционных гарантий со стороны государства. Он также устанавливает правила охраны интеллектуальной собственности и защиты прав инвесторов в случае нарушения законодательства. В целом законодательство Республики Армения создает благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций в различные отрасли экономики страны.

Основанием для взаимных инвестиций является двустороннее соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений, заключенное между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения⁴, устанавливающее основные принципы взаимного инвестирования. Правовое регулирование данной сферы также включает в себя множество соглашений по конкретным инвестициям в проекты, имеющие значение для договаривающихся сторон. Например, в 2010 г. между Россией и Арменией было заключено Соглашение о сотрудничестве в строительстве новых энергоблоков атомной электростанции на территории Республики Армения, целями которого являются создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и

¹ Декларация между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие // Дипломатический курьер. – 2000. – Сентябрь. Спецвыпуск № 2.

² Там же.

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о поощрении и взаимной защите инвестиций // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.05.2000. – № 20. – Ст. 2106.

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о поощрении и взаимной защите капиталовложений. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=7&nd=201033983&collection=1

непосредственно инвестиции в реализацию проекта.

В 2022 г. Российская Федерация и Республика Армения отметили 30-летие установления дипломатических отношений и 25-летие базового Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В числе наиболее значимых событий российско-армянских отношений – подписание Межправительственной программы долгосрочного экономического сотрудничества между Россией и Арменией до 2025 г.

Важную роль в формировании повестки двусторонних отношений между Россией и Арменией играет Межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Армения. В конце 2022 г. было проведено очередное заседание комиссии, на котором обсуждались вопросы двустороннего экономического, инвестиционного сотрудничества за предыдущий год, а также шаги, которые предпринимаются для предотвращения негативных последствий состояния мировой экономики. На заседании была отмечена необходимость дальнейшего углубления инвестиционного сотрудничества России и Армении в рамках Делового совета. На данный момент российские инвестиции в Армению составляют почти 40% (2 млрд долларов) от общего объема, в частности, на территории Республики действуют более 40 крупных российских компаний – ЗАО «Газпром Армения», ООО «ГеоПроМайнинг Голд», ЗАО «МТС Армения», «РЖД», «Росатом» и др.

Сравнительный анализ политико-правовых условий деловой активности показывает, что Армения и Казахстан стимулируют рост иностранных инвестиций посредством:

- 1) Применения законодательства, которое обеспечивает защиту прав инвесторов и гарантирует их права на получение доходов от инвестиций;
- 2) использования специальных экономических зон и зон свободной торговли, которые предоставляют инвесторам налоговые льготы, освобождение от таможенных пошлин и другие преимущества;
- 3) развития инфраструктуры, которая обеспечивает удобство и безопасность для иностранных инвесторов;

4) участия специальных агентств и организаций, которые оказывают поддержку иностранным инвесторам в процессе регистрации и запуска бизнеса;

5) привлечения иностранных инвесторов в стратегические отрасли экономики, такие как энергетика, транспорт, телекоммуникации и др.;

6) установления долгосрочных партнерских отношений с иностранными инвесторами, которые обеспечивают стабильность и надежность в бизнес-отношениях;

7) проведения международных конференций и форумов, которые привлекают внимание иностранных инвесторов к потенциалу страны и возможностям для инвестирования.

В целом политико-правовой режим Армении и Казахстана создает благоприятную среду для привлечения иностранных инвестиций, что способствует росту экономики и улучшению жизни населения этих государств.

Развитие инвестиционного взаимодействия в ЕАЭС требует дальнейшего научного осмысления и законодательного оформления. Эффективное политико-правовое регулирование рассмотренных вопросов позволит достичь устойчивого экономического роста государств-членов за счет реализации их конкурентных преимуществ.

В рамках Евразийского экономического союза целесообразно усилить меры по привлечению иностранных инвестиций в страны-члены, в частности, создать единое инвестиционное пространство, которое должно обеспечить свободное движение капитала и инвесторов внутри союза.

Кроме того, в ЕАЭС следует разработать общие правила и стандарты защиты прав инвесторов и обеспечения стабильности бизнес-отношений.

Таким образом, развитие политико-правовых механизмов поддержки иностранных инвестиций в странах ЕАЭС является важным направлением для укрепления экономического потенциала региона и содержит серьезный потенциал противодействия неправомерным экономическим санкциям относительно Российской Федерации.

Список литературы

1. Абдуллин А. И., Яхваров С. Д. Сравнительно-правовой анализ особенностей заключения двусторонних инвестиционных соглашений России и зарубежных стран // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 1. – С. 65–72.
2. Аветисян А. М. Инвестиционная политика Армении в области привлечения прямых иностранных инвестиций // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 5. – С. 32–35.
3. Викторова Н. Н. Эволюция правового понятия «Иностранная инвестиция» в условиях сетевого общества // Lex Russica. – 2019. – № 11 (156). – С. 88–95.
4. Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Значение двусторонних соглашений о защите капиталовложений и перспективы их совершенствования // Журнал российского права. – 2017. – № 9. – С. 119–129.
5. Карнаухова О. С., Пономарева Ю. В. Экономическая дипломатия Армении и Казахстана в контексте теории взаимозависимости // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2023. – № 1. – С. 71–79.
6. Мигранян А. А. Эффекты антироссийских санкций на постсоветском пространстве // Геоэкономика энергетики. – 2023. – № 1 (21). – С. 141–162.
7. Наговицына Э. В., Тусин Д. С. Обеспечение экономической безопасности России на основе привлечения инвестиций в развитие агропромышленного комплекса // Вестник НГИЭИ. – 2022. – № 4 (131). – С. 90–102.
8. Петров А. В., Байнова М. С., Жаркын Жалгас. Особенности осуществления российских и китайских прямых инвестиций в Казахстан // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 148–167.
9. Протопопова П. О. Двусторонние инвестиционные договоры // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2016. – № 2. – С. 56–61.
10. Фархутдинов И. З. Государственная принадлежность иностранного инвестора: проблемы определения // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2011. – № 4 (24). – С. 177–185.
11. Фархутдинов И. З. Доступ и защита иностранных инвестиций в международном праве // Журнал российского права. – 2005. – № 2. – С. 119.
12. Эламирян Р. Г. Россия и ЕС на постсоветском пространстве: в поиске сотрудничества (на примере Армении) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. – Т. 24. – № 3. – С. 405–412.

**Сохраняющиеся теоретические и практические проблемы понимания
и реализации норм правового института соглашений, заключаемых
между частными инвесторами и публичными партнерами**

И. В. Тюрин,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: tyurin.iv@rea.ru

И. А. Федорова,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: fedorova.ia@rea.ru

**Continuing Theoretical and Practical Problems of Understanding and Implementing
the Norms of the Legal Institution of Agreements
Concluded Between Private Investors and Public Partners**

I. V. Tyurin,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: tyurin.iv@rea.ru

I. A. Fedorova,

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: fedorova.ia@rea.ru

Аннотация

Предметом настоящего исследования выступает состояние механизма правового регулирования общественных отношений, складывающихся в настоящее время по поводу заключения и реализации инвестиционных соглашений с публичным партнером в Российской Федерации. Для этого в исследовании используются как общенаучные (синтез, анализ, индукция, функциональный метод), так и частно-юридические (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. В частности, для достижения поставленных в исследовании целей был изучен комплекс нормативных правовых актов, принятых в нашей стране на федеральном уровне в целях обеспечения прав и законных интересов частных инвесторов при оформлении ими правоотношений с публичными партнерами, дана обзорная характеристика отдельных норм из указанных документов. Новизна исследования заключается в критическом обзоре отдельных положений актов действующего инвестиционного законодательства и возможности их эффективного осуществления на практике не территории России. Итоговые выводы, сделанные в настоящем исследовании, сводятся к следующим тезисам: российское инвестиционное законодательство пока не демонстрирует единообразного подхода к точному пониманию терминов «инвестиции» и «инве-

стиционные соглашения»; частный инвестор гипотетически может использовать сразу несколько правовых режимов своей деятельности, основанных на нормах разных профильных федеральных законов, однако параметры такого совмещения в законе точно не описаны; отечественные нормативные правовые акты, действующие в сфере регулирования инвестиционного партнерства, зачастую по-разному воспринимают правовую категорию объектов инвестиций, в чем можно увидеть некоторое несовершенство их юридико-технического инструментария в данном вопросе; смешанная отраслевая принадлежность некоторых правовых норм, связанных с денежно-финансовым обеспечением совершения частных инвестиций, и тем самым предлагаемый ими механизм надлежащего правового регулирования пока остаются не до конца определенными; отдельные гарантированные законом права частных инвесторов, в частности, земельно-имущественные, не получили достаточного процедурно-правового сопровождения для их полноценной реализации при осуществлении общефедеральных инвестиционных проектов, чего нельзя сказать о более успешном опыте, отраженном в законодательстве субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционные соглашения, инвестиционное законодательство, государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство, защита и поощрение капиталовложений, объекты инвестиций, обязанности инвестора, обеспечение инвестиций, масштабные инвестиционные проекты, аренда земельных участков, законодательство Московской области.

Abstract

The study's subject is the state of the mechanism for legal regulation of public relations currently emerging regarding the conclusion and implementation of investment agreements with a public partner in the Russian Federation. For this purpose, the study uses both general scientific methods (synthesis, analysis, induction, functional method) and private legal methods (historical and legal, formal legal, comparative legal methods). In particular, to achieve the goals set in the study, as the selection of regulatory federal level legal acts adopted in our country was studied in order to ensure the rights and legitimate interests of private investors in cases when they formalize legal relations with public partners, so as the overview of specific norms from these documents was given. The scientific research's novelty lies in the critical review of distinct provisions of the current investment legislation and the possibility of their effective implementation in practice on the territory of Russia. The final conclusions drawn in the study boil down to the following theses: Russian investment legislation does not yet demonstrate a uniform approach to the terms "investment" and "investment agreements" precise understanding; a private investor can hypothetically use several legal regimes for his economic activities at once, based on the norms of different specialized federal laws, however, the parameters of such a combination are not accurately described in these laws; domestic legal acts remaining in force in the field of regulation of investment partnerships often perceive the legal category of investment objects differently, which can be seen as some imperfection of their legal technological tools in this matter; the mixed sectoral affiliation of some legal norms related to the financial support for private investments, and, thus, the mechanism of proper legal regulation they propose, remain both not fully defined yet; private investors' individual rights guaranteed by law, in particular land property rights, have not received sufficient procedural and legal support for their full implementation in the federal investment projects realization sphere, what cannot be said about the more successful experience reflected in the legislation of the Russian Federation regions.

Keywords: investments, investment agreements, investment legislation, public-private partnership, municipal-private partnership, investment protection and promotion, investment objects, investor responsibilities, investment securing measures, large-scale investment projects, land lease, legislation of the Moscow region.

В настоящее время одним из представляющих подлинный научный интерес и несомненно перспективных правовых механизмов осуществления гражданами и организациями инвестиционной деятельности на территории России выступают инвестиционные соглашения, заключаемые с публичным партнером. Сравнительно молодой для российского предпринимательского права, данный институт был введен в отечественное законодательство в связи с принятием Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государствен-

но-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее по тексту – ФЗ о

¹ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2022 г.). – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4350.

ГЧП), в пункте 4 статьи 3 которого было впервые представлено определение для тех, кого следует относить к категории публичных партнеров.

Итак, под публичным партнером сегодня официально понимаются: Российская Федерация в лице Правительства Российской Федерации или иного уполномоченного им федерального органа государственной исполнительной власти¹; ее субъекты в лице высшего или иного уполномоченного им регионального органа государственной исполнительной власти; муниципальные образования в лице их глав или иных уполномоченных, согласно уставу, органов муниципальной власти. Как видно, законодатель тем самым заложил для частного инвестора довольно гибкий механизм выбора того, какой территориальный масштаб он вправе охватить в рамках своего инвестиционного проекта: от отдельно взятого поселения до территории всей России.

Впрочем, отечественная теоретико-правовая наука подходила к вопросу о субъектности публичных партнеров достаточно широко еще во времена до принятия вышеупомянутого федерального закона. Так, В. Ф. Попондопуло полагал, что публично-частное партнерство в широком его понимании подразумевает под собой «любые формы взаимодействия государства и бизнеса в целях решения социально-экономических задач» [9. – С. 82] абсолютно независимо от того, какой субъект государство в конкретном случае представляет и какие возложенные на него задачи решаются.

При этом специалистами особо подчеркивается, что публичным партнером выступает не сам уполномоченный орган, даже высший в своей ветви власти, а представляемое им публично-правовое образование [2. – С. 39], которое зачастую может ошибочно восприниматься как чисто формальный участник складывающихся правоотношений. На наш взгляд, это действительно

важно и с юридической, и с экономической точек зрения, поскольку именно самостоятельная имущественная база каждого публично-правового образования, основанная на полноте соответствующей казны, ложится в экономическую основу будущего публично-частного партнерства. Хозяйственные же возможности отдельно взятого органа власти и управления всегда будут упираться в границы его непосредственного ведомственно-казенного обеспечения.

Небезынтересным фактом из области актуальных вопросов юридической техники, обнаруживаемым в тексте ФЗ о ГЧП, является то обстоятельство, что при всем первенстве места, фактически отданном правовому обеспечению привлечения инвестиций в российскую экономику как самой главной цели принятия данного федерального закона (если исходить из дословной трактовки части 1 статьи 1 ФЗ о ГЧП), само понятие «инвестиции» в законе вообще никак не раскрывается, даже несмотря на наличие выступающей в качестве глоссария статьи 3. При этом в тексте закона активно используются производные словосочетания, дефиниции к которым также там не даются, как-то: инвестиционная деятельность (статья 8), инвестиционная программа (статья 12), объем и окупаемость инвестиций (статья 15).

В связи с этим постараемся отыскать самостоятельное «работающее» определение для инвестиционного соглашения, в том числе заключаемого между частным и публичным партнерами, учитывая то обстоятельство, что де-факто в первую очередь это соглашение о предстоящих инвестициях. Представляется, что пункт 3 статьи 3 ФЗ о ГЧП на текущий момент характеризует соглашение о государственно- или муниципально-частном партнерстве скорее со стороны его узаконенной формализованности (о чем говорят отраслевая принадлежность соглашения, его срок, наличие общих условий и порядка его заключения), нежели со стороны установления реальных, экономически и юридически значимых целей и задач его заключения.

Сегодня, Впрочем, как и раньше, понимание смысла и содержания инвестиционных соглашений в юридической литературе представлено в заметно широком диапазоне. Так, Д. Н. Бахрах предлагал считать их самостоятельной разно-

¹ В июле 2021 г. в данный пункт был также добавлен орган публичной власти федеральной территории в связи с внесением соответствующих поправок в часть 1 статьи 67 Конституции Российской Федерации в 2020 г. (Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти») и последующим принятием Федерального закона от 22 декабря 2020 г. №437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 52 (часть I). – Ст. 8583.

видностью административных договоров¹. Другие авторы, исходя уже из чисто цивилистического восприятия природы соглашений и ставя знак равенства между договором и соглашением, рассматривают инвестиционные соглашения как принципиально новый вид гражданско-правовых договоров, специально не поименованный в гражданском законодательстве [3. – С. 39; 5. – С. 112]. Есть и такая позиция, согласно которой инвестиционное соглашение нельзя свести просто к одному, конкретно заключаемому только между сторонами инвестиционного правоотношения виду договоров, ведь оно представляет собой целую совокупность договоров, как поименованных, так и непоименованных в гражданском законодательстве Российской Федерации, причем применяемых не только в инвестиционных отношениях [6. – С. 25].

Остановимся здесь на той очевидной мысли, что дать единое и устраивающее всех представителей науки определение инвестиционному соглашению по-прежнему действительно сложно, однако все же есть общий момент, объединяющий все разрозненные и даже противопоставленные друг другу подходы к определению таких соглашений: они всегда заключаются в связи с совершением инвестиций, и инвестиционная деятельность является их непосредственным предметом.

Сложившаяся за многие годы система инвестиционного законодательства России и накопленные популярные практики применения его норм показывают, что инвестиционные соглашения действительно были и будут востребованы в нашей стране для воплощения в жизнь всевозможных инвестиционных проектов. Впрочем, напомним читателю, что исторически в Российской Федерации конструирование правового института инвестиционных соглашений происходило одновременно в нескольких основополагающих нормативных правовых актах по мере их принятия, и сводить все правовое регулирование заключения и исполнения инвестиционных соглашений исключительно к положениям ФЗ о ГЧП никак нельзя.

Помимо ФЗ о ГЧП, правовому регулированию договорных (основанных на соглашении сторон) режимов частно-публичного инвестиционного

взаимодействия де-факто посвящены нормы Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»² (об этом прямо свидетельствует содержание части 1 статьи 3 данного закона), Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»³ (далее – ФЗ о ЗПК; часть 1 статьи 10 названного закона описывает правовую сущность соглашений о защите и поощрении капиталовложений).

Более того, во исполнение отдельных положений действующих законодательных актов в Российской Федерации были приняты подзаконные ведомственные акты, устанавливающие правила заключения и исполнения инвестиционных соглашений для отдельных видов экономической деятельности, даже достаточно узких по своему профилю. В качестве наглядных примеров приведем здесь инвестиционные соглашения, заключаемые при добыче металлов платиновой группы на отдельных участках недр⁴, или соглашения об осуществлении инвестиционной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации⁵.

Отметим, что, таким образом, сложность выработки единого теоретического подхода к восприятию правового института инвестиционных соглашений, о которой уже говорилось ранее, дополняется воочию наблюдаемой сложностью

² Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (в ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 30 (часть II). – Ст. 3126.

³ Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (в ред. от 21 ноября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14 (часть I). – Ст. 1999.

⁴ Форма и содержание таких соглашений регулируются Приказом Минфина России от 3 апреля 2023 г. № 40н «Об инвестиционных соглашениях о добыче металлов платиновой группы на участках недр, указанных в пункте 3.1 статьи 342.10 Налогового кодекса Российской Федерации» (ред. не изменялась, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> 24 мая 2023 г.).

⁵ Форма и содержание таких соглашений регулируются Приказом Минвостокразвития России от 13 августа 2020 г. № 110 «Об утверждении примерной формы соглашения об осуществлении инвестиционной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (ред. не изменялась, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> 22 декабря 2020 г.).

¹ Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник для вузов. – М.: Норма, 2000. – С. 341.

устройства системы регулирующих этот институт нормативных правовых актов.

Теперь перейдем к непосредственному описанию общей правовой модели поведения сторон, выстраиваемой инвестиционными соглашениями, заключаемыми с публичным партнером. Суть взаимодействия субъектов инвестиционного правоотношения тут такова: основной инвестор (говоря языком ФЗ о ГЧП, частный партнер) в рамках соглашения, заключенного с публичным партнером в целях реализации инвестиционного проекта, имеющего полезный социально-экономический эффект¹, получает не просто некую свободу хозяйственной деятельности, ограниченную лишь общими требованиями закона и правилами самого соглашения, но и целый набор четко очерченных прав и предпочтений.

Частный инвестор наделяется не только имущественными правами на образующуюся прибыль (что, безусловно, является главной целью его деятельности), но и иными имущественными правами, причем прямо гарантированными государством при их реализации. В частности, при реализации инвестиционных соглашений с публичным партнером частный инвестор вправе рассчитывать на то, что публичный партнер будет принимать адекватные меры по цено- и тарифообразованию в отношении товаров, работ и услуг (если их цены (тарифы) являются регулируемыми) таким путем, чтобы это объективно учитывало параметры капиталовложений инвестора, совершенных в целях реализации данных товаров, работ и услуг (в соответствии с частью 3 статьи 15 ФЗ о ГЧП).

Однако мы справедливо полагаем, что действующее законодательство вполне допускает комплексное использование гарантий частному инвестору согласно нормам ФЗ о ГЧП вместе с гарантиями, которые прописаны в том же ФЗ о ЗПК. К сожалению, в ФЗ о ЗПК нет точного и прямого указания на возможность синхронного совмещения двух инвестиционно-правовых режимов (т. е. когда заключены сразу два соответствующих соглашения), хотя нет и прямого запрета на такое совмещение.

Более того, содержание ряда статей ФЗ о ЗПК позволяет говорить о том, что закон не рассмат-

ривает данное совмещение как противоправное и нежелательное, а, наоборот, допускает его: речь идет, например, о содержании пункта 8 части 6 статьи 11 или корреспондирующего ему пункта 7 части 7 все той же статьи 11, а также наиболее ярко иллюстрирующего наш тезис пункта 5 статьи 12 ФЗ о ЗПК.

Единственное, о чем здесь категорически нельзя забывать: ФЗ о ЗПК достаточно строго ограничивает набор сфер экономической деятельности, для которых могут заключаться подобные соглашения. Так, часть 1 статьи 6 данного закона исключает из числа этих сфер такие виды деятельности, как игорная, нефте- и газодобыча и последующее производство жидкого топлива (кроме сжиженного газа), торговая, профессиональная финансовая и некоторые другие.

Более того, часть 1.1 этой же статьи 6 ФЗ о ЗПК де-факто уточняет, в каких случаях тот или иной инвестиционный проект будет предметно относиться к одной из перспективных сфер социально-экономического развития нашей страны (главным образом здравоохранения, образования, культуры, физической культуры и спорта, цифровизации экономики, охраны окружающей среды, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности, транспорта, туризма). Иными словами, инвестор, чей проект по своим параметрам не попадает в рамки, строго заложенные положениями ФЗ о ЗПК, не сможет рассчитывать на заключение соответствующего соглашения о защите и поощрении своих капиталовложений.

Справедливости ради отметим, что и ФЗ о ГЧП не рассматривает абсолютно любую экономическую деятельность в качестве законного объекта соглашений о партнерстве между частными и публичными участниками инвестиционных правоотношений. В частности, статья 7 ФЗ о ГЧП в своей части 1 дает закрытый перечень таких объектов, включающий в настоящий момент 22 позиции.

Потенциальным нареканием к такому подходу, обнаруженному в юридической технике законодателя в статье 7 ФЗ о ГЧП, помимо других возможных в отношении него замечаний, является то, что, во-первых, в одном перечне смешаны не всегда однородные виды объектов инвестирования (по смыслу нормы части 1 они преимущественно недвижимые, хотя там фактически попадают и упоминания вполне движимых автомобильных транспортных средств и даже объектов интеллектуальной собственности в форме про-

¹ Такой вывод о необходимости достижения соответствующего эффекта можно сделать по смыслу норм пунктов 1, 2 и 9 части 3 статьи 8 ФЗ о ГЧП.

грамм для ЭВМ, баз данных, информационных систем и интернет-сайтов).

Во-вторых, на наш взгляд, в означенной части статьи 7 ФЗ о ГЧП более утилитарным было бы повсеместное использование понятия не отдельных объектов, а отдельных видов деятельности, сопряженных с этими объектами, поскольку это бы зеркально соотносилось с формулировками из ФЗ о ЗПК, который также, безусловно, неоднократно оперирует в своем тексте термином «объект», но в статье 6 использует термин «деятельность», который все же представляется ключевым, поскольку именно деятельность подразумевает возможность или невозможность получения инвестором законного права на заключение «защитного» инвестиционного соглашения.

Говоря объективным языком, ФЗ о ЗПК вообще не использует словосочетание «объект соглашения» в своем тексте, в отличие от все того же ФЗ о ГЧП, однако позволим себе сейчас не вдаваться в более глубокую дискуссию относительно того, правильно ли законодатель использует такое словосочетание на фоне сложившихся в среде теоретиков российского права доктринальных установок, оставляя читателю возможность самостоятельно ознакомиться с существующими в ней главенствующими позициями.

Теперь перейдем к примерам тех положительно оцениваемых нами гарантий защиты прав частных инвесторов, которые можно наблюдать в отдельных положениях ФЗ о ЗПК. В частности, такие инвесторы, заключившие специальные соглашения о защите и поощрении их капиталовложений, могут применять при осуществлении своей деятельности так называемые стабилизационные оговорки (предусмотрены в статье 9 данного закона). Данное явление известно не только современному российскому законодательству, но и отечественной правовой науке, которая уже подчеркивала его глубокие корни, уходящие еще во времена римского права [4. – С. 19]. Более того, отметим, что в самих российских нормативных правовых актах подобная конструкция встречается еще со времен зарождения инвестиционного законодательства в переходный период 1990-х гг., однако, как подчеркивают правоведы в своих исследованиях той поры, неточность и декларативность первичной модели стабилизационной оговорки вряд ли делали ее утилитарной для инвесторов [1. – С. 73].

Говоря простым языком, при использовании в инвестиционных правоотношениях такой оговор-

ки к частным инвесторам не применяются нормативные правовые акты либо правоприменительные решения, ухудшающие их правовое положение в течение периода реализации инвестиционного проекта. С другой стороны, перечень случаев того, что можно считать ухудшением правового положения инвестора, от усмотрения самого инвестора зависит мало: все возможные ситуации описаны строго в закрытых и не предполагающих расширительного толкования перечнях в частях 1 и 3 статьи 9 ФЗ о ЗПК. Кроме того, часть 7 статьи 9 напоминает о том, что оговорка не распространяется на нормативные правовые акты, защищающие публичные интересы при возникновении различных обстоятельств, которые можно отнести к форс-мажорным (при обеспечении обороны государства, противодействии терроризму и др.).

И все-таки при всех достоинствах, в том числе показанной нами универсальности модели регулирования, положения ФЗ о ЗПК не охватывают создаваемым ими защитным режимом абсолютно все варианты инвестиционных соглашений и приравненных к ним документов. Например, в статье 111.4 небезызвестного Федерального закона от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ можно увидеть специальный правовой режим, предусмотренный для государственных и муниципальных закупок, по результатам которых заключаются контракты с так называемыми встречными инвестиционными обязательствами (российские органы государственной власти и научная доктрина также именуют их как «офсетные контракты» – см., например, Письмо Минфина России от 21 декабря 2021 г. №24-03-08/104169 «О направлении информации по вопросам заключения офсетных контрактов»² [10. – С. 51], которое официально опубликовано не было). Тем не менее на всем протяжении нормативного текста ФЗ о ЗПК увязка соответ-

¹ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – №14. – Ст. 1652.

² Письмо Минфина России от 21 декабря 2021 г. №24-03-08/104169 «О направлении информации по вопросам заключения офсетных контрактов» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404188/.

ствующих соглашений с правоотношениями, вытекающими из совершения публичных закупок и имеющими инвестиционный характер, совершенно не видна читателю (в отличие от того, как это обстояло с тем же частно-публичным партнерством – И. Т., И. Ф). Даже в статье 14 ФЗ о ЗПК, описывающей связанные договоры (договоры, не являющиеся сами по себе инвестиционными соглашениями, но направленные на содействие реализации инвестиционных проектов), никакой связи с публичными закупками, имеющими признаки инвестиционных отношений, увы, не прослеживается.

Вернемся к описанию правового механизма, выстроенного на основе норм ФЗ о ГЧП, и предостережем читателя от возможного заблуждения, которое у него может ненароком сложиться: формирующиеся в рамках частно-публичного партнерства правоотношения никак нельзя считать односторонними, исключительно упривоживающими лишь частного инвестора. Ради общей справедливости отметим, что, помимо прав и их гарантий, в инвестиционные соглашения, подписываемые с публичными партнерами, включаются, безусловно, и обязанности частных инвесторов.

Другое дело, что найти полный и окончательный перечень таких обязанностей частного партнера в нормах ФЗ о ГЧП представляется не самой простой задачей, поскольку эти обязанности фактически разбросаны по разным статьям закона. Несмотря на эту сложность восприятия содержания данного нормативного правового акта, постараемся назвать подходящие для ответа на поставленный нами вопрос законодательные нормы.

Итак, сюда можно, к примеру, отнести следующие обязанности: исполнять соглашение о частно-публичном партнерстве своими силами и отвечать за неправомерные действия привлеченных согласно положениям такого соглашения третьих лиц (часть 6 статьи 5 ФЗ о ГЧП); соответствовать всем требованиям, предъявляемым к лицам, планирующим стать частными партнерами, до заключения соглашения, а также к самим партнерам во время действия уже заключенного соглашения (этот вывод очевидно следует из содержания части 8 статьи 5 ФЗ о ГЧП, хотя закон в пункте 5 статьи 3 прямо не разделяет указанных лиц на две такие категории); передавать объект соответствующего инвестиционного соглашения в собственность публичного партнера

до истечения установленного в соглашении специального срока (на основании пункта 4 части 3 статьи 6 ФЗ о ГЧП).

Последняя из упомянутых выше обязанностей относится только к случаям, когда капиталовложения публичного партнера, совершенные в отношении объекта, превышают инвестиции самого частного партнера. На наш взгляд, в комментируемой норме ФЗ о ГЧП касательно превышения объема инвестиций, поступивших от публичного партнера, следовало бы использовать дополнительно наречие «существенно», иначе сопоставление объемов сделанных капиталовложений может стать сугубо формально-математическим, и превышение суммарного объема инвестиций со стороны публичного партнера даже на некий условный рубль уже будет давать ему преимущественное право на получение объекта соглашения. Вопрос определения размера подобного существенного превышения объема инвестиций во избежание появления слишком разнородных практик представляется возможным отнести к компетенции не самих многочисленных публичных партнеров, а исключительно Правительства Российской Федерации, насколько это позволяет сделать пункт 5 части 1 статьи 16 ФЗ о ГЧП.

Также по тексту ФЗ о ГЧП можно встретить обязанности частного инвестора, которые он будет исполнять не в любой сфере выбранной им инвестиционной деятельности, а только при достаточно узко определенном предмете соглашения о публично-частном партнерстве. Так, производство товаров, выполнение работ или оказание услуг частным инвестором по регулируемым ценам/тарифам предполагает, что такой партнер берет на себя обязательство привлечь для этого финансирование в заранее оговоренном объеме, который при этом будет обеспечен в целях создания объекта соглашения в течение всего срока его действия (как гласит часть 6 статьи 12 ФЗ о ГЧП).

Здесь, кстати говоря, возникает очевидный вопрос, о каких же видах обеспечения исполнения обязательств частного партнера заходит речь в данной статье закона. Ответ на поставленный вопрос можно обнаружить в пункте 9 части 2 все той же статьи 12 ФЗ о ГЧП, где в числе таких видов обеспечения названы: предоставление независимой гарантии (но только в форме банковской гарантии), залог прав частного инвестора по договору банковского счета, а также страхование риска его ответственности за нару-

шение обязательств, предусмотренных в соглашении о партнерстве.

Отметим для читателя, что, на наш взгляд, формулировки, связанные с обеспечением обязательств и представленные в части 6 статьи 12 ФЗ о ГЧП, выглядят не во всем удачными. Так, «обеспечение частным партнером своих обязательств по привлечению финансирования» может оцениваться как конструкция, скорее, финансово-правовая, нежели гражданско-правовая. Это подтверждается сравнительно-аналитическим изучением содержания конкретных правовых норм: правовой институт финансирования традиционно является частью предмета правового регулирования бюджетного законодательства, в то время как гражданское законодательство Российской Федерации де-факто увязывает понятие финансирования только с правоотношениями, образующимися в связи с заключением и исполнением договоров факторинга. Более того, в самом ФЗ о ГЧП часто используемый по тексту термин «финансирование» никакой самостоятельной дефиниции так и не получил. Представляется, что здесь речь идет все же о специальной форме предоставления средств на заемно-кредитной основе, имеющей известное науке легальное основание в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), со стороны субъектов, которые обозначены в пункте 6 статьи 3 ФЗ о ГЧП как финансирующие лица. Поэтому законодатель, сохраняя текст нормативного акта именно в такой редакции, не только смешивает понятия кредитования и финансирования (подробнее об их разделении см., например, работы [7; 8]), но и выходит за допустимые юридико-технические пределы совмещения терминов из разных по своей природе отраслей российского права в отдельно взятом федеральном законе.

Определенный интерес здесь представляет то обстоятельство, что, если независимую гарантию и залог прав можно встретить в качестве известных всем цивилистам традиционных способов обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств (в параграфах 3 и 6 главы 23 части 1 ГК РФ¹), то вот страхование риска ответственности стороны обязательства как самостоя-

тельный способ обеспечения там прямо не упоминается.

Впрочем, если вчитаться в часть 1 статьи 329 ГК РФ и правильно уяснить ее смысл, то становится понятно, что диспозитивность подхода законодателя, представленная в ФЗ о ГЧП в связи с вопросом выбора способов обеспечения исполнения обязательств частных партнеров по инвестиционным соглашениям, является все же правомерной: допускаются и иные способы обеспечения, даже не поименованные в ГК РФ, если они установлены непосредственно в законе или даже в договоре между сторонами обязательства.

Теперь постараемся от чисто теоретического взгляда на правовые конструкции, заложенные в ФЗ о ГЧП, перейти к описанию практических трудностей, нередко возникающих при реализации этих конструкций в действительности. Для решения этой научной задачи обратимся к механизму осуществления законных прав и преференций частными инвесторами в земельно-имущественной сфере, где до сих пор такие партнеры могут сталкиваться с некоторой процедурной спецификой или даже с ощутимыми техническими сложностями.

Начнем с того, что при претворении в жизнь инвестиционных проектов любой частный инвестор вправе получить законные вещные права на находящийся в государственной или в муниципальной собственности земельный участок для осуществления им последующей инвестиционной деятельности в упрощенном порядке, т. е. без проведения торгов (как это указано в части 1 статьи 33 ФЗ о ГЧП).

Ответ на вопрос, как же этого добиться процедурно, как гласит все та же часть 1 статьи 33, может быть наблюдаем при обращении к нормам актуального земельного законодательства Российской Федерации. Еще пунктом 21 статьи 1 Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² на территории России был официально внедрен организационно-правовой механизм предоставления

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (в ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

² Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3377.

без торгов земельного участка, находящегося в собственности государства или муниципального образования, в аренду при условии исполнения арендатором масштабного инвестиционного проекта.

В соответствии с пунктами 2 и 3 части 2 статьи 39.6 Земельного кодекса Российской Федерации¹ (далее – ЗК РФ) земельные участки могут быть переданы на праве аренды без проведения торгов на основании распоряжения Правительства Российской Федерации, если масштабный инвестиционный проект соответствует всем критериям, установленным все тем же Правительством Российской Федерации, либо на основании распоряжения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, опять же при условии соответствия таких проектов всем критериям, которые российские регионы устанавливают самостоятельно.

Далее, договор аренды земельного участка, заключенный в соответствии с описанными выше положениями статьи 39.6 ЗК РФ, не может иметь своим сроком период, являющийся большим, чем срок реализации масштабного инвестиционного проекта. Это обстоятельство сегодня уточняется в пункте 8.5 части 8 статьи 39.8 ЗК РФ. Однако его появление там произошло далеко не сразу: эта правовая норма была введена на основании единственного положения Федерального закона от 1 мая 2022 г. №123-ФЗ «О внесении изменения в статью 39.8 Земельного кодекса Российской Федерации»². Таким образом, до вступления в действие данного закона в 12 мая 2022 г. сроки арендного договора и реализации самого инвестиционного проекта фактически могли не совпадать, и это было вполне законно.

Описанное положение вещей позволяет сделать очевидный вывод о том, что в продолжительный период с 2015 (когда вступили в юридическую силу описанные выше нормы из федерального закона 2014 г.) по 2022 г. законные интересы как инвесторов-арендаторов, так и публичных арендодателей могли регулярно нахо-

диться под угрозой при недостижении «синхронности» сроков договора аренды земельного участка и реализации масштабного инвестиционного проекта.

Так, отсутствие единообразного срока могло порождать риски для частного инвестора, например, если срок договора аренды определялся в объеме, значительно меньшем, чем срок реализации инвестиционного проекта, так как это, бесспорно, вызывало к жизни дополнительные бюрократические и технические процедуры, направленные на заключение нового договора аренды.

Это, в свою очередь, могло приводить к опасности временной приостановки реализации масштабных инвестиционных проектов на арендуемых земельных участках в междоговорный период и, как следствие, к опасности несения убытков инвестором. С другой стороны, срок реализации инвестпроекта, намного уступающий сроку заключения договора аренды земельного участка, юридически «связывал» руки арендодателю, который не мог до окончательного истечения арендного срока полностью реализовывать свои права собственника земли, в том числе в форме передачи земельного участка новому арендатору.

С сожалением отметим, что еще один важный с организационно-процедурной точки зрения элемент земельного законодательства России – Федеральный закон от 25 октября 2001 г. №137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»³ – не содержит в своих нормах никаких разъяснений касательно того, как применять приведенные ранее по тексту положения статей 39.6 и 39.8 ЗК РФ тем арендаторам, кто вступил в соответствующие земельные и инвестиционные правоотношения с арендодателями в период 2015–2022 гг. с расходящимися формальными сроками длительности этих правоотношений.

Перейдем к другим «подводным камням», связанным с обозначенной нами земельно-инвестиционной тематикой. Учитывая то, что иных разъясняющих нормативных положений, за исключением процитированных выше, в части земельно-правового регулирования реализации

¹ Земельный кодекс Российской Федерации (в ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

² Федеральный закон от 1 мая 2022 г. №123-ФЗ «О внесении изменения в статью 39.8 Земельного кодекса Российской Федерации» (ред. не изменялась) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 18. – Ст. 3009.

³ Федеральный закон от 25 октября 2001 г. №137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4148.

масштабных инвестиционных проектов ЗК РФ не содержит, попробуем отыскать их в других российских правовых актах. Примером здесь может послужить Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 1603 «Об утверждении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного назначения и масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в федеральной собственности, в аренду без проведения торгов»¹ (далее – ПП № 1603), утвердившее критерии соответствия для подобных инвестиционных проектов, реализуемых в границах арендуемых земельных участков из состава федеральной собственности.

В соответствии с положениями ПП № 1603 для предоставления земельного участка из состава федеральной собственности при реализации масштабного инвестиционного проекта инвестору необходимо подтвердить, что в ходе реализации данного проекта будет действительно возведен некий объект/объекты, позволяющие увеличить на определенную величину количество рабочих мест на муниципальном уровне или объем взимаемых в границах муниципального образования налогов либо предназначенные для целей социального найма или передачи в собственность гражданам, которые были лишены своего жилья вследствие возникновения чрезвычайных ситуаций (абзацы 2–4 пункта 2 ПП № 1603).

С сожалением наблюдаем достаточно неоправданный лаконизм данного нормативного акта: ПП № 1603 никак не определяет ни термин «масштабный инвестиционный проект» (подобно тому, как это обстояло с ЗК РФ), ни общий порядок обращения потенциальных инвесторов к уполномоченному федеральному органу государственной власти для получения земельных участков, ни сам такой орган власти, уполномоченный на рассмотрение документов, обосновывающих соответствие критериям, прописанным в

ПП № 1603. Перечень этих документов, какие-либо формальные требования к ним, сроки принятия решений по предоставлению земельных участков в аренду без проведения торгов, основания для отказа в таком предоставлении там также отсутствуют как таковые.

Усугубляет данную ситуацию и тот факт, что текст ПП № 1603 с момента его принятия не претерпел никаких дальнейших изменений. Все это ярко свидетельствует о сохраняющейся неполной правовой определенности в части предоставления земельных ресурсов для целей реализации масштабных инвестиционных проектов на территории Российской Федерации, порождающей, помимо прочего, и осязаемые коррупционные риски при оформлении соответствующих правоотношений их участниками.

Попытаемся хотя бы в теории понять, как можно изменить сложившееся положение вещей в пользу реализации основных законных интересов инвесторов. В первую очередь необходимо определиться с органом государственной власти, в достаточной мере компетентным в вопросе предоставления земельных участков для их использования в инвестиционно-проектных целях.

В соответствии с Положением о Министерстве экономического развития Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 437², Минэкономразвития России выступает в качестве специального органа в сфере инвестиционной деятельности: согласно абзацу 1 пункта 1 ПП № 1603 он уполномочен осуществлять функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в этой сфере. Во всяком случае пункт 5.3.76 (1.2) данного нормативного документа позволяет Министерству легально содействовать реализации инвестиционных проектов на территории нашей страны. В связи со всем вышесказанным предположим, что именно Минэкономразвития России должно рассматривать представленные будущими инвесторами документы, обосновывающие соответствие масштабного инвестиционного проекта всем критериям, определенным в ПП № 1603.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 1603 «Об утверждении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного назначения и масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в федеральной собственности, в аренду без проведения торгов» (ред. не изменялась) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 2. – Ст. 505.

² Положение о Министерстве экономического развития Российской Федерации, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 437В (ред. от 22 февраля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2867.

Косвенно наше предположение о компетенции Министерства в означенном вопросе подтверждает такой исторический прецедент. В описываемом случае Департамент недвижимости Минэкономразвития России непосредственно рассмотрел направленное ему обращение по вопросу предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности. В письме от 26 июня 2015 г. №Д23и-2965¹ (в ответ на вопрос о документах, необходимых для предоставления земельного участка, находящегося в федеральной собственности, в аренду без проведения торгов для реализации масштабных инвестиционных проектов) Минэкономразвития России официально признал фактический пробел в российском законодательстве в части отсутствия в нем специального нормативного документа, определяющего порядок подтверждения отнесения проекта к категории масштабных инвестиционных. Однако только лишь констатацией данного прискорбного факта Министерство в этом случае и ограничилось: в течение последующих 8 лет им не было сделано ни одного дополнительного шага в целях позитивного исправления наблюдаемой ситуации.

В отличие от приведенных положений общероссийского земельного законодательства нормы в правовых актах субъектов Российской Федерации, принятых для реализации инвестиционных проектов уже не на федеральном, а на региональном уровне, «осязаемы» и выглядят вполне конкретно. В то же время легальное выделение земельных ресурсов под нужды региональных инвесторов основано на букве федерального закона: это прямо предписано в пункте 3 части 2 статьи 39.6 ЗК РФ, где снова упоминаются именно масштабные инвестиционные проекты.

В качестве одного из успешных примеров правовой регламентации процедуры предоставления вещных прав на земельные участки для масштабных инвестиционных целей в российских регионах приведем некоторые нормативные акты Московской области. Так, Закон Московской области от 18 марта 2015 г. №27/2015-ОЗ «Об установлении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного

и коммунально-бытового назначения, масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов»² (далее – Закон МО) полностью в соответствии со своим названием устанавливает критерии для любого масштабного инвестиционного проекта, на основании точного следования которым по решению компетентного органа, уполномоченного распоряжением губернатора Московской области, инвестору предоставляется земельный участок в аренду без проведения торгов.

Представляется интересным то обстоятельство, что Закон МО не только воспроизводит пришедшие к нам ранее отдельные нормативные положения из ПП № 1603, но и дополняет их новыми критериальными требованиями: масштабный инвестиционный проект, реализуемый на территории Подмосковья, должен не только положительно повлиять на общее состояние социально-экономического развития Московской области, но и быть непосредственно связанным с приоритетными видами хозяйственной деятельности, насчитывающими 12 наименований (как гласят пункты «а» и «г» статьи 3 Закона МО).

Однако высший орган государственной исполнительной власти Московской области в вопросе решения всех процедурных формальностей передачи прав на земельные участки инвесторам пошел несколько дальше, чем это было сделано на федеральном уровне. Это прямо подтверждает принятое буквально через месяц после подписания Закона МО Постановление Правительства Московской области от 22 апреля 2015 г. № 272/13 «Об утверждении Перечня и порядка рассмотрения документов, обосновывающих соответствие объекта социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабного инвестиционного проекта критериям, установ-

¹ Письмо Минэкономразвития России от 26 июня 2015 г. №Д23и-2965 // Строительство: акты и комментарии для бухгалтера. – 2015. – № 9.

² Закон Московской области от 18 марта 2015 г. №27/2015-ОЗ «Об установлении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов» (в ред. от 06 июля 2023 г.). Опубликовано 19 марта 2015 г. на интернет-портале Правительства Московской области (<http://mosreg.ru>).

ленным Законом Московской области №27/2015-ОЗ «Об установлении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов», и заключения, изменения и расторжения соглашения между Правительством Московской области и юридическим лицом, планирующим осуществить строительство такого объекта (реализацию проекта) на земельном участке, предоставляемом в аренду без проведения торгов в соответствии с распоряжением Губернатора Московской области»¹ (далее – ПП МО).

Приведенный нами выше акт Правительства Московской области в своем тексте действительно устанавливает следующее: перечень документов, представляемых будущим инвестором для подтверждения соответствия своего масштабного инвестиционного проекта критериям, установленным законодательством Московской области (требуемые документы отражены в подпункте 11 пункта 2 и в подпунктах 6.1–6.8 пункта 6 Перечня и порядка рассмотрения обосновывающих документов, утвержденных ПП МО); сроки рассмотрения указанных документов (под-

пункты «а»–«г» пункта 7 Перечня и порядка рассмотрения обосновывающих документов, утвержденных ПП МО); органы государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченные участвовать в рассмотрении данных документов (подпункт 2 пункта 2 и подпункт «е» пункта 7 Перечня и порядка рассмотрения обосновывающих документов, утвержденных ПП МО); а также содержит в качестве отдельного типового документа (Приложение 1 к Перечню и порядку рассмотрения обосновывающих документов, утвержденным ПП МО) примерную форму соглашения о реализации масштабного инвестиционного проекта на территории Московской области.

Таким образом, даже отдельно взятый подмосковный пример, затронутый нами, в перспективе мог бы быть крайне полезен для учреждения аналогичной федеральной практики по тщательной правовой регламентации процедуры выделения земельных участков под масштабные инвестиционные проекты, но уже на общенациональном уровне.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что на современном этапе в Российской Федерации сложилось достаточно оригинальное, развитое и комплексное законодательство о публично-частном партнерстве в широком его понимании. Однако при более внимательном взгляде на вещи становится очевидно, что при всех уже предпринятых за многие годы законодателем попытках узаконить правовой режим инвестиционных соглашений, удобных для использования сторонами разных форматов указанного партнерства (от концессий до партнерства в узком его понимании), некоторые «подводные камни» все же остаются на месте.

Читателю было продемонстрировано, что они заключаются как в неоднозначности для ясной трактовки формулировок отдельных положений действующих нормативных актов или в отсутствии достаточной системности охвата ими всей полноты круга частно-публичных инвестиционных правоотношений, так и в прикладной сложности или даже невозможности для частных инвесторов полноценно осуществить некоторые свои гарантированные законом права при реализации инвестиционных проектов.

¹ Постановление Правительства Московской области от 22 апреля 2015 г. № 272/13 «Об утверждении Перечня и порядка рассмотрения документов, обосновывающих соответствие объекта социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабного инвестиционного проекта критериям, установленным Законом Московской области №27/2015-ОЗ «Об установлении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов», и заключения, изменения и расторжения соглашения между Правительством Московской области и юридическим лицом, планирующим осуществить строительство такого объекта (реализацию проекта) на земельном участке, предоставляемом в аренду без проведения торгов в соответствии с распоряжением губернатора Московской области». В ред. от 10 августа 2023 г. Опубликован на Интернет-портале Правительства Московской области (<http://mosreg.ru>) 22 апреля 2015 г.

Список литературы

1. Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России и за рубежом. – М. : Финстатинформ, 1993. – С. 72–75.
2. Кабанова И. Е. Проблемы реализации проектов муниципально-частного партнерства // Гражданское право. – 2017. – № 6. – С. 38–42.
3. Кичихин А., Щербакова Н. Частное жилье – собственность и сделки // Закон. – 1996. – № 8. – С. 38–49.
4. Леднева Ю. В. «Стабилизационная оговорка» в налоговом праве // Финансовое право. – 2020. – № 6. – С. 18–22.
5. Лисица В. Н. Инвестиционный договор // Закон. – 2003. – № 6. – С. 114–116.
6. Майфат А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. – М., 2006.
7. Морозов И. Н. Вопросы финансирования, кредитования и страхования инвестиционных и инновационных проектов // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 166–168.
8. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (постатейный) / О. А. Акопян, О. В. Веремеева, Н. С. Воробьев и др.; под общ. ред. Ю. В. Воронина; отв. ред. Н. А. Поветкина. – М. : Проспект, 2022.
9. Попондопуло В. Ф. Публично-частное партнерство: понятие и правовые формы // Арбитражные споры. – 2014. – № 2. – С. 81–100.
10. Смышляев А. В. Формы реализации проектов в сфере государственного частного партнерства: правовой аспект // Юрист. – 2022. – № 11. – С. 47–53.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-126-137>

Правовые средства оптимизации взаимодействия российских субъектов спорта с международными спортивными организациями в условиях применения спортивных санкций, связанных с отстранением российских спортсменов от участия в международных спортивных мероприятиях¹

Р. А. Курбанов

заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Kurbanov.RA@rea.ru

Т. Э. Зулфугарзаде

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Legal Means of Optimizing the Interaction of Russian Sports Entities with International Sports Organizations in the Context of the Application of Sports Sanctions Related to the Suspension of Russian Athletes from Participating in International Sports Events

R. A. Kurbanov

Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Kurbanov.RA@rea.ru

T. E. Zulfugarzade

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Аннотация

Недружественное политическое влияние, оказываемое со стороны США и их сателлитов на Россию по всем основным направлениям социально-экономического развития, вылилось в том числе в фактический запрет для российских спортсменов участвовать в крупных международных соревнованиях под российским флагом. Это приводит к временной утрате национальной идентичности российского спорта и объективно требует развития традиционных и внедрения инновационных подходов в области взаимодействия российских субъектов спорта со спортивными организациями в условиях санкций и развивающихся де-

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».

глобализационных процессов, способствующих формированию многополярности. В качестве основных методов при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, аналитический, историко-правовой, описательный и другие. В работе приведены результаты исследования основных подходов к развитию и совершенствованию взаимодействия в спортивной сфере с использованием методов спортивной дипломатии как составной части публичной дипломатии. Научную новизну исследования составили выводы, в соответствии с которыми в современных условиях с целью преодоления санкционных запретов российским спортивным командам на первоначальных этапах целесообразно начать использовать возможности Equipe Unifree через наднациональные спортивные органы, действующие в рамках СНГ (Совет по физической культуре и спорту СНГ), и другие региональные международные организации, в которых Россия выступает в качестве постоянного члена-участника, прежде всего ЕАЭС и ШОС, вплоть до полного устранения препятствий для полноценного возвращения российских спортивных команд в большой спорт. Также внесены предложения по совершенствованию правового обеспечения взаимодействия в указанной сфере на международном уровне.

Ключевые слова: право, Российская Федерация, соревнования, суверенитет, регулирование, гражданское общество, цивилизованные страны, Олимпийское движение, публичный, механизм, методика, конфликт, коррупция, благополучие, коммерческий.

Abstract

The unfriendly political influence exerted on Russia in all major areas of socio-economic development by the United States and their satellites has resulted, among other things, in an actual ban for Russian athletes to participate in major international competitions under the Russian flag, which leads to a temporary loss of the national identity of Russian sports and objectively requires the development of traditional and introduction of innovative approaches in the field of interaction of Russian sports subjects with sports organizations in the context of sanctions and deglobalization processes which contribute into the formation of multipolarity. During the research logical, comparative, empirical, analytical, historical-legal, descriptive and other methods were used as the main means of cognition. The paper presents the results of the study of the main approaches to the development and improvement of interaction in the sports field with the use of the methods of sports diplomacy as an integral part of public diplomacy. The scientific novelty of the study is the conclusions according to which it is advisable in modern conditions for Russian sports teams to begin using the capabilities of Equipe Unifree through supranational sports bodies operating in the CIS frame (the CIS Council for Physical Culture and Sports) and other regional international organizations in which Russia participates to overcome sanctions bans at the initial stages acting as a permanent member-participant, primarily EAEU and SCO, up to the complete elimination of obstacles for the full-fledged return of national Russian sports teams to big sports. Proposals have also been made to improve the legal support for cooperation at the international level in this area.

Keywords: law, Russian Federation, competitions, sovereignty, regulation, civil society, civilized countries, Olympic movement, public, mechanism, methodology, conflict, corruption, welfare, commercial.

Введение. В наше сложное, «рубежное» [8] для России и всего мира время вновь явным образом проявилась стратегия Запада, направленная на стратегическое поражение нашей страны в ключевых направлениях развития. Это в первую очередь выражается в мощной многосторонней санкционной политике, реализуемой со стороны США и их союзников и влекущей негативные последствия прежде всего для их инициаторов, но причиняющей при этом существенный вред сложившимся международным связям во всех основополагающих отраслях социально-экономической деятельности. К ним относится и спортивная сфера – физкультура и спорт (далее – ФиС), особенно сфера большого спорта, т.е. спорта высших достижений. В связи с этим следует отметить, что современные спортивные санкции, последо-

вавшие в отношении нашей страны в целом и российских спортсменов в частности, как известно, имеют достаточно длительную историю их подчас необоснованного введения и неблагоприятного влияния на нормальное развитие национального и мирового спорта и являются частью достаточно серьезного опыта противодействия негативным влияниям такого рода, который был накоплен нашей страной за практически все время существования международного олимпийского движения.

Одной из наиболее значимых форм противодействия негативным влияниям в исследуемой сфере отношений уже многие годы по праву считается и на самом деле является так называемая спортивная дипломатия (далее – спортдипломатия), являющаяся неотъемлемой составляющей

публичной дипломатии всех цивилизованных государств [11. – С. 142]. В основном реализация принципов спортдипломатии на высшем уровне осуществляется не за закрытыми дверями кабинетов, но открыто, преимущественно на крупных спортивных площадках, прежде всего при проведении значимых международных спортивных соревнований, зачастую по принципу «без галстуков»; при этом существуют общеизвестные разновидности спортдипломатии, укоренившиеся в международной политико-правовой сфере и имеющие привязку к определенным видам спорта, например, шахматная, футбольная, пинг-понговая, крикетная и т. д.

Важность противодействия спортивным санкциям в современных условиях резкого обострения международной обстановки, когда в вооруженные конфликты оказались втянуты практически все основные силы государств уверенно изменяющегося, уже ставшего многополярным мира, состоит в том, что санкции приводят к ущемлению национальных интересов и прав целых народов, фактически представляя собой запрет, выраженный в виде неправомерного отстранения [1. – С. 60] российских спортсменов от участия в международных спортивных соревнованиях, проводимых под эгидой спорткомитетов и спортивных федераций с универсальным уровнем воздействия. Последние предлагают российским и белорусским спортсменам подчас провокационные, фактически игнорирующие права человека [7], унижающие человеческое достоинство возможности возвращения на международную спортивную арену после прохождения через специальную «индивидуальную проверку» [3]. Это объективно предопределило необходимость наравне с традиционными мерами политического характера и созданием открытого спортивного пространства на территории России [9] продолжать реализацию и совершенствование методов прежде всего спортдипломатии, что позволит постепенно восстановить начавшие разрушаться международные связи, обеспечивая тем самым мягкий переход к широкомасштабному международному диалогу в новых условиях явно определившейся триполярности.

Действительно, несмотря на то, что взаимодействие с международными спортивными организациями и укрепление международного спортивного сотрудничества предусмотрены, в частности, пунктом 6.1 части 10 статьи 26, частью 1 статьи 11, частью 1 статьи 12 и положениями главы 7 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329

«О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ о ФиС), таковые носят подчас весьма расплывчатый характер, а сам указанный нормативный правовой акт и многие его положения в части международного спортивного взаимодействия объективно «нуждаются в совершенствовании с целью восполнения пробелов, устранения коллизий, а также унификации и гармонизации с нормами международного права» [5. – С. 99]. В связи с этим полагаем важным представить основные результаты проведенного исследования положительного международного и зарубежного опыта взаимодействия в сфере ФиС методами спортдипломатии, в том числе и в условиях санкционного воздействия.

Основы правового обеспечения международного спортивного взаимодействия дипломатическими методами. Происходящая на протяжении последних десятилетий диффузия спорта, права, дипломатии и политики является частью современной среды международных отношений, в которых спортдипломатия представляет собой теоретико-практическую агломерацию, обеспечивающую бесконфликтное межгосударственное взаимодействие в области ФиС. Фактически на сегодняшний день созданы все основные условия для развития спортдипломатии [15], но, как отмечено ранее, существенным условием такого развития продолжают оставаться многочисленные санкции, нарастающим потоком налагаемые преимущественно с 2014 г. и негативно воздействующие на формирование мирной и политически неангажированной спортивной среды.

Помимо универсальных (глобальных) и национальных зарубежных спортивных организаций, международных и российских физкультурно-спортивных организаций (ФСО) в качестве участников спортивного взаимодействия уже длительное время выступают глобальные, прежде всего транснациональные организации (институты) гражданского общества, глобальные медийные, финансовые и производящие компании, имеющие статус транснациональных компаний (ТНК) и осуществляющие спонсорство спортивных соревнований, а также известные спортивные, медийные и политические деятели – так называемые влия-

¹ Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

тельные знаменитости [13]. Все вышеперечисленные субъекты составляют основу мультиполярной системы современной спортдипломатии, являющейся одним из прообразов весьма скорого мирового политического переустройства.

В сложившейся динамичной, несколько сумбурной системе спортдипломатии, не имеющей ни номинально, ни фактически единого уполномоченного централизованного органа управления, к которому издавна стремятся США и их союзники, спортсмены международного уровня могут на взаимовыгодной договорной основе привлекаться и уже нередко достаточно успешно привлекаются для усиления внешнеполитического воздействия и налаживания более прочных и устойчивых контактов в ходе спортивного взаимодействия. Наиболее известные, на практике враждебные дипотношения, как правило, неоднократно удавалось рано или поздно нивелировать и даже полностью урегулировать с помощью спорта – как, например, это произошло с преодолением продолжавшей оставаться и действовать системой апартеида в Южной Африке несмотря на то, что апартеид уже был запрещен и отменен практически во всех цивилизованных странах мира. Исходя из данных реалий, спорт можно рассматривать как юридически корректный инструмент пресечения массовых противоправных явлений. Нация также может выразить свое пренебрежение, просто изъявив нежелание принимать участие в тех или иных спортивных соревнованиях мирового уровня, что, например, наблюдалось в 1980 г., когда США и их сателлиты бойкотировали Олимпийские игры (далее – ОИ) в Москве, а СССР совместно с союзниками – странами соцдемократии, в свою очередь, в 1984 г. отказались принимать участие в ОИ в Лос-Анджелесе. Этот эпизод является достаточно известным примером взаимного бойкота спортивных состязаний, проводимых на международной арене. Таким образом, становится очевидным, что спорт высших достижений и спортдипломатия играют важную роль в международной жизни государств и оказывают существенное воздействие на принимаемые политические решения и действия, осуществляемые политическими институтами, в том числе высшего уровня.

Взаимодействие в сфере ФиС методами спортдипломатии унифицирует и упрощает такого рода отношения, а также сообщает новые возможности традиционной политической дипломатии, превращая ее в адаптивную, постоянно обновляемую форму, близкую к экспериментальной. За счет

этого на практике возможно внедрение новых методов межгосударственного сотрудничества по широкому спектру вопросов, включая прежде всего темы спортивного взаимодействия и преодоления негативных последствий санкций, в том числе спортивных. Действительно, в постмодернистский, постиндустриальный информационный век международная общественность с большей вероятностью будет вовлечена в инициативы «мягкой силы» [14] со стороны наций, к которым относятся культурные и спортивные обмены. В наше время спорт и дипломатия из нишевых, полузабытых институтов превратились в весьма мощные, очень часто работающие в тандеме эффективные внешнеполитические инструменты.

Дополнительные возможности для развития спортдипломатии придают транслируемые медиакомпаниями спортивные соревнования, наиболее значимые из которых, в том числе ОИ, как летние (далее – ЛОИ), так и зимние (далее – ЗОИ), привлекают зрительскую аудиторию численностью до четырех миллиардов человек. При этом немалый интерес для мировой общественности представляют медийные проекты, позволяющие странам – организаторам спортивных соревнований своими реальными действиями подтвердить тот факт, что они действительно являются добропорядочными и цивилизованными участниками, что принято подчеркивать во всех индустриально развитых странах мира. Если дипломатическая позиция, имидж и послания хорошо продуманы и тщательно разработаны и приведены в соответствие с позитивными спортивными ценностями, то восприятие их общественностью иностранных государств может значительным образом измениться, как это было наглядно продемонстрировано, например, в преддверии проведения ЛОИ 2008 г. в Пекине и ЗОИ 2014 г. в Сочи, укрепивших позитивный имидж Китая и России соответственно.

Отметим также, что спортдипломатия наравне с традиционной политической дипломатией представляет собой дело мира и является наглядным проявлением внутренней согласованности в международном сообществе, цивилизованности и порядка в разнородной среде. При этом спорт является еще и мирным средством международного обмена, за исключением, несомненно, случаев открытого противостояния.

Особенности международно-правового взаимодействия в области спортивного регулирования. Спортивные соревнования между

соперниками или командами, представляющими нации, имеет широкий спектр последствий для дипломатии в целом и спортдипломатии как ее части. Наиболее значимым в данном контексте представляется эффект от такого рода дипломатии, который заключается в том, чтобы приостановить, отсрочить или сублимировать политический конфликт – в точном соответствии с древними и современными принципами олимпийского перемирия. Цель последнего заключалась прежде всего в том, чтобы приостановить или вовсе прекратить военные действия на время проведения спортивных соревнований, дав возможность спортсменам и зрителям не быть затронутыми военными и смежными с ними операциями и гарантированно добраться до места проведения соревнований. Общеизвестно, что олимпийское перемирие всегда имело важное значение, но при этом оно, к сожалению, не всегда действительно соблюдалось. Тем не менее такое перемирие во все способствовало предотвращению военных и иного рода конфликтов, приобретая со временем глобальный уровень воздействия. Практика показывает, что даже оправданное нарушение такого перемирия не ведет к прекращению проведения ОИ и не ослабляет должного внимания мировой общественности к такому важному вопросу, как комплексное поддержание Олимпийского движения, а также сферы ФиС в целом.

Сегодня широкий глобальный общественный интерес, поддержка зрительской аудитории имеют большое, подчас решающее значение для достижения успеха международного спорта именно как дипломатии. Действительно, международные спортивные мероприятия высокого уровня оказывают в качестве публичной политической дипломатии значительное влияние на мировую общественность, наблюдающую за спортивными соревнованиями лично или через средства массовых коммуникаций. При виде наций мира, собравшихся на одной спортивной арене для участия в организованном, безопасном событии, имеющем ненасильственный характер, складывается впечатление, что международное сотрудничество не только возможно, но и способно позитивно влиять на ситуацию в мире. Конкуренты представляют свои нации и народы в реальном смысле, даже если они не были назначены для этого государственными органами своих стран. Участники спортивных состязаний разделяют со своими коллегами из других стран стремление к совершенству и соблюдению пра-

вил, любовь и преданность к спортивной игре. Таким образом, дипкорпус в каждой стране начинает походить на «микрокосм» мирового сообщества с общими ценностями и обязательствами каждого его члена представлять свое государство как можно лучше и деликатнее.

С другой стороны, воздействие международного спорта на дипломатические отношения заключается в усилении национальной напряженности и проблемных отношений. Одним из самых негативных инцидентов подобного рода стал конфликт между болельщиками Сальвадора и Гондураса на трех ожесточенных отборочных матчах по футболу, прошедших в июле 1969 г. и приуроченных к предстоящему чемпионату мира (далее – ЧМ), организованному федерацией ФИФА (FIFA) [2] в 1970 г. Этот конфликт на спортивной почве был использован как предлог для войны между указанными странами. В связи с этим полагаем, что необходимо в обязательном порядке законодательно закрепить обеспечение подготовки к международным спортивным мероприятиям в форме дипломатического сотрудничества и спортивного взаимодействия между командами, руководящими органами МИД и Минспорта России для того, чтобы создать на месте проведения спортивных соревнований обстановку безопасности для участников, зрителей и поставщиков услуг.

Дополнительно отметим, что результаты международных спортивных соревнований также влияют на дипотношения между соревнующимися государствами. Когда соревнования происходят в ситуациях, при которых внешние наблюдатели придают состязанию открытое дипломатическое значение, неизменно анализируется потенциальное значение конкретных результатов соревнования. Так, например, национальная команда Индии по крикету совершила поездку в Пакистан в 2004 г. для того, чтобы возобновить дипотношения после кризиса 2002 г., который был связан с террористическими атаками в Кашмире, находящемся под управлением Индии, и поставил оба государства на грань потенциальной ядерной войны. Спортивные функционеры и политические деятели тогда сошлись во мнении относительно того, что, если бы ни одна из сторон не выиграла с большим перевесом, это было бы наилучшим результатом рассматриваемого спортивного мероприятия. Обе команды провели свой первый однодневный международный матч в Карачи в субботу, 13 марта. Команда Индии выиграла у команды Пакистана

всего в пяти раундах с общим счетом 349 : 344. Приведенный пример в целом иллюстрирует, что в более широком смысле системы подсчета очков, способы подсчета побед, поражений и достижений часто оказывают существенное влияние на то, как воспринимаются результаты международных спортивных соревнований. Таким образом, заинтересованные представители соревнующихся стран и всего международного сообщества могут рассматривать эти достижения как результат корректных и весьма удачных дипотношений между странами – конкурентами в политическом и спортивном аспектах. Рассмотренный прецедент получил название крикетной дипломатии по аналогии с пинг-понговой дипломатией, принесшей позитивные плоды в налаживании весьма непростых отношений между КНР и США в 1971–1972 гг.

Различные способы продвижения и победы в международных спортивных соревнованиях показывают, что, если ненадолго оставить в стороне вестфальские принципы о суверенном дипломатическом равенстве, на деле национальные государства сильно различаются по своим размерам, общественному и материальному достоянию, способностям и наличию талантливых граждан. Мировая общественность формирует представление и вырабатывает мнение о национальных государствах, по крайней мере частично, в зависимости от результатов, которые демонстрируют национальные команды и их конкуренты в международных спортивных соревнованиях. При этом и ожидания от предстоящих результатов неодинаковы и весьма неоднозначны: зачастую для небольшой, обладающей скромными финансовыми возможностями или недавно обретшей независимость страны достижение значительно более высоких результатов, нежели ожидалось изначально, на международном спортивном мероприятии может быть намного важнее победы, на которую рассчитывает крупное государство с интенсивно развивающейся спортивной сферой и прочной спортивной индустрией. Зачастую обычное участие в малозначительном спортивном мероприятии может привлечь внимание и позитивные отклики общественности и, таким образом, создать для места проведения такого мероприятия возможности для позитивного брендинга, что, как правило, является одной из ключевых задач публичной дипломатии.

Несколько методов определения и измерения достижений на некоторых международных спортивных состязаниях определенным образом облегчают признание достижений несмотря на раз-

личия между участниками и странами. На ОИ, ЧМ или иных мультиспортивных соревнованиях, на которые съезжаются спортсмены из большинства индустриально развитых стран мира, одним из признанных показателей является способность соревноваться вообще. Некоторые страны выставляют олимпийские команды менее чем из пяти-шести участников, соревнующихся подчас только в одном или двух видах спорта. Простое представление своей страны на ОИ воспринимается на родине участников как большая победа и заслуга не только самого спортсмена, но и всей нации и государства, которые такой спортсмен представляет. С другой стороны, показатели национальных достижений связаны с вариантами подсчета количества олимпийских медалистов: общее количество медалей (золотых, серебряных и бронзовых), общее количество золотых медалей, наибольшее количество видов спорта, в которых страна завоевала медали и т. д.

В связи с этим полагаем целесообразным на законодательном уровне закрепить высокий статус не только победителей, но и обычных участников ОИ, а также спортивных соревнований подобного уровня, повышающих правовое положение участников и способствующих реализации механизмов спортивной дипломатии.

Обобщая выводы проведенного исследования, полагаем важным дополнительно сформулировать следующие предложения, направленные на дальнейшее развитие правовых средств оптимизации взаимодействия российских субъектов спорта с международными спортивными организациями в современных неблагоприятных условиях применения спортивных санкций, которые связаны с отстранением российских спортсменов от участия в международных мероприятиях в сфере профессионального спорта.

Для того, чтобы международное спортивное соревнование прошло успешно, требуется непрерывная работа и усилия многих представителей спорткомитетов, спортивных федераций и дипломатических представителей. Подобного рода специализированная спортдипломатия, которую формирует международный спорт, возможно, даже более значительна, нежели влияние самого международного спорта на дипотношения между государствами. Особенно ярким примером специализированной спортдипломатии считается ЧМ по футболу 2002 г., который совместно принимали Япония и Южная Корея. Чтобы договориться о приемлемых условиях для ранее не

опробованной схемы совместного проведения мероприятий подобного рода и уровня, переговоры друг с другом пришлось вести не только обоим государствам, но и их национальным футбольным федерациям и ФИФА. В конечном итоге успешный, но сложный процесс зависел от движущей силы ФИФА, приложившей максимум усилий к тому, чтобы процесс был доведен до своего логического завершения [4]. Приведенный пример подчеркивает важность международных спортивных организаций в специализированной спортдипломатии международного спорта.

Каждому международному виду спорта или спортивному событию для успешного функционирования требуется институциональная структура, обладающая прежде всего своими правилами, спортивными нормами, устанавливаемыми собственным административным органом, преследующим в том числе цель управления международным спортивным взаимодействием. Указанные правила должны также включать в себя нормы справедливости, в том числе порядок обучения и приема на работу судей для арбитража международных спортивных соревнований, обеспечения надлежащей безопасности спортивных мероприятий, заключения спонсорских контрактов и контрактов на трансляцию, а также увязывания крупных спортивных мероприятий с целями гуманитарного и экономического развития государств – членов таких универсальных спортивных организаций. В свою очередь, спортивные организации независимо от своего уровня должны постоянно общаться с мировой общественностью, чтобы продвигать спорт, повышать свою узнаваемость и подтверждать справедливость и легитимность, развивая тем самым искусство спортдипломатии.

Исследованная в работе специализированная дипломатическая деятельность в спортивной сфере, в которой участвуют международные спортивные организации, по нашему мнению, требует практически таких же навыков и деликатности, какими характеризуются представители публичной дипломатии, поэтому топ-менеджеры спортивных организаций в наше время должны обладать опытом, присущим эффективным дипломатам. При этом необходимо учитывать, что органы международного спорта сталкиваются с двойной задачей: они должны не только организовывать спортивные события, но и управлять собственной деятельностью. Репутация спортивных организаций универсального характера иг-

рает ключевую роль в восприятии их легитимности, что, в свою очередь, оказывает серьезное влияние на их эффективность в переговорах для достижения своих целей.

Обвинения в коррупции, выдвигаемые в отношении международных спортивных организаций, и полученные в случае их обнаружения и расследования доказательства, несомненно, наносят существенный урон имиджу таких организаций, подрывают доверие к ним, которое требуется для успешного проведения спортивных мероприятий мирового масштаба. Так, например, по факту выдвинутых и получивших огласку обвинений во взяточничестве, имевшем место в процессе проведения Международным олимпийским комитетом (далее – МОК) голосования по вопросам участия в ЗОИ 2002 г., выдвинутых г. Солт-Лейк-Сити (штат Юта, США), МОК инициировал проведение весьма серьезного внутреннего расследования, которое в итоге привело к санкциям в отношении ответственных сторон и реформированию процесса голосования.

В свою очередь, относительно недавние обвинения в коррупции в отношении высокопоставленных должностных лиц ФИФА в связи с награждением победителей ЧМ по футболу 2018 и 2022 гг. привели к ряду отставок в ФИФА и отзыву главы Азиатской футбольной федерации, являвшегося в то время претендентом на пост президента ФИФА. В ответ на выдвинутые обвинения руководство МОК было вынуждено предпринять стремительное наступление публичной дипломатии, в ходе которого общественности было обещано скорейшее реформирование ФИФА и процессов отбора на последующие ЧМ [6].

Приведенные примеры могут служить основой для формирования базовых критериев, которые должны быть присущи современным представителям спортдипломатии. Последние должны уметь правильно представлять себя и вести переговоры с международными спортивными организациями, а в некоторых случаях и друг с другом, на регулярной, продолжительной основе. Формирование эффективной рабочей коалиции между представителями государства, при необходимости – городов, национальных спорткомитетов (спортивных федераций, спортивных организаций), а нередко – национальных и региональных торгово-промышленных палат и объединений предпринимателей, которые наделены правом проведения переговоров с международной спортивной организацией, сегодня является

обязательным элементом для стран и городов, изъявивших желание быть принимающей стороной при проведении крупных международных спортивных соревнований.

Еще одним весьма серьезным направлением в спортдипломатии, требующим вдумчивого и осторожного проведения переговоров, является коррупционная составляющая, связанная с договорными матчами в национальных спортивных организациях. Как таковая коррупция может сохраняться в течение длительных периодов времени, потому что она менее заметна на международном уровне, процессы ее исправления обычно проводятся на национальном уровне, а средства правовой защиты в гораздо большей степени зависят от национальной политики, обычаев и культуры. Однако с течением времени коррупция на национальном уровне начинает оказывать влияние и на международные соревнования, ставя тем самым под сомнение право на участие спортсменов этой страны в спортивных соревнованиях мирового уровня, что в свою очередь может потребовать вмешательства международных спорткомитетов и федераций. Одним из ярких примеров преодоления коррупции в спортивной сфере является политика крикетной дипломатии, реализованной Международной крикетной ассоциацией (ICC), приведшая в 2000–2001 гг. к возможности нивелирования ситуаций, связанных с договорными матчами по крикету. В этих матчах принимали участие представители спортивных команд Южной Африки и Пакистана, которые впоследствии были изобличены в организации договорных матчей, за что получили пятилетние запреты на игру от ICC, но за счет использования методов спортдипломатии соревнования по крикету на мировом уровне в целом не были дискредитированы [12].

Немаловажно также учитывать, что международные спортивные соревнования проходят в разных форматах, и это еще больше усложняет специализированную дипломатию международного спорта. Различные способы организации соревнований в разных видах спорта требуют, чтобы представители руководящего органа, необходимого для этого вида спорта, обладали определенным набором дипломатических навыков. Такого рода вариация форматов соревнований порождает реализацию процессов выстраивания достаточно четкой иерархии спортивных мероприятий, а также позволяет определить и уточнить классификацию (таксономию) междуна-

родных спортивных организаций как непосредственных участников дипломатического процесса. При этом классификация международных спортивных организаций осуществляется по аналогии с таксономией госорганов: от крупных – к малым, от сильных – к менее сильным.

Вместе с тем необходимо учитывать, что существуют четыре основных формата международных спортивных соревнований.

К первому формату относятся командные виды спорта, в которых национальные команды соревнуются друг с другом и в которых требуется участие сильного мирового руководящего органа для этого вида спорта. Такие спортивные федерации должны иметь институциональные возможности для установления дипломатических отношений с упомянутыми выше национальными руководящими органами, госорганами, глобальными корпоративными спонсорами и медиакомпаниями, а также организациями (институтами) гражданского общества. В качестве примеров таких спортивных федераций и спортивных ассоциаций мирового уровня полагаем возможным указать FIFA (футбол), IBL (баскетбол), ICC (крикет).

Второй формат включает индивидуальные соревнования по таким видам спорта, как теннис и гольф. В этой категории теннисисты и игроки в гольф соревнуются на международном уровне в составе национальных команд в таких соревнованиях, как Кубок Дэвиса по теннису и Кубок Райдера по гольфу. В таких случаях руководящие органы по данным видам спорта, например, Международная федерация тенниса (IFT) и Международная федерация гольфа (IGF), должны действовать как дипломатические субъекты в той же мере, что и руководящие органы по командным видам спорта. Однако в этих видах спорта отдельные спортсмены принимают участие в международных соревнованиях также и в индивидуальном порядке, представляя себя лично, не указывая страну, от которой они выступают, но не меняя при этом так называемого спортивного гражданства. Такие мероприятия, как Открытый чемпионат Великобритании и Открытый чемпионат США по гольфу, Уимблдонский турнир и чемпионат «Ролан Гаррос» по теннису, организуются соответствующими национальными спортивными организациями, например, Ассоциацией профессиональных игроков в гольф США (PGA) и Теннисной ассоциацией США (USTA). Это дает международному спортивному органу меньше рыча-

гов воздействия на отдельных игроков, нежели в случае с теми спортивными органами, которые представляют командные виды спорта и, таким образом, также ставят международную спортивную федерацию в более уязвимое положение по сравнению с государственными органами и национальными спортивными федерациями, когда возникают вопросы, требующие проведения переговоров. Как правило, действия публичной дипломатии и узнаваемый фирменный стиль теннисистов и гольфистов, а также крупных турниров, в которых они участвуют, имеют намного большую мировую известность, нежели международные спортивные организации, к которым они принадлежат.

Третий формат объединяет командные виды спорта, в которых команды, состоящие из спортсменов разных национальностей, спонсируются и финансируются напрямую ТНК и иными глобальными компаниями (фирмами) и действуют как определенного рода квазикommerческие организации (предприятия), оставаясь при этом, как правило, общественными объединениями. Основными примерами являются автоспорт (Формула-1, ЧМ по супербайку) и велоспорт. Участники представляют свои страны в символическом смысле, но не соревнуются от их имени каким-либо формальным образом. В этих случаях международный руководящий орган спорта имеет еще меньше полномочий по отношению к глобальным спонсорам и медиафирмам или правительствам. Например, решения о том, где проводить гонки Формулы-1, в основном принимаются представителями основных спонсируемых команд, их спонсорами и государственными чиновниками потенциальных принимающих стран. Следовательно, эти типы спортивных организаций должны стать очень опытными в работе со спонсорскими фирмами, если надеются сохранить какое-либо реальное влияние на конкуренцию в спорте. Когда возникают кризисные ситуации, требующие переговоров, такие как, например, непрекращающийся допинговый скандал в велоспорте, в которые могут быть вовлечены соответствующие государства, механизмы спортдипломатии позволяют корректно сместить переговорные процессы и прямые дискуссии, проводимые непосредственно с командами и их спонсорами, и таким образом распределить ответственность за произошедшее, а впоследствии мягко нивелировать выявленные недостатки и возникшие претензии. Исключением могут быть

только ситуации, когда соответствующий спортивный орган будет принудительно отстранен или по собственной инициативе отстранится от переговорного процесса.

Четвертый формат является топовым, включающим в себя ОИ, в которых МОК – огромная многонациональная мультиспортивная организация – обладает широчайшей властью по отношению ко всем другим субъектам, с которыми он должен вступать в коммуникацию и представительские отношения. Основными дипломатическими собеседниками МОК являются национальные госорганы, национальные олимпийские комитеты (НОК) в странах-участницах, средние и крупные спонсорские и медиакомпании, а также органы государственной и муниципальной власти и институты гражданского общества. Процесс организации успешных ЛОИ или ЗОИ чрезвычайно сложен и является весьма затратным. Начинается этот процесс с соперничества между государствами и городами за право проведения ОИ, что занимает около десяти лет. Такой процесс требует приложения существенных усилий со стороны представителей спортдипломатии по взаимодействию с МОК и местными НОК на всех стадиях предварительного процесса, который впоследствии переходит, при условии получения права на проведение этого события, в фазы подготовки, проведения и завершения ОИ.

Другой специфический аспект специализированной дипломатии международного спорта касается дипломатической аккредитации или признания спортсменов в спорте и в соответствующем виде спорта. Этот вопрос имеет высокий уровень важности прежде всего потому, что основная работа дипломатического представительства может начаться, только когда соответствующий представитель аккредитован, однако решения о том, кого признавать, а кого не признавать аккредитованными представителями, зачастую сами по себе являются дипломатическими вопросами и темами для переговоров. Указанные решения по своей природе носят не только политический, но и правовой, а нередко и дискуссионный характер. Международный руководящий орган каждого вида спорта должен самостоятельно определить и решить, какие национальные спортивные федерации признать (принять в члены). Такого рода процессы и соответствующие процедурные вопросы, несомненно, могут вызвать споры прежде всего из-за наличия суверенитета в международной системе у того или иного госу-

дарства, в котором зарегистрирована национальная спортивная федерация или спортивная ассоциация. В указанной связи немаловажно отметить один из таких наиболее очевидных случаев, которым является статус спортивных федераций КНР и Китайской Республики (Тайвань). Госорганы КНР высказали возражения в отношении тайваньских спортивных представителей, участвующих в международных мероприятиях под любым именем, которое подразумевает так называемый «суверенитет Тайваня» или его политические поползновения (претензии) на собственный суверенитет относительно КНР как единого государства. Интенсивная деятельность представителей спортдипломатии со всех сторон возникшего противостояния позволила достичь компромиссных решений в превалирующем числе случаев, что позволило обеим сторонам одновременно участвовать в культурных мероприятиях, в том числе спортивных соревнованиях.

В данном контексте необходимо учитывать, что каждая международная спортивная организация либо устанавливает свои собственные правила, определяющие право участников соревноваться за определенные страны, либо предоставляет это право национальным спортивным федерациям. Такого рода вопрос может стать весьма спорным, поскольку затрагивает категории справедливости в межстрановой конкуренции и раскрывает многие традиционные конструкции политики идентичности, лежащие в основе большей части дипломатии в целом и спортдипломатии в частности. Участники соревнований нередко имеют родителей из разных стран; происходят из семьи, проживающей в стране, отличной от страны их гражданства (подданства); проживают и тренируются в стране, не являющейся изначально их родиной, или мигрируют (с целью получения образования или по другим причинам, включая политические или экономические) из одной страны в другую.

Многие спортивные федерации в странах, которые являются небольшими по территории, испытывают финансовые затруднения, прежде всего при осуществлении спортивных инвестиций. Как правило, они придерживаются весьма либеральной политики отбора спортсменов, призванной побудить участников из основных диаспор такой страны соревноваться прежде всего от имени своей родовой нации. В отдельных случаях такой подход ставит участников – представителей диаспор в весьма удачное, выгодное по-

ложение, поскольку они изначально наделены множественными правами и могут самостоятельно выбирать государство, от имени которого будут участвовать в спортивных соревнованиях. Но для того, чтобы международные соревнования проходили успешно, национальные решения о допуске должны восприниматься соответствующей международной спортивной федерацией и другими соревнующимися странами как легитимные. В связи с этим отметим, что в истории ОИ право на участие оспаривалось даже по таким критериям, как например, пол, как в случае со спортсменкой К. Семеня из ЮАР, которую отдельные спортивные функционеры высокого уровня пытались признать спортсменом, чтобы запретить ей принимать участие в легкоатлетических соревнованиях, проводимых среди женщин, за что им пришлось впоследствии принести официальные извинения [10].

Следующий немаловажный вопрос спортдипломатии, связанный с аккредитацией и признанием, касается случаев, когда национальные спортивные федерации, аккредитованные для участия в международных соревнованиях, не совпадают с суверенными государствами и признанными международными границами. Такая ситуация возникает в первую очередь по историческим причинам, например, в футболе и регби, когда «национальные» команды Англии, Шотландии и Уэльса признаны ФИФА, Международным советом по регби (IRB) и МОК самостоятельными соперниками. Лишь в редких случаях участники этих команд соревнуются в составе британской команды, как, например, в случае команды «Британские и ирландские львы» (British & Irish Lions) в регби. Подобный подход, разделяющий нации и ослабляющий незыблемость национального суверенитета, неприемлем для российского спорта, объединяющего спортсменов всех наций и национальностей, проживающих в России.

Более сложный вопрос о признании и аккредитации возникает, когда отдельные спортсмены и национальные спортивные федерации не признают какую-либо международную спортивную организацию в достаточной степени авторитетным организатором международных соревнований в этом виде спорта. Подобного рода ситуации напоминают случаи в межгосударственной дипломатии, когда государства присоединяются к перекрывающимся и в некотором смысле «соперничающим» региональным торговым группам и группировкам для того, чтобы из членства в

каждой из них извлечь выгоду, которую они не могли бы получить, участвуя только в одной.

Так, Южная Африка, например, является членом Африканского союза, Сообщества развития стран юга Африки, Таможенного союза стран юга Африки и группы Индии, Бразилии и Южной Африки. В этих относительно необычных ситуациях в спортивной дипломатии соперничающие между собой международные спортивные организации начинают подготовку к соревнованиям по одному виду спорта, претендуя на статус официальной международной организации по конкретному виду спорта. Рассматриваемые организации мотивируют участников стремиться к победе в чемпионатах, проводимых всеми соответствующими конкурирующими организациями, чтобы получить всеобщее признание в качестве чемпиона мира. В частности, бокс столкнулся с самой печально известной из этих ситуаций, когда порой до шести соперничающих организаций одновременно претендовали и продолжают претендовать на звание официальной международной организации по этому виду спорта. Подобного рода подход нацелен на временную дезинтеграцию мирового спортивного движения, но, учитывая происходящую мультиполяризацию современного миропорядка, позволяет устранить доминирующую роль США и их сателлитов в сфере мирового спортивного регулирования, например, при возможности последующего объединения усилий в этом направлении Россией и КНР.

Но существуют и более приемлемые возможности, например, в случаях, когда суверенные границы государств изменяются по обоюдному согласию стран, имеющих добрососедские отношения. При этом спортсмены участвуют в соревнованиях в составе одной команды несмотря на возникающие дипломатические проблемы аккредитации и представительства в отношении таких стран на конкретных спортивных соревнованиях. Подобные ситуации должны прямо регулироваться международными спортивными организациями, если они действительно стремятся оправдать собственные глобальные ожидания относительно того, что все спортсмены, отвечающие их стандартам качества, будут допущены к конкретным соревнованиям. Так, например, в конце 1991 г. национальные спортивные федерации республик – преемников СССР еще не были достаточно организованы, чтобы самостоятельно принять участие в ЛОИ 1992 г. в Барселоне. Тогда МОК договорился о соглашении, в соответствии с кото-

рым бывшие советские республики в последний раз должны были соревноваться под олимпийским флагом вместе под названием «Объединенная команда» (Equire Unifée). По схеме, аналогичной Equire Unifée, на ОИ выступала и объединенная команда Германии (ФРГ и бывшего ГДР).

В современных условиях спортивным командам нашей страны для преодоления санкционных запретов, возможно, было бы целесообразно на первоначальных этапах начать использовать возможности Equire Unifée через наднациональные спортивные органы, действующие в формате государств – членов СНГ (Совет по ФиС СНГ) или в формате (под эгидой) других авторитетных региональных международных организаций, в которых Россия выступает в качестве постоянного члена-участника (прежде всего ЕАЭС и ШОС), вплоть до полного устранения препятствий для полноценного возвращения российских спортивных команд в большой спорт. В указанных целях представляется необходимым дополнить статью 40 ФЗ о ФиС частью 5 следующего содержания: «В случаях введения санкций в отношении Российской Федерации в части запрета участия российских спортсменов в международных спортивных соревнованиях допускается участие национальных команд и отдельных спортсменов от имени объединенных команд, формируемых в формате региональных международных организаций, постоянными членами которых является Российская Федерация, в соответствии с правилами, предусмотренными частями 1–4 настоящей статьи».

В завершение отметим, что приведенная законодательная новация, по нашему мнению, позволит России в наиболее полном объеме использовать механизмы и инструменты спортдипломатии, что предусмотрено Стратегией развития ФиС¹, в современных непростых условиях агрессивной политики, реализуемой США и их сателлитами. Это будет способствовать легитимизации процедур дальнейшего участия российских спортсменов в международных спортивных соревнованиях; позволит отечественным спорткомитетам, спортивным ассоциациям и другим заинтересованным институтам и организациям гражданского обще-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 49. – Ст. 7958.

ства реализовывать и развивать наравне с уже имеющимися такие методики спортдипломатии, как пинг-понговая, крикетная и инновационные, которые могут получить названия хоккейной, мини-футбольной, гандбольной и т. п. по аналогии с успешно реализуемой во второй половине прошлого века общекультурной балетной дипломати-

ей и технократической дипломатией, а именно космической, усилия которой даже в самые непростые времена не дали дойти до полного прекращения совместных программ по исследованию космического пространства. Это могло бы придать новый импульс развитию российского спорта высших достижений.

Список литературы

1. Васильев И. А., Шевелева Н. А. Отстранения российских спортивных федераций и спортсменов: неправомерные ULTIMA RATIO // Закон. – 2022. – № 8. – С. 60–70.
2. Гущин Н. На каком правовом основании отстранили российских спортсменов от участия в международных соревнованиях? // Sports.ru – 17.04.2022. – URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/droitsportif/3034455.html>
3. Жилиев Д. «Мерзкая ситуация»: МОК выставил условия для возвращения россиян на соревнования // Газета.ру. – 26.01.2023. – URL: https://www.gazeta.ru/sport/2023/01/26/a_16147681.shtml?updated
4. История финалов ЧМ. 2002, 2006 и 2010 годы // LiveSport.ru. – 12.06.2014. – URL: https://www.livesport.ru/football/2014/06/12/world_cup_history/
5. Коваленко Е. Ю., Шавандина О. А. Правовое регулирование международного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами в области физической культуры и спорта // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 96–102.
6. Крупнейший коррупционный скандал в истории Европарламента. Кто стал фигурантом расследования и при чем здесь ЧМ-2022 // Московские новости. – 13.12.2022. – URL: <https://www.mn.ru/smart/krupnejshij-korruptzionnyj-skandal-v-istorii-evroparlamenta-kto-stal-figurantom-rassledovaniya-i-pri-chem-zdes-chm-2022>
7. МОК: требующие отстранить россиян от Олимпиады страны игнорируют права человека // НТВ. – 15.02.2023. – URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2747906/>
8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.02.2023 // Президент России. – 21.02.2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565>
9. Рогов А., Астахов С. Олег Матыцин в Интервью «Матч» о новых реалиях российского спорта: «Теперь девиз мок выглядит двусмысленно. «Вместе», но против кого?» – URL: <http://minsport.gov.ru/press-centre/interview/37402/>
10. Суд Швейцарии: Кастер Семеня нарушает принцип недискриминации // Вести.ру. – 10.09.2020. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2456054>
11. Тунов В. А. Особенности взаимодействия России и стран Северной Европы в сфере спорта: исторический аспект // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Вып. 12. – С. 140–144.
12. Brenkley S. ICC denies corruption is rife while Pakistan claim victimisation of players // Independent. – 04.09.2010. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.941c5664-6401f495-0e39fd39-74722d776562/https/www.independent.co.uk/sport/cricket/icc-denies-corruption-is-rife-while-pakistan-claim-victimisation-of-players-2069942.html
13. Gerke A. Interorganizational linkages in sport industry clusters - types, development, and motives / Conference: Annual conference of European Acacemy of Management (EURAM) // Research Gate. – June, 2015. – URL: https://www.researchgate.net/publication/286933726_Interorganizational_linkages_in_sport_industry_clusters_-_types_development_and_motives
14. Lee M. Sport, cross-cultural communication, and international understanding // Academy.edu – 02.05.2003. – URL: https://www.academia.edu/3310253/SPORT_CROSS_CULTURAL_COMMUNICATION_AND_INTERNATIONAL_UNDERSTANDING
15. Stuart M., Geoffrey A. P. Mapping the relationship between international sport and diplomacy Stuart Murray and Geoffrey Allen Pigmanb // Sport Diplomacy Academy. – 2018-1-EACS-EMS-000114. – URL: <https://www.eusportdiplomacy.info/files/2-10.1.1.883.3153.pdf>

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-138-146>

Частноправовые аспекты отношений в области спорта с иностранным элементом

М. А. Мохаммад Сарвар

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков
Института иностранных языков Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы.

Адрес: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
E-mail: dorzhelod@mail.ru

Private Law Aspects of Relations in the Field of Sports with a Foreign Element

M. A. Mohammad Sarwar

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages
of the Institute of the Foreign Languages of RUDN University.

Address: Peoples' Friendship university of Russia,
6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation.
E-mail: dorzhelod@mail.ru

Аннотация

Характер отношений спортсменов (спортивных команд), спортивных агентов, клубов, спортивных клубов (спортивных федераций) основан на равноправии, свободе договора и автономии воли сторон, т. е. на отношениях, регулируемых нормами частного права. Эта сфера общественных отношений, как и любая другая, проходит начальный этап развития, для которого характерен правовой вакуум – отсутствие регулирующих ее норм права. Однако даже в этом случае она регулируется общими нормами частноправовых договоров, которые могут быть унифицированы (либо государством, либо одной из сторон общественных отношений). Кроме того, очевидно, что частноправовые договоры априори подчинены нормам действующего законодательства. Данная статья представляет собой попытку выявить основные проблемные вопросы правового регулирования отношений в области, регулируемой договорными нормами, с целью определения направления его развития.

Ключевые слова: право, спортивные агенты, футбол, спортивное право, частное право, *lex mercatoria*, спортивное гражданство, коллизионные нормы, теория «живого права».

Abstract

The nature of relations between athletes (sports teams), sports agents, clubs, sports clubs (sports federations) is based on equality, freedom of contract and autonomy of the will of the parties, i. e. on relations regulated by private law. This scope of public relations, like any other, is undergoing an initial stage of development, which is characterized by a legal vacuum – the absence of legal norms regulating it. However, even in this case, it is regulated by the general rules of private law contracts, which can be unified (either by the state or by one of the parties to public relations). In addition, it is obvious that private law contracts are a priori subject to the norms of current legislation. This article is an attempt to identify the main problematic issues of legal regulation of relations in the field regulated by contractual norms in order to determine the direction of its development.

Keywords: law, sports agents, football, sports law, private law, *lex mercatoria*, sports citizenship, conflict of laws rules, theory of “living law”.

Современное развитие коммерческих отношений в области спорта достигло уровня, на котором требуется переосмысление, а возможно, и перераспределение ролей его участников и сторон правоотношений. Если правовое регулирование отношений в сфере оборота и использова-

ния криптовалюты прошло этот путь за неполные 15 лет [10], то коммерческие отношения в области спорта развиваются уже около столетия.

На международном трансфертном рынке действуют десятки тысяч спортивных агентов. Фактически их полномочия ничем не ограничены.

Они могут выступать менеджерами своих спортсменов (спортивных команд), но также могут фактически управлять их активами (под прикрытием консультаций по вопросам управления), давать советы по вопросам оптимизации налогообложения их имущества, заниматься согласованием и подписанием договоров на право использования имиджа принципала, а также на продвижение образа спортсменов в СМИ и рекламе, подобно рекламным агентам. Важность их роли определяется количеством и разнообразием выполняемых ими задач. Именно агенты чаще всего принимают решения о заключении той или иной сделки. Регламентация данной деятельности существенно варьируется от одного правового порядка к другому. На международном уровне ФИФА, являясь негосударственной организацией, регламентирует деятельность агентов футболистов, которые должны соблюдать и выполнять требования норм, указаний и решений компетентных органов ФИФА, национальных футбольных федераций и законодательства государства основного места своей деятельности (*place of business*). К. И. Налетов справедливо сравнивает положения унифицированных международных обычаев коммерческого оборота с актами органов исполнительной власти – и те, и другие обладают большей гибкостью по сравнению соответственно с международными договорами и законами, для их разработчиков характерно обладание гораздо более объективной и конкретной информацией о процессах, происходящих в регулируемой сфере жизни общества [12].

На практике распространена работа футбольных агентов без лицензии, в частности, регламент Российского футбольного союза (далее – РФС) прямо предусматривает возможность выбора родственников или юристов¹ в качестве агентов. Эти лица не контролируются ни ФИФА, ни иной континентальной или национальной федерацией футбола. Запрет на заключение договоров с агентами, не имеющими «лицензии» РФС, не создает другим нелицензированным агентам непреодолимых препятствий в их деятельности – они могут передать полномочия по заключению договоров лицам, имеющим такую «лицензию», что, безусловно, поднимет статус

лицензированных агентов РФС, однако конечной цели не достигнет.

Принцип свободы договора – основной принцип гражданского законодательства – легализует «договоры об использовании имиджа игрока». Такие договоры часто применяются для прикрытия выплат денежных средств агентам за совершенно другие услуги.

Механическое распространение норм частного права на отношения спортивного агента и спортсмена оправдано лишь на первый взгляд. Усиление публично-правовых начал в регулировании отношений спортивных агентов и футболистов возможно следующими двумя путями: 1) реформирование норм гражданского законодательства, которое не является тождественным частному праву, так как, согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ), нормы договора сторон должны соответствовать нормам закона; 2) усиление административно-правового регулирования отношений в области спорта: введение санкций за нарушение норм законодательства о спорте.

С развитием общественных отношений их публично-правовое регулирование усиливается, расширяя свое действие *in rem*² и *in personam*³.

Международное публичное право также постепенно распространяет действие своих норм на отношения спортивных агентов и футболистов. Так, с 2013 г. по инициативе FATF (ФАТФ, группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), проявлявшей повышенное внимание к операциям футбольных агентов и определяющей практически любую операцию с их участием как подозрительную, ФИФА прекратила действие международно-правового статуса футбольного агента – было отменено лицензирование ФИФА футбольных агентов, сами агенты были выведены из-под действия норм ФИФА, их правовой статус стал определяться нормами национальных правовых порядков. Национальные футбольные федерации получили полную свободу в принятии решения – отказываться от лицензирования агентов или оставить его в силе на национальном уровне.

Регламент ФИФА для агентов игроков дал им следующее определение: «физическое лицо,

¹ В качестве таковых понимаются лица, имеющие диплом юриста российского или зарубежного юридического вуза.

² Здесь: по сфере регулируемых общественных отношений (лат.).

³ Здесь: по кругу лиц (лат.).

налаживающее за вознаграждение взаимодействие игрока с клубом для переговоров по заключению или перезаключению трудового договора или между двумя клубами по заключению трансферного договора». Если строго придерживаться данного определения, то это приведет к тому, что деятельность спортивного агента ограничится посредническими услугами на рынке спортивных кадров. Между тем современные функции спортивного агента очевидно более широки.

Современная система взаимодействия спортивного агента и спортсмена предполагает несравнимо больший удельный вес «сопутствующих» услуг, спектр которых зависит от двух факторов: 1) потребностей клиента спортивного агента – спортсмена или спортивной организации и 2) степени и сферы востребованности имиджа спортсмена. В результате вся эта деятельность футбольного агента фактически выпадает из сферы правового регулирования.

Частноправовой характер регулирования отношений спортивных агентов, клубов и футболистов представляется очевидным. Однако относятся ли эти отношения к категории предпринимательских? От ответа на этот вопрос зависит дальнейшее развитие правового регулирования этих отношений. Следует согласиться с М. Г. Мехтиевым в том, что коммерциализация общественных отношений исключает (или, во всяком случае, серьезно ограничивает) государственное участие в них [11]. С точки зрения Н. В. Власовой, деятельность спортивного агента, осложненная иностранным элементом, подпадает под действие международного торгового права [4]. Д. В. Сараевым, напротив, отстаивается самостоятельная роль спортивного права [17]. Представлена в российской юридической науке и точка зрения о трудовом характере отношений спортивного агента и спортсмена [6]. Несмотря на постепенную глобализацию отношений, регулируемых нормами частного права, очевидно, что процесс глобализации собственно частного права происходит крайне медленно – ни о каком глобальном праве не может пока идти и речи [2]. В настоящее время можно говорить о его унификации и гармонизации на региональном, но не глобальном уровне [3]. Это усугубляется и такой характерной особенностью частного права, как его ригидность относительно изменившихся общественных отношений – политических, экономических, международных.

Между тем спорт (и в особенности футбол) является той областью общественных отношений, в которой процесс глобализации является всепроникающим и выражен наиболее ярко. Вряд ли кого-то удивит факт выступления иностранных граждан в спортивных соревнованиях в российских футбольных командах, что почти всегда сопряжено с постоянным проживанием на территории России (а то и получением гражданства Российской Федерации), заключением договоров по российскому праву (в том числе агентских). Возник даже термин «спортивное гражданство», имеющий своей первопричиной автономию спорта как внеполитического института общественной жизни [21].

Основой спортивного гражданства является автономия выбора спортсменом того, за сборную какого государства он будет выступать на международных соревнованиях¹. В современной практике распространены случаи манипулирования допуском спортсмена к соревнованиям, который обусловлен сменой им гражданства. Во всех этих случаях речь идет именно о спортивном (а не фактическом) гражданстве спортсмена. Но нельзя не учитывать и того, что спортсмен выступает не только за государство своего гражданства, но и за соответствующую спортивную федерацию по конкретному виду спорта. Это означает, что в спортивном гражданстве связь спортсмена и соответствующего государства все же присутствует, хотя и будучи опосредованной. Из этого следует, что теоретически спортивное гражданство не является автономным явлением и соответствует фактическому гражданству спортсмена.

Однако при смене фактического гражданства смена спортивного гражданства не происходит автоматически. Международные спортивные организации самостоятельно устанавливают ограничения смены спортивного гражданства вследствие изменения гражданства фактического.

Так, согласно статье 15 Правил применения Устава Международной федерации футбольных ассоциаций (FIFA), футболист, принявший участие в официальных соревнованиях за основную или молодежную сборную футбольной федерации государства своего гражданства, сохраняет спортивное гражданство этого государства и не

¹ Puerto Rico Amateur Baseball Federation v. USA Baseball, CAS 95/132, 15 March 1996.

может его изменить и выступать за сборные команды любой другой футбольной федерации.

А. В. Сердюков полагает, что «подобные жесткие правила определения и изменения спортивного гражданства противоречат международным представлениям о правах человека и механизмам их защиты» [18]. В обоснование указанного утверждения А. В. Сердюков ссылается на пункт 2 статьи 15 Всеобщей декларации прав человека, запрещающий произвольное лишение гражданства или права изменить его.

Однако следует обратить внимание на то, что процитированные выше Правила применения Устава ФИФА не запрещают смену фактического гражданства футболиста и не создают препятствий для него, а относятся как раз к спортивному гражданству, которое, как признает сам же А. В. Сердюков, «следует» гражданству фактическому. Однако, по мнению А. В. Сердюкова, понимание спортивного гражданства¹ как проявления фактического по неназванной А. В. Сердюковым причине означает, что положения руководящих документов некоторых международных федераций «однозначно идут вразрез» с пунктом 2 статьи 15 Всеобщей декларации прав человека. В данном утверждении А. В. Сердюков противоречит сам себе – логичнее было бы утверждать, что зависимость спортивного гражданства от фактического как раз сближает положения внутренних норм спортивных федераций и вышеназванного пункта Всеобщей декларации прав человека.

По непонятным причинам А. В. Сердюков считает спорной практику лимитирования числа спортсменов, приобретших гражданство путем натурализации. Напомним, что ряд конституционных норм государств американского континента и государств Прибалтики различают правовой статус гражданина, приобретшего гражданство путем натурализации, и гражданина, приобретшего гражданство по праву рождения (согласно *ius soli*² или *ius sanguinis*³ соответственно) [8]. Не осталась в стороне и Российская Федерация – правовой статус лиц, приобретших гражданство России по иным основаниям, нежели рождение, приобретает все больше различий [16].

¹ Примечательно, что А. В. Сердюков употребляет этот термин, заключая его в кавычки, – очевидно, осознавая фиктивность данного института.

² По праву крови (лат).

³ По праву почвы (лат).

Таким образом, налицо противоречие между глобальным по своей сути миром «сущего» и остающимся на национально-правовом уровне миром «должного». Преодоление этих противоречий осуществляется при помощи коллизионных норм, которые отвечают на вопрос о том, правопорядок какого государства подлежит применению в качестве инструмента регулирования тех или иных отношений.

Поскольку российское законодательство не содержит ограничений конституционного принципа по применению национального режима в отношении спортивных агентов, постольку иностранные спортивные агенты могут действовать на территории Российской Федерации без ограничений. Лишь в случае, если иностранное юридическое лицо намерено выступить в качестве иностранного инвестора на территории Российской Федерации (что явно не входит в сферу деятельности спортивных агентов), оно должно пройти процесс аккредитации представительства или филиала на территории России. Поскольку отношения спортивного агента и футболиста (спортивных клубов) регулируются нормами гражданско-правовых договоров, постольку нормы трудового законодательства не распространяются на их отношения.

В силу привязки личного закона спортсмена или агента – физического лица к закону страны гражданства (часть 1 статьи 1195 ГК РФ) или к месту жительства иностранным правом может определяться содержание правоспособности спортсмена или агента. Статья 1201 ГК РФ указывает, что право лица заниматься предпринимательской деятельностью определяется местом регистрации этого лица в качестве предпринимателя, при отсутствии такового – согласно закону страны основного места деятельности. Содержание правоспособности физического лица также определяется его личным законом (законом гражданства или законом страны постоянного проживания). Таким образом, иностранный спортивный агент, личный закон которого, а значит, и правоспособность определяются законом страны его гражданства (места жительства), а способность заниматься предпринимательской деятельностью – законом страны основного места деятельности, поставлен в преимущественные условия по сравнению с российским спортивным агентом, поскольку право страны гражданства, постоянного места жительства или основного

места деятельности может не предусматривать аккредитации спортивных агентов.

Постоянный характер проживания (резидентство, домицилий) на территории иностранного государства определяется на основании норм права этого государства. Что же касается основного места деятельности, то современная российская судебная практика понимает под ним место ведения экономической деятельности, откуда происходит управление делами спортивного агента¹. Практику судов иностранных государств по этому вопросу нельзя назвать однозначной [12].

Спортивный агент – юридическое лицо подчиняется в пределах действия личного статута праву страны учреждения. В частности, им определяется: 1) сделкоспособность юридического лица, 2) статус организации в качестве юридического лица, 3) внутрикорпоративные отношения и способность нести юридическую ответственность, равно как и 4) возможность субсидиарной ответственности учредителей (участников) по его обязательствам. Это представляется актуальным, учитывая специфические требования в правовых порядках различных государств к спортивным агентам – юридическим лицам, которые зачастую являются некоммерческими организациями.

На практике при заключении, например, трансфертного контракта с иностранным элементом в дополнение к избранному применимому праву стороны закрепляют ссылку на правила регламентов международных и национальных спортивных федераций. Данная практика крайне спорна. Далеко не всеми специалистами и практикующими юристами разделяется мнение о возможности использовать *lex mercatoria* в качестве права, избранного сторонами, поскольку таковым, по их мнению, может быть только право конкретного государства [22]. Большинство российских специалистов придерживается такой точки зрения. Среди иностранных специалистов наиболее ярко это мнение отразил английский судья лорд Диплок в решении Палаты лордов по делу *Amin Rasheed Insurance Co v Yuval Insurance Co* (1983), указав следующее: «... контракты не существуют в правовом вакууме. Они

всего лишь клочки бумаги, лишённые всякой правовой силы, если они не заключены со ссылкой на какую-либо систему частного права, предписывающую принудительные средства, которые могут быть применены судом»². Иной позиции придерживается Н. А. Новикова, полагая, что *lex mercatoria* следует оставаться исключительно договорными условиями в рамках конкретных правоотношений [15]. На практике такие оговорки встречаются достаточно часто.

Международные частноправовые отношения в спорте полностью подпадают под регулирование в сфере международного частного права – принципы выбора применимого права сторонами договоров спортивных агентов, спортивных клубов и спортсменов ничем не отличаются от принципов, применимых к остальным частноправовым соглашениям.

Согласно части 3 статьи 1186 ГК РФ наличие норм материального права, установленных международным договором и применимых к соответствующей области регулируемых им общественных отношений, исключает определение на основании коллизионных норм. Эта норма подтверждает движение действующих правовых порядков к глобальному праву.

Одно из классических определений права, принадлежащее перу представителей социологической школы права, придает характеристику права реальной практике, воплощенной в конкретных решениях в сфере предпринимательской деятельности и в других фактически сложившихся общественных отношениях (так называемая теория «живого права»). При этом одно из направлений данной теории, выраженное в трудах австрийского ученого Ойгена Эрлиха, придерживается теории множественности правовых систем, дополняющих пробелы в регулировании общественных отношений классическими инструментами права, которые исходят от государства. Развив тривиальную в целом мысль об общественном характере права, О. Эрлих не противопоставляет «живое право» праву, выраженному в нормативных актах, исходящих от государства. О. Эрлих с самого начала говорил о праве как о «едином механизме, характерном

¹ Пункт 33 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // «Российская газета». – № 154 от 17 июля 2019 г.

² Цит. по: Панасенко М. Возможность выбора ненационального права: *lex mercatoria* // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-3/2001-3-panasenko>

для всех цивилизованных народов» [20]. В качестве источников «живого права» в материальном смысле этого слова О. Эрлих называл нормы «самодействующего порядка общества, вытекающие из организационных и уставных положений различных союзов, как признанных законом, так и игнорируемых и даже отрицаемых им» [1] (выражаясь языком современного международного права – «акторов»). Напротив, субъекты «живого права» суть индивиды, существующие исключительно в качестве членов бесчисленных союзов, в жизни которых они принимают участие.

Термин «международное спортивное право» используется в современной юридической литературе в двух значениях: как обозначение совокупности актов международного уровня, регулирующих международные отношения в области спорта (международные договоры, акты международных организаций, прежде всего МОК и МОТ), и как *lex sportiva*. Последняя является автономной правовой системой, основанной на: а) локальных нормативных актах национальных футбольных ассоциаций и б) нормах *lex mercatoria*, затрагивающих договорные отношения между футболистами и футбольными агентами (посредниками).

Международных договоров, регулирующих предметно агентские отношения, в спорте не существует. Рассматриваемая в данной статье Конвенция 1978 года о праве, применимом к агентским договорам, во-первых, является источником коллизионно-правовых норм, то есть не отвечает на правовые вопросы по существу, но лишь указывает на подлежащее применению право. Таким образом, эта категория отношений подпадает под действие множества международных договоров, регулирующих их попутно.

И. Б. Эйдельман указывает на применимость к ним Конвенции МОТ № 88 «Об организации службы занятости» 1948 г. и Конвенции МОТ № 181 «О частных агентствах занятости» 1997 г. [19]. Однако И. Б. Эйдельман, во-первых, игнорирует то, что деятельность агентств занятости, а тем более частных агентств занятости, если и подпадает под действие норм трудового права, то весьма фрагментарно, во-вторых, деятельность современных футбольных агентов отнюдь не ограничивается трудоустройством футболистов в футбольные клубы. Он указывает, что в предмет деятельности спортивного агента входят не только услуги по оформлению трудовых отношений клиента с потенциальными работода-

телями, но и так называемые переходы спортсмена из одного спортивного клуба в другой, представительские, консультационные, посреднические действия как юридического, так и фактического характера.

Согласно статье 4 Международной хартии физического воспитания и спорта¹, любое лицо, профессионально занятое в сфере спорта, должно обладать соответствующей подготовкой и иметь надлежащую квалификацию. Также квалификация требуется и в соответствии с положениями (статьей 9) Спортивной хартии Европы², в которой особо отмечается отсутствие различия между любительским и профессиональным спортом с международно-правовой точки зрения.

Отсутствие международного договора, регулирующего агентские отношения в спорте, переносит центр тяжести на нормы *lex sportiva* – кодифицированные нормы международных обычаев. По мнению автора данной статьи, к категории международных обычаев относятся и нератифицированные международные договоры, в том числе разработанная Международной торговой палатой Конвенция 1978 г. о праве, применимом к агентским договорам. Как и ФИФА, она является международной неправительственной организацией, т. е. субъектом частного права. В рамках данной организации были разработаны два документа: Руководство по составлению торговых агентских соглашений между сторонами, находящимися в разных государствах³, и Типовой коммерческий агентский контракт⁴. И. Б. Эйдельман возражает против применения Руководства по составлению торговых агентских соглашений между сторонами, находящимися в разных государствах, к отношениям агента и

¹ Международная хартия физического воспитания и спорта (принята в г. Париже 21 ноября 1978 г. на 20-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 186–190.

² Спортивная хартия Европы (принята на VII конференции министров по спорту государств Европы 14–15 мая 1992 г. на Родосе) // Международный журнал спортивной информации на русском языке. – 1996. – № 1-1.

³ Руководство Международной торговой палаты по составлению торговых агентских соглашений между сторонами, находящимися в разных странах, с изм. и доп. 1983 г. // Публикация Международной торговой палаты № 410. – 1983.

⁴ Типовой коммерческий агентский контракт Международной торговой палаты / пер. с англ. – Публикация Международной торговой палаты № 496. – М., 1996.

спортсмена ввиду того, что он применяется к отношениям в сфере торговли, что, по мнению И. Б. Эйдельмана, не может быть в полной мере применимо к агентской деятельности в спорте [19]. Также отрицают применимость к этим отношениям юридических характеристик «торговли» В. Д. Горлова [5] и Ю. В. Зайцев [7]. Соглашаясь с И. Б. Эйдельманом относительно ограниченной применимости норм данного Руководства к отношениям агента и спортсмена, автор данного исследования считает нужным уточнить, что основанием для такого вывода является не «торговый» характер регулируемых им отношений, но характеристика непосредственного предмета регулирования в качестве «товара».

Крупный специалист в области международного коммерческого арбитража С. В. Николюкин считает возможным применение данного Руководства к отношениям спортивного агента и спортсмена по аналогии [14]. Представляется, что точка зрения С. В. Николюкина имеет рациональное зерно. Во-первых, под «торговой деятельностью», очевидно, подразумеваются предпринимательская деятельность в широком смысле этого слова. Предпринимательский характер деятельности спортивного агента отрицать крайне сложно даже несмотря на то, что чаще всего его деятельность охватывает весьма широкий перечень услуг, предоставляемых спортсмену. Во-вторых, товаром в смысле положений Руководства по составлению торговых агентских соглашений между сторонами, находящимися в разных государствах, следует считать, разумеется, не самого спортсмена¹, но его услуги. Вряд ли можно отрицать исключительно коммерческий характер деятельности шоу-бизнеса, элементы которого в современном спорте (а тем более международном) очевидны. Терминологическое различие между оказанием услуг и куплей-продажей не столь критично для того, чтобы не видеть очевидной аналогии – российское законодательство о внешнеэкономической деятельности давно ввело в правовой оборот институты экспорта и импорта услуг. Таким образом, применение Руководства по составлению торговых агентских соглашений между сторонами, находящимися в разных государствах, к отношениям

агента и спортсмена по аналогии представляется автору данной работы возможным.

Проведенное в настоящей статье исследование позволило прийти к следующим выводам.

Автономия спортивного гражданства от фактического гражданства спортсмена является продуктом деятельности национальных футбольных ассоциаций и ФИФА, которые запрещают лицам, сменившим гражданство, участвовать в соревнованиях от имени государства, гражданство которого они приобрели в случае действия принципа «заигрывания».

При этом нельзя согласиться с тем, что такая практика нарушает принцип недопустимости произвольного лишения гражданства, установленный Всеобщей декларацией прав человека, поскольку указанная практика влияет на спортивное гражданство, но не на фактическое гражданство спортсмена как физического лица.

Вместе с тем несовпадение фактического гражданства и спортивного гражданства отражает главное противоречие права как социального явления – противоречие между «сущим» и «должным»: фактически сложившиеся отношения глобальны, тогда как интерес любого государства объективно состоит в том, чтобы регулировать эти отношения исключительно на национально-правовом уровне.

Иностранные спортивные агенты пользуются преимуществом перед российскими спортивными агентами – право страны гражданства, постоянного места жительства или основного места деятельности иностранного футбольного агента может не предусматривать аккредитации спортивных агентов, следовательно, иностранный футбольный агент обладает этим статусом *ipso facto*, т. е. в силу самого его существования, тогда как российский спортивный агент должен получать лицензию Российского футбольного союза (РФС), что априори ставит определенные категории иностранных футбольных агентов в преимущественное положение по сравнению с российским футбольным агентом.

На международном уровне «центр тяжести» правового регулирования приходится на нормы *lex sportiva* – нормы ФИФА, регулирующие правовой режим спортсменов и футбольных агентов и нормы права международных «торговых» обычаев, применимые к агентским договорам и регулирующие отношения сторон любых коммерческих договоров частноправовой природы независимо от их вида (Принципы международных коммер-

¹ Несмотря на это, широкое употребление в обиходе словосочетаний «продажа игрока» или «аренда игрока» не встречает сопротивления.

ческих договоров Международного института по унификации частного права УНИДРУА, Принципы европейского договорного права (PECL) и т. д.).

Посредническая деятельность в футболе приобрела с 2014 г. двойную юридическую природу – с одной стороны, особенности деятельности футбольных посредников определяются нормами национального законодательства государства в

зависимости от того, какое право подлежит применению в силу договора сторон, либо коллизии нормами. С другой стороны, минимальные требования к футбольным агентам и правила их взаимодействия устанавливаются исключительно нормами обычного права – локальными нормативными актами футбольных ассоциаций национального уровня.

Список литературы

1. Антонов М. В. Ойген Эрлих: Живое право против правового плюрализма? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 1 (306). – С. 157–181.
2. Василькова С. В. Правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в контексте национальной и экономической безопасности государства // Экономика. Право. Общество. – 2023. – Т. 8. – № 1 (33). – С. 120–125.
3. Василькова С. В. Стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии в области энергетической политики и права // Ученые записки юридического факультета. – 2022. – № 4. – С. 13–19.
4. Власова Н. В. Коммерческие агентские контракты: рекомендательные акты МТП // Журнал российского права. – 2012. – № 2. – С. 116–126.
5. Горлова Д. В. Правовая природа перехода (трансфера) спортсмена-профессионала по футболу // Спорт: экономика, право, управление. – 2005. – № 4. – С. 18–23.
6. Гужов А. А. Профессиональные союзы в спорте: история и современность // Спорт: экономика, право, управление. – 2010. – № 4. – С. 26–29.
7. Зайцев Ю. В. Правовая природа переходов спортсменов // Спорт: экономика, право, управление. – 2009. – № 4. – С. 18–24.
8. Курбанов Р. А. Евразийское право. Теоретические основы: монография; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М. : Юнити-Дана, 2015.
9. Мехтиев М. Г. Международно-правовые механизмы преодоления дисбалансов в мировой финансовой системе // Экономика. Право. Общество. – 2021. – Т. 6. № 4 (28). – С. 43–56.
10. Мехтиев М. Г. Природа криптовалют и их правового регулирования: международно-правовой и сравнительно-правовой аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 3. – С. 31–42.
11. Мехтиев М. Г. Проблемы правового обеспечения продовольственной безопасности в условиях свободы ценообразования: международно-правовой аспект и конституционные гарантии // Ученые записки юридического факультета. – 2022. – № 4. – С. 40–46.
12. Налетов К. И. Гарантии как способ обеспечения исполнения обязательств в международном коммерческом обороте // Экономика. Право. Общество. – 2016. – № 4 (8). – С. 30–39.
13. Налетов К. И. Задачи современного международного права в условиях дезинтеграции мирового сообщества // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. – М. : Издательский дом «УМЦ», 2023.
14. Николюкин С. В. Агентские соглашения в предпринимательском обороте: национальное и международно-правовое регулирование // Законодательство и экономика. – 2011. – № 10. – С. 63–73.
15. Новикова Н. А. Lex mercatoria как источник международного частного права // Научный диалог. – 2013. – № 12 (24) : Общественные науки. – С. 59–63.
16. Право и экономическая деятельность (экономическое право) : учебник / Р. А. Курбанов, Ю. А. Крохина, Р. А. Гарагурбанлы [и др.] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. – М. : Проспект, 2023.
17. Сараев В. В. Отдельные вопросы правового регулирования коммерческой деятельности в профессиональном спорте // Спорт: экономика, право, управление. – 2010. – № 4. – С. 11–16.
18. Сердюков А. В. «Спортивное гражданство»: отражение классического правового института в спортивном праве // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 2. – С. 52–59.

19. *Эйдельман И. Б.* Современные концепции нормативно-правового регулирования агентской деятельности в спорте // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 11. – С. 124–131.
20. *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю.И. Гревцова. – СПб. : Университетский издательский консорциум, 2011.
21. *Beloff M., Kerr T., Demetriou M.* Sports Law. – Portland, Oregon, 2000.
22. *Goldman B.* The applicable law: general principles of law – Lex Mercatoria. – The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1987.
23. *Lowenfeld A.* Lex mercatoria and Arbitration. New York, 1990.

Особенности становления права Евразийского экономического союза

М. О. Ключник

специалист отдела государственной гражданской службы и кадров
Межрегионального контрактного управления Федерального казначейства.

Адрес: Федеральное казначейство,
101000, Москва, Большой Златоустинский пер, д. 6, стр.1.

E-mail: marina.klyushnik@yandex.ru

Features of the Formation of the Law of the Eurasian Economic Union

M. O. Klyushnik

Specialist of the Department of State Civil Service and Personnel
of Interregional Contract Management Office of the Federal Treasury.

Address: Federal Treasury,
6 b.1 Bolshoy Zlatoustinsky lane, Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: marina.klyushnik@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности становления и развития правовой системы Евразийского экономического союза на современном этапе. Автором статьи выделена структура зарождающейся правовой системы ЕАЭС. Также к предмету проведенного в данной статье исследования относится и вопрос об определении места правовых актов ЕАЭС в национальной правовой системе каждого из входящих в интеграционное объединение государств. Право ЕАЭС являет собой особую правовую систему, не совпадающую с системой международного права, но и не входящую структурно в национальное законодательство. Ключевым отличием права ЕАЭС от права ЕС является отказ от расширения действия норм евразийского права за счет так называемых подразумеваемых полномочий, отсутствующих в учредительных документах ЕАЭС. Таким образом выбор был сделан в пользу определенности правового регулирования.

Ключевые слова: международное право, право интеграционных объединений, международные договоры, правосубъектность, правовая система.

Abstract

The article discusses the features of the formation and development of the legal system of the Eurasian Economic Union at the present stage. The author of the article highlights the structure of the emerging legal system of the EAEU. Also, the subject of the research conducted in this article concerns the question of determining the place of the legal acts of the EAEU in the national legal system of each of the member states of the integration association. The law of the EAEU is a special legal system that does not coincide with the system of international law and does not structurally enter into national legislation either. The key difference between the EAEU law and the EU law is the refusal to expand the scope of the norms of Eurasian law due to the so-called "implied" powers that are absent in the constituent documents of the EAEU. Thus, the choice was made in favor of the certainty of legal regulation.

Keywords: international law, law of integration associations, international agreements, legal capacity, legal system.

Вторая половина XX века ознаменовалась расширением международного сотрудничества как на глобальном, так и на региональном уровне. Если ранее для таможенных и экономических союзов было характерно только сотрудничество в сфере производства и торговли, то создание интеграционных объединений привело к

появлению и развитию соответствующего правового регулирования.

Феномен права интеграционных объединений в последнее время привлекает все большее внимание. Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз), несмотря на сравнительно непродолжительную историю, достиг в своей деятельности существенных результатов и являет-

ся неотъемлемым элементом архитектуры международных отношений.

Актуальность работы состоит в том, что в настоящее время право ЕАЭС в основном регламентирует публично-правовые отношения, не реализуя потенциал международных отношений, сформировавшихся на пространстве СНГ и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в полном объеме, что отмечалось К. И. Налетовым и Р. А. Курбановым.

Цель исследования – выявление особенности становления права ЕАЭС.

Материалами исследования послужили нормативно-правовые акты ЕАЭС и государств, входящих в его состав; международные договоры, заключенные интеграционным объединением с третьими странами; практика Суда ЕАЭС. В качестве методов исследования использованы общетеоретические методы, методы анализа, синтеза и обобщения, позволившие систематизировать данные, а также сравнительно-правовой и формально-логический методы.

ЕАЭС – одно из наиболее продвинутых региональных объединений, в котором сотрудничество государств-членов проявляется не только на экономическом, но и на правовом уровне. Говоря об особенностях становления права ЕАЭС, представляется целесообразным кратко остановиться на общей характеристике сущности права интеграционного объединения и его специфике по сравнению с правом других субъектов международного права, в частности, межправительственных организаций. Право ЕАЭС, как целостного интеграционного образования, нацелено на регулирование как внутренних аспектов деятельности союза государств, так и его отношений с третьими странами или такими же объединениями. Для того, чтобы правовая система интеграционного объединения могла выполнять свое предназначение, страны-участницы транслируют на наднациональный уровень некоторые собственные полномочия [3]. В отличие от международных организаций, деятельность которых регулируется нормами международного права, деятельность интеграционных объединений, подобных ЕАЭС, связана не только с международным правом, но и с правовой системой самого объединения.

Правовой основой деятельности ЕАЭС является Договор о Евразийском экономическом сою-

зе, подписанный 29 мая 2014 г. в Астане¹. Нормы, регулирующие правосубъектность ЕАЭС, основные принципы функционирования Союза, полномочия основных руководящих органов и характеристика их правового статуса содержатся в первой части договора.

В соответствии с положениями Договора о ЕАЭС решения таких наднациональных органов, как Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет и Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), носят обязательный характер.

Договор о ЕАЭС является высшим из источников права Евразийского экономического союза и, следовательно, наделен приоритетом по отношению к прочим правовым актам исполнительных органов ЕАЭС, а также заключенным им международным договорам. Ни один нормативный акт, принятый в рамках ЕАЭС, не может противоречить положениям договора, статьей 6 которого введен такой институт как «право Союза».

По своему характеру право Союза отличается как от национальных правовых систем стран, образовавших ЕАЭС, так и от международного права, образуя особый вид права интеграционного объединения, без наличия которого не представляется возможным достижение целей, поставленных при создании Евразийского экономического союза [5]. Фундаментом построения права ЕАЭС послужила нормативно-правовая база, выработанная на первых этапах интеграции в период существования Таможенного Союза и ЕврАзЭС. Вместе с тем можно согласиться с теми авторами, кто рассматривает право ЕАЭС как самостоятельную систему, а не просто завершение процесса выработки согласованных норм международного права в рамках ЕврАзЭС².

Не менее важным представляется определение места права ЕАЭС в системе международного права. Учитывая опыт других интеграционных объединений, в том числе Европейского Союза, в ЕАЭС уже с самого момента создания бы-

¹ Договор о ЕАЭС (ред. от 11 апреля 2017 г.). – URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru>

² Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>

ла зафиксирована его международная правосубъектность.

Специфика правосубъектности ЕАЭС, в отличие от правосубъектности Европейского Союза, заключается в полном отказе от подразумеваемых полномочий, т. е. тех, которые отсутствуют в договоре о создании объединения, но на определенном этапе представляются необходимыми для достижения его цели. Между странами – членами ЕАЭС существует полное взаимопонимание относительно необходимости придерживаться правила нормативного закрепления правосубъектности Союза, и любые попытки со стороны ЕЭК выйти за рамки, определенные Договором о ЕАЭС, немедленно пресекаются.

Между тем такая конструкция создает определенные трудности, так как в результате правовая система ЕАЭС теряет гибкость, особенно когда речь заходит о правовом обеспечении реализации стратегических проектов – таких, к примеру, как Стратегия-2025.

В статье 7 Договора о ЕАЭС говорится о праве Союза на реализацию международного сотрудничества, в том числе на заключение международных договоров как с отдельными государствами, не входящими в состав ЕАЭС, так и с прочими интеграционными объединениями и международными организациями. Давая оценку приведенной формулировке, мы можем заключить, что в международно-правовых отношениях ЕАЭС выступает как самостоятельный субъект. Из этого вывода вытекает следующий: передав отдельные полномочия ЕАЭС, т.е. на наднациональный уровень, государства-участники тем самым частично ограничили собственную международную правосубъектность, лишившись права заключать соглашения с третьими странами без участия ЕЭК или других органов Евразийского экономического союза в тех областях, регулирование которых происходит теперь на уровне всего Союза.

Давая оценку сущности правовой системы ЕАЭС, необходимо принимать во внимание положения консультативного заключения Суда ЕАЭС от 10 июля 2018¹. Суд ЕАЭС подчеркнул различный порядок реализации решений испол-

нительных органов Союза. Так, решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета должны исполняться в порядке, который предусмотрен национальным законодательством государств, входящих в состав ЕАЭС.

В свою очередь, решения Евразийской экономической комиссии являются правовыми актами наднационального органа и в таком качестве должны быть непосредственно распространены на всех членов ЕАЭС.

Проведя анализ положений Договора о присоединении, подписываемого каждой из стран отдельно, Суд ЕАЭС установил, что в рамках интеграционного объединения существует несколько разновидностей правовых актов. Во-первых, это совокупность международных договоров и иных актов, образующих правовую систему ЕАЭС, к которой Суд ЕАЭС отнес в том числе международные договоры, заключенные в период действия Таможенного Союза и ЕврАзЭС. Во-вторых, это решения, которые были приняты в период функционирования ЕврАзЭС, но не потеряли своей юридической силы после образования ЕАЭС. Таким образом, Судом ЕАЭС была определена преемственность между решениями Комиссии таможенного союза и правом ЕАЭС.

Еще один важный вопрос, который необходимо рассмотреть при исследовании особенностей становления права ЕАЭС, заключается в определении его места в национальном порядке каждого из входящих в интеграционное объединение государств.

В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, заключенные Российской Федерацией, входят в национальную правовую систему и получают определенный приоритет, так как при установлении международным договором Российской Федерации иных правил, чем те, которые предусмотрены законом, преимущество имеют правила международного договора.

В Конституции Республики Беларусь² закреплены аналогичные нормы о приоритете обще-

¹ Консультативное заключение по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302078/

² Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>

признанных норм международного права, а также указывается на недопустимость заключения международных договоров, которые противоречили бы Конституции государства. Конституция Кыргызской Республики¹ также характеризует международные договоры и общепризнанные нормы международного права как составную часть правовой системы страны. Положения, в соответствии с которыми ратифицированные международные договоры входят в национальную правовую систему как ее неотъемлемая часть, содержат также конституции таких государств, как Армения и Республика Казахстан.

Таким образом, из сказанного вытекает, что для стран – участниц Союза ратифицированные в его рамках международные договоры получают приоритет над национальным законодательством.

Подтверждением данного вывода выступает и практика правоприменения. В частности, речь идет о решении Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г.², в котором официально подтверждена приоритетность норм Договора о ЕАЭС над законодательством одной из стран-участниц. Российская Федерация не была согласна с решением таможенных органов Беларуси о конфискации бытовой техники, произведенной в Калининградской области и транзитом перемещаемой через Республику Беларусь в другой регион России, на том основании, что на самом деле техника произведена не российскими, а зарубежными предприятиями.

Свое решение белорусские таможенники обосновали ссылкой на национальное законодательство, предписывающее органам таможенного контроля определенные действия в случае совершения таможенного правонарушения. Российская Федерация, в свою очередь, настаивала на том, что при наличии сомнений в происхожде-

нии техники белорусские таможенники должны были направить в таможенные органы Российской Федерации требование о проведении дополнительного контроля, как это предписано Договором о ЕАЭС и Таможенным кодексом ЕАЭС. Суд ЕАЭС признал справедливость претензий Российской Федерации и необходимость в спорных случаях руководствоваться законодательством ЕАЭС как приоритетным.

Дальнейшее развитие ЕАЭС как эффективно-го интеграционного объединения представляется возможным только при условии совершенствования правовой базы его существования и деятельности как наднационального субъекта международного права. В частности, речь может идти о расширении полномочий Евразийской экономической комиссии. Некоторые авторы отмечают необходимость существенных изменений не только полномочий, но и трансформацию самой структуры ЕЭК, которая должна таким образом превратиться в самостоятельный орган, способный собственным решением корректировать ставку Единого таможенного тарифа, регулировать введение или отмену мер нетарифного ограничения [1]. Также звучат предложения о необходимости перехода к общей расчетной единице³.

Указанные предложения обсуждались при подготовке такого важного для перспектив ЕАЭС документа, как Стратегические направления Евразийской экономической интеграции до 2025 г., однако не нашли отражения в его итоговой версии, что свидетельствует о недостаточной готовности стран-участниц к дальнейшему расширению наднациональных полномочий исполнительных органов ЕАЭС.

Рассмотренным выше решением Суда ЕАЭС закреплён прецедент, в соответствии с которым при конфликте нормы национального права и нормы права ЕАЭС необходимо руководствоваться последней. Это ни в коем случае не означает недействительности норм внутреннего права или необходимости их отмены.

С данной позицией следует согласиться, так как отказ от приоритета норм ЕАЭС в пользу национального законодательства мог бы приве-

¹ Конституция Кыргызской Республики (принята 11 апреля 2021 г.). – URL: <https://online.zakon.kz/Document/>

² Решение Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 г. № СЕ-1-1/1-16-БК «Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза от 21.05.2010». – URL: https://rulaws.ru/acts/Reshenie-Suda-Evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-ot-21.02.2017-N-SE-1-1_1-16-BK/

³ Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России. Доклад НИУ ВШЭ. При участии Всемирного банка. – М.: Высшая школа экономики, 2019.

сти к нарушению устойчивости и единообразия правового регулирования, а в итоге – принципа «договор должен быть исполнен» как важнейшего в международном и международном частном праве. Отказ от приоритетности норм права интеграционного объединения мог бы послужить причиной существенного замедления темпов интеграции стран – участниц ЕАЭС и привести к тому, что формирование единой правовой системы Союза стало бы невозможным.

Специфика правовой системы ЕАЭС как интеграционного объединения состоит в формировании общего юрисдикционного пространства, созданного благодаря тому, что страны – участницы Союза передают часть своих полномочий на наднациональный уровень. В отличие от таких субъектов права, как международные организации, интеграционные объединения, в том числе Европейский Союз и ЕАЭС, обладают особой разновидностью суверенитета, позволяющей им выступать в качестве самостоятельных субъектов правоотношений, вступать в договорные отношения с третьими странами.

Правовую систему ЕАЭС образуют Договор о ЕАЭС и международные договоры в рамках Союза, причем Договору о ЕАЭС отводится приоритет как над международными договорами, заключаемыми внутри интеграционного объединения, так и над теми, которые государства-участники могут заключать с третьими странами.

Право интеграционного объединения, в том числе и ЕАЭС, – это сочетание как национально-го законодательства, так и правовых актов, принятых исполнительными органами интеграционного объединения, что может стать причиной различных коллизий. Решение проблемы кроется в признании строгой иерархии правовых актов, принимаемых на уровне интеграционного объединения, что неоднократно предлагалось российскими исследователями [2].

Среди всех источников права ЕАЭС прямым действием пользуются решения ЕЭК, в то время как высшей юридической силой обладают решения Высшего Евразийского экономического совета. Конституциями всех стран ЕАЭС определен приоритет правовой системы интеграционного объединения над национальным законодательством стран Союза.

Нерешенным является вопрос о месте норм вторичного законодательства в системе нацио-

нального права каждой из стран-участниц¹. Только в соответствии с законодательством Республики Казахстан решения исполнительных органов Союза признаны равнозначными ратифицированным международным договорам. Законодательства остальных четырех государств, в том числе России, подобных положений не содержат. Однако эффективность решений, принимаемых ЕЭК, в значительной степени будет зависеть от их правового статуса в каждой из стран ЕАЭС. В связи с этим представляется необходимой выработка решения, аналогичного имеющемуся в законодательстве Казахстана, и другими участниками ЕАЭС с целью укрепления евразийского правового порядка.

Дальнейшее развитие общего экономического пространства ЕАЭК не представляется возможным без укрепления единого правового пространства, основанного на сочетании общеинтеграционного и национального права. Нельзя забывать и том негативном влиянии, которое сейчас оказывают ограничительные меры, наложенные на Россию и частично Республику Беларусь со стороны ряда недружественных государств, в том числе входящих в состав европейского интеграционного объединения – ЕС.

Давление, оказываемое на Россию в виде целого ряда ограничений во внешней торговле, неизбежно сказывается и на состоянии всего единого экономического пространства ЕАЭС. Однако ни действующий Договор о Евразийском экономическом союзе, ни принятые в его развитие нормативные акты не содержат каких-либо положений, позволивших бы выработать общую для всего интеграционного объединения политику, которая давала бы возможность смягчить негативное воздействие санкций. Вследствие этого в качестве одного из направлений дальнейшего развития правовой системы ЕАЭС видится разработка общей политики всех стран-участниц, направленной на снижение рисков негативного воздействия санкций на экономику России и Беларуси, а следовательно, и на состояние общего экономического пространства всего объединения.

¹ Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы : научно-практическое пособие в 2 т. / Т. Я. Хабриева, Р. А. Курбанов, Н. А. Абузярова [и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Т. 2. – Москва : Проспект, 2019

Список литературы

1. Глазьев С. Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1. – С. 11–30.
2. Моисеев А. М., Налетов К. И. Коллизии и барьеры взаимного признания ученых званий // Плехановский научный бюллетень. – 2020. – № 2 (18). – С. 18–25.
3. Налетов К. И. Частное право как фактор интеграции государств // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : материалы Пятой международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества», Москва, 23–24 ноября 2022 года / отв. редактор В.И. Герасимов. Ежегодник. Выпуск 6. Часть 1. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 438–440.
4. Пронина Е. Н., Сараков А. А. История и современное состояние международного частного права в странах ЕАЭС: международно-правовой аспект // Правовая культура. – 2022. – № 1 (48). – С. 42–50.
5. Правовая парадигма энергетики в контексте устойчивого экономического роста / А. Н. Варламова, О. А. Символоков, В. А. Северин [и др.]. – М. : Издательская группа «Юрист», 2022.

Девиантное поведение мигрантов и лиц без гражданства в России: динамика и структура миграционной преступности, механизмы межстрановой регуляции

Е. Е. Письменная

доктор социологических наук, доцент,
профессор департамента социологии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.
Адрес: ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2;
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1.
E-mail: nikitar@list.ru

Е. И. Русанова

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: ei_rusanova@mail.ru

Deviant Behavior of Migrants and Stateless Persons in Russia: Dynamics and Structure of Migrants' Crime, Cross-Border Regulation Mechanisms

E. E. Pismennaya

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of Sociology
of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Chief Scientific Officer of the Institute for Demographic Research
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
Address: Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation;
Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
6 b.1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russian Federation.
E-mail: nikitar@list.ru

E. I. Rusanova,

Postgraduate Student of the Department of Political Analysis
and Socio-Psychological Processes of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: ei_rusanova@mail.ru

Аннотация

Работа нацелена на исследование девиантного поведения мигрантов в социальном пространстве и механизмов принудительной регуляции незаконного миграционного поведения в России. Предметом исследования выступает динамика и структура преступности мигрантов на территории России, а также механизмы принудительной регуляции противоправного поведения мигрантов при участии институтов государственной власти. Авторское исследование посвящено не только анализу географии распространения миграци-

онной преступности, мониторингу девиантной активности мигрантов и лиц без гражданства на территории России, но и выявлению особенностей криминологического и социально-демографического облика осужденных мигрантов и лиц без гражданства. Пристальное внимание авторы исследования уделяют анализу современных каналов миграции в Россию и действующих форм принудительного возвращения мигрантов и лиц без гражданства – депортации, административного выдворения и процедуры реадмиссии. Методологическую основу исследования составили системный, институциональный и диалектический подходы к анализу и обобщению информации из различных источников. Исследование выполнено с помощью методов статистического количественного анализа данных, полученных от Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии, Росстата и МВД за период с 2018 по 2022 г., и анализа национального законодательства в области миграционной политики, международного, административного и уголовного права.

Ключевые слова: реадмиссия, административное выдворение, депортация, правопорядок, каналы миграции, незаконная миграция, институт probation.

Abstract

The publication is aimed at studying deviant behavior of migrants in the social space, and mechanisms of forced regulation of migrants' unlawful behavior in Russia. The study's subject matter includes the dynamics and structure of migrants' crime in Russia, as well as the mechanisms of forced regulation of migrants' unlawful behavior involving the state power institutions. The author's study contains not only the analysis of migrants' crime spread geography, and monitoring of migrants' and stateless persons' deviant activities in Russia, but also revelation of specifics of the criminological and social/demographic image of convicted migrants and stateless persons. Authors of the publication are focusing on the analysis of existing channels of migration to Russia and the existing forms of forced repatriation of migrants and stateless persons, including deportation, administrative expulsion and readmission. The methodological basis underlying the study is composed by the systematic, institutional and dialectic approaches to analysis and consolidation of information derived from various sources. The study was performed using the method of statistical quantitative analysis of the data provided by different state bodies in the Russian Federation such as the State Prosecutor's Office, the Judicial Department of the Supreme Court, the Labor Migration and Social Protection Department of the Eurasian Economic Commission, Rosstat and the Ministry of Internal Affairs for the period from 2018 to 2022, as well as on the basis of the analysis of the national legislation in the field of migration policy, the international, administrative and criminal law.

Keywords: readmission, administrative expulsion, deportation, public order, migration channels, illegal migration, institution of probation.

В России иностранные граждане на территории пребывания наделяются в сфере общественных отношений как субъективными правами, так и юридическими обязанностями наравне с гражданами нашего государства, за исключением некоторых малочисленных норм, предусмотренных законом или международными договорами. История становления и формирования государственности России подтверждает, что базисной основой национальной ДНК и отличительной чертой русского народа является низкий уровень ксенофобии и расизма [19].

Политический курс на преодоление межнациональных противоречий и конфликтов в современной России сохраняется под воздействием многочисленных мер неюридического и юридического характера, а также за счет действия межгосударственных регуляторов, таких, например, как *административное выдворение, депортация и*

реадмиссия, которые закреплены в системе правовых актов.

Российская Федерация нуждается в стабильном миграционном притоке населения. Так, в 2022 г. состоялся учет 685 тысяч прибытий в международной миграции, что незначительно превысило порог 2021 г. в 668 тысяч. В 2022 г. показателем миграционного прироста населения в России стали почти 220–230 тысяч человек, вошедших в *коридор обычного миграционного долгосрочного (постоянного) прироста*, характерного для России за истекшие 10 лет, кроме «ковидного» 2020 года [2].

Россия, как страна приема, должна исключать возникновение всплеск межнациональных конфликтов и строго *контролировать правопорядок в отношении мигрантов* с помощью институтов действующих органов власти на территории всей страны. Это направлено, с одной стороны, на

трансляцию политической стабильности России в миграционной политике, а с другой – призвано оказывать влияние на миграционное поведение иностранцев посредством формирования привлекательности среди иных государств приема через обеспечение законности и безопасности, которые сопряжены с объективными условиями пребывания в нашей стране и напрямую касаются поведения прибывающих и уже находящихся в стране мигрантов.

Направленность научного внимания на показатели преступности среди мигрантов мы объясняем тем, что Российская Федерация с ее многолетней миграционной политикой, как сторона приема притока мигрантов и наблюдающегося оттока граждан, принимает на себя *обязательство обеспечения национальной безопасности*, безопасности своих граждан в границах государства при помощи сохранения и поддержания уровня правопорядка внутри страны, предупреждения межнациональной розни на любом уровне социальных взаимодействий среди населения.

Особенность и уникальность преступности среди мигрантов объясняется социальным противоречием. С одной стороны, давление общих условий пребывания на территории государства такие же, как и для граждан РФ – высокий уровень неравенства, падение доходов, безработица, турбулентность в сфере бизнеса, стагнация и инфляция. С другой стороны, возникновение преступлений мигрантов на территории России можно было бы предупредить или избежать, если бы такие мигранты по воле миграционных и правоохранительных органов не могли пересечь государственную границу либо находились под более бдительным контролем. Также важно помнить, что перемещения мигрантов на территории России признаются дополнительными каналами распространения общественно-опасных и смертельных заболеваний, в том числе ВИЧ [3].

По данным исследований за 2018 г. об осужденных к лишению свободы иностранных гражданах, уже ранее были подвергнуты принудительному выдворению из России порядка 5,5% осужденных женщин и 6,2% осужденных мужчин, которые прибыли обратно на территорию российского государства и совершили противоправные деяния

вновь. Криминальным мотивом для таких рецидивистов-мигрантов обоих полов была добыча средств к существованию на территории пребывания в России. При этом 42,7% иностранных граждан мужского пола после выхода из исправительного учреждения совершали преступления уже повторно на территории пребывания в России, а 19,3% осужденных женщин и 35,7% осужденных мужчин из категории иностранных граждан безразлично относились к жертвам и пострадавшим от совершенных ими преступных действий, что затрудняет исправительное воздействие на таких осужденных в изоляции в местах лишения свободы на территории России [4; 10].

Анализ статистических и аналитических данных по отчетным периодам с 2018 по 2022 г., официально предоставленных Генеральной прокуратурой Российской Федерации по совершенным актам асоциального поведения в форме действия и/или бездействия среди граждан других иностранных государств и лиц без гражданства, показывает ряд определенных тенденций и особенностей, на которые необходимо указать. Сразу же обозначим, что данная когорта преступных лиц по своей численности *не сопоставима с другими социальными общностями преступной направленности в России* не только за указанный интервал времени, но и в проекции за более длительный анализируемый период. К вышеупомянутым общностям, выявленным правоохранительными органами с 2013 г., относятся: мужчины-преступники и/или женщины-преступницы – граждане Российской Федерации; несовершеннолетние преступники обоих полов; учащиеся и студенты; безработные; рецидивисты; лица, совершившие преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Только за календарный период с января по ноябрь 2022 г. общая численность выявленных лиц без гражданства и иностранных граждан, совершивших уголовно преследуемые деяния на территории России, достигла индикаторного значения в 36 993 преступления (82% из которых были совершены гражданами из стран СНГ).

По нашим расчетам, за период с 2018 г. по ноябрь 2022 г. *доля иностранных граждан и лиц без гражданства в общей массе лиц, совершивших*

уголовно-наказуемые преступления на территории нашей страны, выросла с 4,15 до 4,9% (т. е. на 0,75%). Самое низкое значение данного показателя за 2019 г. отмечается на уровне 3,95%, или 34 917 преступных лиц. В «ковидный» 2020 год доля мигрантов и лиц без гражданства,

которые совершили преступления на территории России, оказалась выше и составила 4,03%, или 34 400 преступников, относящихся к указываемой категории лиц.

Рис. 1. Динамика преступности, связанной с иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России за период с 2013 г. по ноябрь 2022 г.

На рис. 1 отражается поворот тенденции развития преступного поведения в стране: на территории России не прослеживается ответный подъем преступности в отношении иностранцев и лиц без гражданства при стартовавшем подъеме преступности со стороны мигрантов¹. Таким образом, правопорядок и законопослушное поведение по отношению к мигрантам (и лицам без гражданства) и их сообществам на территории нашей страны стабилизируется благодаря принятой миграционной политике, установленным законодательством социальным нормам, принимающим социально одобряемое поведение мигрантов, и проявляющейся в общественной среде толерантности населения России по отношению к ним, возросшей на современном этапе межнациональной коммуникации при социальном взаимодействии. В социальных отношениях доминирующими становятся кооперация и сотрудничество, взаимообусловленный интерес, а также утверждение

культурной самобытности, понимание и принятие человека, отличного по этносу [8].

Это позволяет сохранять межстрановой выбор мигрантов в пользу России ввиду сниженного риска и вероятностных угроз оказаться потерпевшими на время строго ограниченного законом пребывания мигрантов в принимающей стране. Более того, снижение уровня мигрантофобии со стороны россиян объясняется упорядочиванием миграционного учета и порядка самого пребывания мигрантов из иных стран на территории Российской Федерации, отсутствием провокационных открытых действий террористов и отсутствием террористических актов, которые совершались ранее на территории страны исламскими радикалами, отсутствием резонансных событий, а также ослаблением праворадикального политического движения в стране [5].

В России при назначении наказания суд руководствуется принципами восстановления социальной справедливости и необходимостью исправления, т. е. подразумевается предоставление человеку возможности изменить свое поведение в социуме и проявить себя с положительной стороны после выхода на свободу [6]. Остановимся по-

¹ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за 2018 г., 2019 г., 2020 г., 2021 г., январь–ноябрь 2022 г. — URL: <http://crimestat.ru/analytics>

дробнее на анализе данных о *судимости в России*. Согласно отчету за 12 месяцев 2022 г. о демографических признаках осужденных по составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) от Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, суммарная численность судимых иностранцев, лиц без гражданства, беженцев, вынужденных переселенцев по состоянию на 12 апреля 2023 г. достигла значения 22 258 человек¹.

Анализ данных отчета показывает, что судимость за организацию незаконной миграции на территории страны получили 76% преступных лиц с гражданством Российской Федерации, а вот незаконно пересекли государственную границу и получили судимость за такое правонарушение 1 103 гражданина СНГ и других государств, также включая лиц без гражданства, беженцев, вынужденных переселенцев и лиц без определенного места жительства (т. е. 95% от числа всех незаконных мигрантов). Не стоит забывать, что нелегальная миграция – это питательная среда для развития криминала и маргинализации в социуме, а также, при определенных условиях социальной среды, и детерминанта организованной преступности [1; 17].

За 2022 г. доля иностранных граждан и лиц без гражданства, которые получили судимость за различные виды хищений, достигла значения 3,074% в общей массе выявленных преступных лиц на территории России по таким видам преступных деяний, но доля мигрантов и лиц без гражданства с полученной судимостью по статьям о наркотиках составила 4,25%, т. е. на 1,176% больше. Судимость за убийство получили 3,21%, или 171 иностранный гражданин из СНГ, но важно указать и на то, что за тот же 2022 г. за убийство было осуждено 130 лиц без определенного места жительства. Также в этот год на территории России за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения было осуждено около 1000 граждан других государств, лиц без гражданства, беженцев и переселенцев, а также лиц без определенного места жительства, которые ранее уже подвергались административному наказанию или даже имели судимость. Среди ино-

странных граждан из СНГ распространено взяточничество.

Отметим, что со стороны иностранных граждан из государств СНГ *доминирует криминальная активность по наркотикам и хищениям*. Судимых иностранных граждан из других государств в 23 раза меньше, чем иностранных граждан из СНГ. Примечательно, что со стороны *лиц без гражданства* совершаются такие же виды преступлений, что и иностранными гражданами, в том числе из СНГ. Это позволяет сделать вывод о том, что такие социальные группы следует относить к одному преступному кластеру. Преступников в статусе *беженцев и вынужденных переселенцев*, судимых на территории Российской Федерации по уголовному законодательству, необходимо выделить в отдельную категорию преступников, так как показатели о судимости указывают на то, что ими совершается в 2 раза меньше преступлений по сравнению с лицами без гражданства, а также они не соотносятся численно с иными группами осужденных преступников в России и имеют особый правовой статус на территории нашей страны².

При внешней несопоставимости и несхожести численности указываемых выше социальных групп и в сравнении с иными социально-демографическими группами лиц, совершившими преступные акты и демонстрировавшими девиантное поведение на территории страны, то есть в сравнении с частью социально активного взрослого населения (без учета несовершеннолетних или учащихся и студентов) в социальной среде пребывания, одновременно отмечается следующее: за период с 2018 г. по ноябрь 2022 г. на территории России происходит *подъем женской преступности* с 15,63 до 16,28%, *то есть на 0,65%*. Конечно, для женской преступности характерны как взлет, так и падение в связи с внешними изменениями условий социальной среды, подобно факторам воздействия на эту социально-демографическую группу [14; 15]. Но мы замечаем, что динамика подъема значительно отличающихся по численности социально-демографических групп взрослого населения, таких как женщины-преступницы (при росте на 0,65%) и иностранные граждане и лица без гражданства

¹ Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 г. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>

² Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за 2018 г., 2019 г., 2020 г., 2021 г., январь–ноябрь 2022 г. – URL: <http://crimestat.ru/analytics>

(при росте на 0,75%), совершивших уголовно преследуемые деяния, сопоставляется в проекции увеличения доли прироста совершаемых ими преступлений на территории Российской Федерации за тот же период с 2018 г. по ноябрь 2022 г., т. е. процессы социальных аномалий в обществе – как преступность мигрантов, так и женская преступность – чувствительны к внешним изменениям и подвергаются влиянию общих факторов и условий социальной среды. При этом в научной литературе отмечается, что именно *женщин легче мотивировать к законопослушному поведению*, так как большей части осужденных женщин доста-

точно просто оказаться в социальной изоляции (местах заключения) [10].

Необходимо выявить особенности и детализировать изменения преступности граждан иностранных государств и/или лиц без гражданства с учетом разделения по гендерному признаку. Сведения о численности преступных лиц, являющихся гражданами и гражданками других государств или лицами без гражданства, по федеральным округам Российской Федерации за отчетный 2021 г. представлены с учетом гендерного разделения в табл. 1 и на рис. 2.

Таблица 1

Общие сведения о численности преступных лиц, выявленных на территории федеральных округов Российской Федерации за 2021 г.*

По федеральным округам Российской Федерации за 2021 г.	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО	СКФО
Женщины-мигрантки или лица без гражданства, чел.	1 365	351	281	175	198	113	60	83
Женщины – гражданки России, чел.	27 117	12 031	14 650	25 210	13 686	22 385	11 953	5 587
Мужчины – мигранты или лица без гражданства, чел.	13 193	3 843	2 770	2 440	1 891	1 587	1 281	593
Мужчины – граждане России, чел.	128 622	57 237	74 625	13 2497	67 423	105 657	58 646	33 180
Общая численность преступников на территории федеральных округов, чел.	170 297	73 462	92 326	160 322	83 198	129 742	71 940	39 443
Численность преступников – граждан других государств или лиц без гражданства по федеральным округам, чел.	14 558	4 194	3 051	2 619	2 089	1 700	1 341	676
Доля граждан других государств или лиц без гражданства в общем количестве преступников по федеральным округам, %	8,549%	5,709%	3,305%	1,635%	2,511%	1,310%	1,864%	1,714%
Доля женщин – гражданок других государств или лиц без гражданства в общем количестве преступников по федеральным округам, %	0,802%	0,478%	0,304%	0,109%	0,238%	0,087%	0,083%	0,210%
Доля мужчин-граждан других государств или лиц без гражданства в общем количестве преступников по федеральным округам, %	7,747%	5,231%	3,001%	1,526%	2,273%	1,223%	1,781%	1,504%

* Источник табл. 1 и рис. 2: Социальный портрет преступности за 2021 г. – URL: http://crimestat.ru/social_portrait

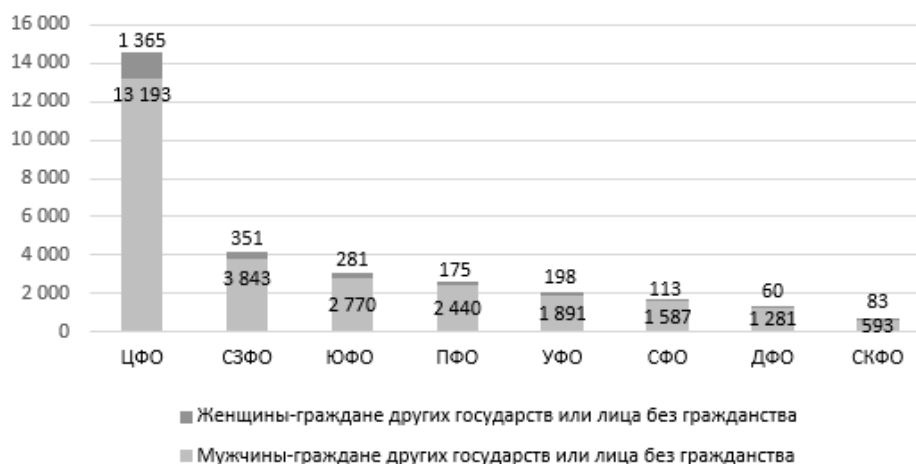

Рис. 2. Соотношение численности мужчин и женщин – граждан других государств или лиц без гражданства, совершивших преступления на территории России, по федеральным округам за 2021 г.

Итак, к федеральным округам с наиболее криминогенной обстановкой со стороны мигрантов и лиц без гражданства относятся *Центральный и Северо-Западный федеральные округа*. Необходимо указать на локацию распространения мигрантской преступности. Если расположить федеральные округа четко по численности выявленных преступников на их территории, то выйдет следующая последовательность: ЦФО (170 297), ПФО (160 322), СФО (129 742), ЮФО (92 326), УФО (83 198), СЗФО (73 462), ДФО (71 940) и – на последнем месте – СКФО (39 443). Так, ЦФО по индикаторам общей преступности и преступности со стороны мигрантов и лиц без гражданства стоит четко на 1-м месте, а вот СЗФО находится на 6-м месте по индикатору, касающемуся состояния общей преступности, но на 2-м месте – по мигрантской преступности в России. Наименьшая доля выявленных за преступления женщин-мигранток и/или лиц без гражданства женского пола за отчетный 2021 г. в России относится к Сибирскому федеральному округу (0,087% за 2021 г.).

Важно указать и на то, что такие округа, как УФО, СФО и ДФО, несмотря на свою географическую отдаленность от центра страны и сходство природных условий, по индикаторам преступности имеют множество отличий, что не позволяет объединить их для общего изучения и подводит к мысли о том, что каждый федеральный округ страны уникален своим социальным климатом.

Как мы видим из табл. 1, за 5 лет произошли изменения в пропорциональном соотношении между социальными группами мужчин и женщин, входящих в круг преступников на территории России. Если в 2017 г. доля женщин составляла 0,353% (или 3 412 человек), а мужчин соответственно 3,279% (или 31 718 человек) в общей численности преступников (967 124 человек), то в 2021 г. тенденции преступности меняются по пропорции женщин, которые совершили преступления на территории России и которые являются гражданками других государств или лицами без гражданства женского пола.

Теперь мы видим, что в 2021 г. доля таких женщин упала до 0,322% (или до 2 730 человек), а доля присутствия в структуре преступности у мужчин выросла до 3,37% (при этом численность опустилась до 28 591 человек). Однако *прирост категории женщин-преступниц в соотношении*

с мужчинами составляет 0,091% по показателям за 2021 г. Таким образом, мы делаем вывод о том, что на современном этапе *происходит* рост женской преступности в России именно в социальной группе *женщин-преступниц, которые являются гражданками Российской Федерации*.

Деструктивные социальные конфликты в обществе порождают социальные угрозы с возникающими негативными последствиями (или негативными формами их проявления), поэтому необходимо предупреждение противоречий и конфликтов в социуме. Сегодня обеспечение *антикриминальной безопасности* от преступности мигрантов и лиц без гражданства *входит в круг общенациональных интересов* и возлагается на органы государственной власти [16]. В связи с этим важно учитывать баланс предложения рабочих мест на национальном рынке труда, миграционные потоки и течения из других стран, а также требовать от мигрантов законопослушного поведения и контролировать его, пресекать и искоренять незаконную миграцию, ужесточать контроль за мигрантами и лицами без гражданства, которые прибыли повторно в нашу страну после запретов или ограничений на въезд.

Политический курс России на гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, а также на предупреждение конфликтов на национальной или религиозной почве, на социальную и культурную адаптацию мигрантов и их интеграцию в российское общество продолжает быть движущей силой в государстве согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹.

В социальном пространстве управление общественным мнением в русле политического управления, проводимого государственным аппаратом и его структурами, выражается в объединении общества вокруг социально-политической культуры [13]. Так, по результатам анализа в 2020 г. *доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных (межэтнических) отношений*, в общей численности граждан Российской Федерации *составила 81,1%*². Необходимо проанализировать, при ка-

¹ URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf>

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/7d4ea8a13a6e9c6576847228cdaafa8d410e61a1/

кой скорости течений миграции на территории многонациональной России государством удерживается достаточно благополучный климат межэтнических отношений между российскими гражданами и приезжими, учитывая состояние и изменяющиеся тенденции в противоправном, социально неодобряемом поведении общностей граждан иных государств, лиц без гражданства, вынужденных переселенцев, беженцев.

Есть определенные социально-политические асимметрии в перемещениях мигрантов. На рис. 3 представлена динамика численности граждан государств – членов ЕАЭС, въехавших на территорию России для осуществления трудовой деятельности за период с 2012 по 2022 г.

Рис. 3. Динамика численности граждан государств – членов ЕАЭС, въехавших на территорию России для осуществления трудовой деятельности за период с 2012 по 2022 г.*

* Источник данных: Статистические данные Департамента трудовой миграции и социальной защиты. Сведения о численности граждан государств – членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности. – URL: https://eec.eaeunion.org/commission/departement/migration/statistical_data.php

Миграционный обмен между Россией и другими странами ЕАЭС показывает, что Россия продолжает сохранять роль в миграционном притяжении населения не только из стран ЕАЭС, но и всего Содружества. Трудовая миграция позволяет и перераспределять избыточные трудовые ресурсы по законным или нелегальным каналам между государствами, входящими в ЕАЭС, и значительно снизить напряженность на российском рынке труда. Главными донорами трудовых мигрантов по каналам миграции в Российскую Федерацию являются страны, не входящие в ЕАЭС, – Таджикистан и Узбекистан [18].

Важно указать, что среди объединенных в ЕАЭС стран наименьший приток трудовых мигрантов в нашу страну по сравнению с остальными странами-участницами наблюдается со стороны Республики Казахстан. Современная национально-политическая элита этой страны воспитывает и прививает молодежи идеалы национально-возрождения, патриотизма, трудолюбия, кропотливой работы на благо своего народа [23]. Сегодня в мировом пространстве Китай, с его меня-

ющейся социально-демографической структурой населения, поднимает вопросы «культурной безопасности» в концепции национальной системы безопасности страны на фоне глобализации и продолжающейся дискуссии о концепции мировой государственной политики, а европейское сообщество в текущий политический период имеет тенденцию направленно выстраивать оборонную политику в глобальной среде [21; 22; 26].

Так, за январь–декабрь 2022 г., по статистическим данным, полученным от МВД России, с учетом распределения по странам мира государственную границу с целью получения работы пересекли 11 806 832 человека, из которых только 13,95%, или 1 647 455 человек, – это граждане государств, являющихся членами ЕАЭС. С целью заработка пересекали границу 9 842 182 человека из соседних с Россией стран: Узбекистана – 5 837 363 человека, Таджикистана – 3 528 319 человек, Азербайджана – 294 899 человек, Украины – 102 258 человек, Молдовы – 65 197 человек, Грузии – 2 115 человек, Туркмении – 8 344 человека, Румынии – 1 065 человек, Монго-

лии – 756 человек, Абхазии – 408 человек, Южной Осетии – 29 человек, ДНР и ЛНР – 1 429 человек. За означенный период в страну с другими целями пребывания, указанными при пересечении границы, въехало 5 369 432 человека, из которых 2 666 963 человека указали частные цели, 866 342 человека – учебу, 456 604 человека – иные цели, 306 753 человека – туризм, 192 005 человек – деловые цели, 14 391 человек – гуманитарные цели¹.

Даже по динамике трудовой миграции из стран интеграционного объединения ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан) отмечается, что возрастающая концентрация трудовых мигрантов на территории России приводит к изменениям в структуре общей преступности и изменениям динамики противоправного поведения со стороны мигрантов, как мы это видим на примере 2015 г. (рис. 1). В качестве предупредительного барьера на территории России в отношении противоправного поведения, нацеленного на возбуждение ненависти или вражды, правоохранительными органами применяются статья 20.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)² и статья 282 УК РФ³. Законодательная сила и действие системы нормативно-правовых актов в обществе проявляются на сегодняшний день через сформировавшиеся в социальном пространстве этические и социальные нормы поведения. Без агрессивной политической повестки от руководства страны подавление проявлений противоправного поведения в отношении мигрантов происходит при оперативном вмешательстве территориальных органов исполнительной власти, которые встроены в структуру МВД России, что не позволяет доводить ситуации в социуме до всплеска яростных межэтнических столкновений.

Однако данный механизм может оказаться слабым средством сдерживания в период еще более возрастающей преступности со стороны мигрантов и лиц без гражданства, если ее уровень перейдет порог допустимого. Ведь рост социально

неодобряемого поведения со стороны мигрантов и лиц без гражданства мужского пола наблюдается сейчас при привычном для нас коридоре миграционных перемещений на въезд в страну и с начавшейся волной иммиграции, и, конечно же, это влияет на социальные процессы внутри общества, в том числе и на замещение трудовых ресурсов. Нельзя не учитывать и тот факт, что и личностные установки, и поведение мигрантов в трудовых отношениях подвергаются на местах трудоустройства процессу *организационной социализации*, то есть достигается саморегуляция поведения участников миграционных процессов [24]. *Уровень реакции общества* на приток мигрантов может быть *сильный, слабый или компенсирующий*, ведь общественная реакция будет зависеть от количественных и качественных характеристик миграционных потоков, входящих в социум [7].

По официальным данным, полученным от МВД России за январь–декабрь 2022 г., было выдано 3 917 937 патентов на работу. В 2020 г. за январь–март поступление в региональные бюджеты за оплаченные трудовыми мигрантами патенты составляло 13,86 млрд рублей, но уже за январь–март 2021 г. поступление достигло только 8,91 млрд рублей [9]. Несмотря на спад прибыльности для государства от патентов, приобретаемых мигрантами, все же современное российское общество не должно оставаться заложником выбора между прибылью и безопасностью, так как именно государство берет на себя обязательство предупреждения криминальной активности со стороны граждан из других государств и тем более лиц без гражданства, беженцев и переселенцев, поскольку оно предоставляет им право на въезд и разрешение на пребывание в стране. Ведь пребывание трудовых мигрантов на территории любого государства *подразумевает существование сообществ, которые устойчивы и у которых есть определенное чувство общих целей и ценностей в достижении благополучия в структуре социального пространства* [25].

Еще Мишель Фуко писал о преступлениях как о нетерпимых правонарушениях, направленных в итоге против всего общества. Общество же обладает грозным правом справедливого наказания, защищая тем самым каждого индивида, поскольку правонарушитель становится общим врагом. Преступников Мишель Фуко называет предателями, ведь они изнутри наносят удары по обществу [19]. Прошли столетия, и на смену жестоким нравам, выразившимся в распространенности публичных

¹ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. с распределением по странам и регионам. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711/>

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/5488786953c91e4cfc6fce519cc71d4ddd707562/

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/

наказаний, пришли современные государственные механизмы принудительной регуляции в области *девиантной миграции*: депортация как принудительная высылка по решению должностных лиц в структуре МВД¹ и *административное выдворение за пределы Российской Федерации*. Последний вид наказания по статье 3.10 КоАП РФ² за нарушения законодательства выносится на основании постановления судьи или ответственного лица пограничной службы, а также применяется одновременно с *наложением штрафа*. Есть возможность обжалования постановления об административном выдворении через суд.

Данные механизмы просты по своим принципам действия, но все же различие между депортацией и выдворением есть и прослеживается в том, что на нарушителя при административном выдворении могут быть наложены *ограничения*: запрет на въезд в Российскую Федерацию или вынесение постановления о нежелательном пребывании иностранца в Российской Федерации. Депортация – это инструмент внесудебного воздействия, применимого при единственном условии, а именно при отсутствии легальных оснований для пребывания или проживания иностранца в Российской Федерации, то есть при наличии миграционных нарушений с его стороны. Применяется депортация и в том случае, если ранее уже возникало требование покинуть территорию страны, а о факте депортации уведомляется дипломатическое представительство или консульское учреждение.

Существует еще один современный механизм принудительной регуляции миграции – *реадмиссия*, которая представляет собой процедуру принудительного возвращения. При отсутствии у возвращаемого лица желания покидать территорию страны пребывания государство принимает меры по выдворению такого лица, не являющегося его гражданином, а выдворяемое лицо должно принять только то государство, гражданином которого оно является³. Данная процедура применяется в

рамках соглашения государств на обратный прием (возврат) своих граждан, и основаниями для ее начала являются вынесенное решение территориального органа по вопросам миграции и/или запрос (иными словами – ходатайство) от второй стороны на основании соглашения, которое вступило в законную силу. Порядок применения реадмиссии является внесудебным и обжалованию не подлежит. Процедура относится к области международного права, и соответствующие соглашения подписаны Россией со странами – членами Евразийского экономического союза и не только с ними. Первой из ЕАЭС такое соглашение еще в 2010 г. подписала с Россией Кыргызская Республика⁴. Исполнительный протокол о порядке реализации соглашения о реадмиссии между Российской Федерацией и Кыргызстаном⁵ вступил в силу в 2013 г.

Цель подобных соглашений – *противодействие нелегальной трудовой миграции* на территории сотрудничающих стран. Четкий механизм работы через процедуру реадмиссии на территории России прописан как в международных соглашениях со странами, так и в исполнительных протоколах, а в национальной правовой системе описание порядка применения реадмиссии содержится в Приказе МВД Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 669⁶. Также понятие реадмиссии встречается и в национальном законо-

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики о реадмиссии (вступило в силу 31 августа 2013 г.). – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44530/

⁵ Исполнительный протокол о порядке реализации соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики о реадмиссии (вступил в силу 31 августа 2013 г.). – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44529/

⁶ Приказ МВД Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 669 «Об утверждении порядка реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии Министерством внутренних дел Российской Федерации, его территориальными органами и специальными учреждениями, предназначенными для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, и порядка прекращения процедуры реадмиссии в связи с добровольным выездом иностранного гражданина или лица без гражданства из Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте Российской Федерации 27 ноября 2020 г. № 61114). – URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1057228>

¹ Приказ МВД Российской Федерации от 17 февраля 2017 г. № 75 «Об утверждении перечня должностных лиц Министерства внутренних дел РФ и его территориальных органов, уполномоченных принимать решения о реадмиссии» (зарегистрировано в Минюсте России 16 марта 2017 г. № 45976). – URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056240?items=1&page=2>

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/73561419f14887100a25d5462295a79e44c4f70a/

³ Руководство по реадмиссии для экспертов и специалистов-практиков. Опыт избранных стран по вопросам реадмиссии и возвращения. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/manual_on_readmission1_ru.pdf

дательстве¹. Лица, подпадающие под процедуру реадмиссии, содержатся в специальном учреждении отдельно от лиц, в отношении которых принято решение о депортации или административном выдворении, но количество таких центров содержания в России ограничено. Срок содержания лица, подпадающего под реадмиссию, в законе не установлен. Таким образом, реадмиссия — это крайняя форма реагирования на противоправные действия мигрантов со стороны государства, когда иные средства урегулирования в отношении граждан других государств или лиц без гражданства исчерпаны или оказались неэффективными.

Добавим, что *реадмиссия в Европе* признается механизмом обеспечения возвращения незаконных мигрантов и неотъемлемой частью всеобщей политики в области миграции, ведь она призвана повышать уровень доверия не только к международной защите мигрантов, но и легальной миграции². Как мера принуждения со стороны государства, реадмиссия требует финансовых затрат, связанных с расходами на обеспечение мер по выявлению лиц, подлежащих такой процедуре возврата, на задержание таких лиц, на документальное сопровождение возвратной процедуры, на содержание возвращаемых лиц в специальных учреждениях и, конечно, на передачу принимающему государству через границу [12].

На сегодняшний день распределение миграционных потоков смещается в пользу выходцев из Республики Таджикистан. Число прибывших в 2022 г. из большинства стран СНГ сократилось, из Республики Кыргызстан — почти не изменилось, а из Таджикистана — выросло до 184 тыс. человек по сравнению с приехавшими в 2021 г. 127 тыс. человек³. При этом двустороннее, уже подписанное Россией и Таджикистаном соглашение о реадмиссии от 23 февраля 2022 г. еще не вступило в законную силу, соответственно, упрощенная процедура принудительного возвращения прибывших

граждан Таджикистана не действует на территории России при нарушениях административных норм и миграционного законодательства⁴. Вместе с тем соглашение о реадмиссии еще в 2013 г. было подписано с Узбекистаном, и почти 6 млн его граждан — а это население нескольких крупных городов России — пересекали в 2022 г. российскую границу⁵. На 2023 г. открывается новое миграционное течение населения из Грузии с введением безвизового режима для краткосрочных поездок в Россию, и, по данным на 2022 г., российскую границу смогли пересечь 2 115 граждан Грузии, хотя двустороннего соглашения о реадмиссии между странами нет⁶.

Отдельного внимания в миграционной политике России по-прежнему заслуживает вопрос о *находящихся на территории страны лицах без гражданства*. Согласно разъяснениям Государственной Думы, к указанным лицам относятся те, кто *отбыл наказание и вышел из мест лишения свободы, имеет непогашенную или неснятую судимость, в отношении кого вынесены решения о нежелательности пребывания в России, однако депортация невозможна из-за отсутствия у этих лиц гражданства другого государства*. К этой же категории относятся *лица, в отношении которых принято решение о нежелательности пребывания (проживания) на территории Российской Федерации, об административном выдворении или депортации, но государство, готовое их принять, отсутствует*. Временное удостоверение личности выдается таким лицам на 10 лет, что дает им возможность работать на территории России без оформления разрешительных документов⁷.

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о реадмиссии (не вступило в силу). — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60869/

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о реадмиссии (дата вступления в силу — 8 августа 2014 г.). — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44406/

⁶ Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с возобновлением авиасообщения и введением безвизового режима для краткосрочных поездок граждан Грузии в Россию. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1868513/

⁷ Лица без гражданства смогут получить временное удостоверение личности на 10 лет. — URL: <http://duma.gov.ru/news/52173/>

¹ Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (последняя редакция). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/

² Гуманная и эффективная политика возвращения и реадмиссии. — URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/irregular-migration-and-return/return-and-readmission_en

³ Миграционный переучет. Особенности регистрации иностранных работников объяснили потерю интереса к ним властей // Коммерсантъ: последние новости России и мира. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5967015>

Напомним, что из ранее приведенной статистики о судимости за 2022 г. установлено, что 1 011 лиц без гражданства в России были подвергнуты наказанию за совершение ими уголовно наказуемых деяний, а их правовой статус указывает на то, что они находятся в более привилегированном положении на территории нашей страны, чем мигранты, прибывшие из других стран и попадающие из одного правового порядка в условия, для которых характерен другой, отличный от привычного правопорядок.

Таким образом, пристальное внимание государства должно быть направлено на контроль внутренних перемещений, а также на мониторинг девиантного поведения как мигрантов, так и лиц без гражданства, поскольку эти категории четко выделяются в структуре российской преступности. Несмотря на то, что наблюдается определенная их кластеризация с общностью мигрантов, требуется исследование характеристик девиантной миграции на территории России с учетом потоков миграции и изменений миграционных направлений.

Становится отчетливо заметной и необходимость развивать политику реинтеграции лиц без гражданства с целью предупреждения антисоциального поведения. Политика реинтеграции предусматривает запуск процесса культурного соединения после наделения лица статусом «без гражданства», ведь эти лица не могут быть возвращены на родину, и такие формы принудительной регуляции миграции, как депортация и административное выдворение, в отношении них не действуют, а если не будет установлено место их постоянного или временного проживания в другой стране, то не действует в отношении них и процедура реадмиссионного соглашения.

Также в отношении лиц без гражданства, желающих получить временное удостоверение личности на территории России, законодательный орган власти должен предусмотреть разработку и включение поправок в принятый Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»¹, цель которых – налагать обязательства на субъекты пробации по месту пребывания или месту жительства таких лиц, проводить адресные меры поддержки в области исполнительной, пенитенциарной, постпенитен-

циарной форм пробации с целью ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации этих лиц в российском обществе. Более того, в таких процедурах поддержки должны быть задействованы органы местного самоуправления, на территории которых пребывают лица без гражданства или иностранные граждане, вышедшие на свободу из исправительных учреждений страны и продолжающие находиться в России.

Органы исполнительной власти, выполняя правоохранительную и контрольную функции в области миграции, должны использовать современные методы контроля и надзора за лицами без гражданства и иностранными гражданами, которые уже привлекались к уголовной ответственности на территории России, после чего покидали страну прибытия или подвергались процедурам реадмиссии, административного выдворения или депортации, однако вновь пересекали российскую границу.

Правотворческий потенциал законодательного органа государственной власти должен быть направлен на область миграционного законодательства. Так, в России дополнительными мерами предупредительного характера в отношении девиантного поведения мигрантов и лиц без гражданства по примеру законодательства в области внешней миграции Кыргызской Республики² может служить введение в действующее миграционное законодательство основания отказа на въезд и пересечение границы в том случае, если такой заявитель не может обеспечить себя и лиц, находящихся на его иждивении, т. е. такой заявитель-мигрант либо лицо без гражданства достаточными денежными средствами для проживания на территории России не обладает. К примеру, на вкладах и счетах такого лица, согласно данным, содержащимся в предоставляемых заявителем справках, отсутствуют денежные суммы в рублях или иностранной валюте в пересчете на рубли, или денежных средств недостаточно для проживания на период заявленного времени пребывания на территории России из расчета самого срока разрешенного пребывания в регионе (месте) пребывания и установленного Правительством Российской Федерации прожиточного минимума на душу

¹ Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html>

² Закон Кыргызской Республики от 17 июля 2000 г. № 61 «О внешней миграции». – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/350>

населения, как на самого заявителя, так и на каждое лицо, находящееся на его иждивении.

Необходимо ввести официальную статистику данных от органов власти, выполняющих контроль и надзор за состоянием правопорядка и исполнением законоположений в стране, – Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Судебного департамента Верховного суда Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, – в том числе в отно-

шении лиц без гражданства, иностранных граждан, беженцев и переселенцев и лиц без определенного места жительства, используя принцип гендерного разделения с указанием возраста установленных преступных лиц, а также осужденных лиц на момент совершения ими преступлений с целью выработки мер предупреждения миграционной преступности на территории России как на федеральном, так и на региональном уровне – уровне субъектов Российской Федерации.

Список литературы

1. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Незаконная миграция как одна из причин создания и деятельности организованной преступности на территории современной России // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 176–179.
2. Ефремов И. А. Предварительные итоги международной миграции населения в России в 2022 году // Экономическое развитие России. – 2023. – Т. 30. – № 6. – С. 64–67.
3. Жилиев Р. М. Мигранты как угроза безопасности уголовно-исполнительной системы // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018. – № 5. – С. 118–120.
4. Жилиев Р. М. Уголовно-правовая характеристика осужденных к лишению свободы иностранных граждан мужского пола // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2017. – № 4. – С. 183–185.
5. Зорин В. Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 3 (39). – С. 40–50.
6. Кунц Е. В. Тенденции преступности женщин и исполнения в их отношении наказания в виде лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 10. – С. 15–20.
7. Лисицын П. П., Степанов А. М. Новые законы миграции Э. Равенштайна // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 15–26.
8. Махаматов Т. М., Накова А. Объективные основания национальной и этнической идентичности как самосознание этноса // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 10. – № 1 (43). – С. 57–62.
9. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграция: основные тренды января–февраля 2021 года // Мониторинг экономической ситуации в России. – 2021. – № 10 (142). – С. 16–19.
10. Осокин Р. Б., Полякова В. О. Достижение результатов исправительного воздействия при исполнении лишения свободы в отношении осужденных лиц женского пола: специфика, основные проблемы и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 130–135.
11. Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н., Жилиев Р. М. Уголовно-правовая характеристика осужденных к лишению свободы иностранных граждан женского пола // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018. – № 2. – С. 101–104.
12. Плюгина И. В. Проблемы заключения и реализации соглашений о реадмиссии: международно-правовой аспект // Журнал российского права. – 2010. – № 4 (160). – С. 114–124.
13. Рокотянская В. В. Управление общественным мнением в современной России. Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 5. – С. 43–47.
14. Ростовская Т. К., Нарутто С. В., Ворошилова С. В. Правовой статус и социальная адаптация молодых женщин, освобождаемых из мест лишения свободы. – М.: Проспект, 2022.
15. Ростовская Т. К., Русанова Е. И. Женская преступность в России: состояние, тенденции, последствия // Экономика. Право. Общество. – 2023. – № 1. – С. 163–174.
16. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности: состояние и перспективы // Человек: преступление и наказание. – 2023. – Т. 31. – № 1. – С. 138–146.
17. Сухов А. Н. Социально-психологический анализ безопасности различных групп // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30 – № 1. – С. 102–109.

18. *Топилин А. В.* Миграция населения и формирование трудовых ресурсов в СССР и на постсоветском пространстве: тенденции и регулирование. – М. : Экон-Информ, 2020.
19. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. – М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2022.
20. *Шамилов А. Б.* Статика и динамика политической культуры России в XX–XXI веках (к вопросу о ДНК России) // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 12– № 6.– С. 6–11.
21. *Ababakr A.* Global Public Policy and the Concept of Global Governance // Journal of Political Science and International Relations. – 2022. – № 1. – P. 24–28.
22. *Gangzhi Zhou, Li Feng.* On Security Mechanism in China and US: Comparison and Practices // International Journal of Law and Society. – 2020. – № 4. – P. 154–160.
23. *Khassanayeva L., Duisembayeva N., Bukeikhanov A.* The Idea of National Statehood // Social Sciences. – 2022. – № 2. – P. 69–77.
24. *Roukatou A., Guidkaya Z.* Trends in the Study of the Organizational Socialization of Employees in the Employment Relationship: Theoretical Framework and Research Perspectives // Social Sciences. – 2022.– V. 11. – Issue 4. – P. 208–219.
25. *Storey K.* Fly-in/Fly-out: Implications for Community // Sustainability. – 2010. – № 5. – P. 1161–1181.
26. *Vlachos G., Vidakis I.* Defense Policy as a Pillar of Cohesion and Sovereignty of the EU in the Global Environment // International Journal of European Studies. – 2022. – № 1.– P. 1–4.

Об ограничении адвокатской тайны: постановка проблемы

Н. Ю. Волосова

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права Оренбургского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
460000, Оренбург, пр-т Победы, д. 13.
E-mail: vasilii_vasiliev@rambler.ru

О. Д. Пронькина

ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Pronkina.OD@rea.ru

On the Limitation of Attorney-Client Privilege: Statement of the Problem

N. Yu. Volosova

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law of Orenburg State University.
Address: Orenburg State University, 13 Pobedy Avenue,
Orenburg, 460000, Russian Federation.
E-mail: vasilii_vasiliev@rambler.ru

O. D. Pronkina

Assistant of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Pronkina.OD@rea.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы ограничения адвокатской тайны. Особое внимание уделяется этической стороне ограничения адвокатской тайны с учетом современных реалий необходимости защиты жизни и здоровья человека. Цель исследования состоит в установлении баланса частных и публичных интересов при решении вопроса об ограничении адвокатской тайны. Предметом данного исследования выступило российское законодательство, регламентирующее порядок сохранения адвокатской тайны, а также позиции Конституционного суда Российской Федерации, высказанные им в своих определениях и постановлениях. При написании статьи использовались общенаучные и специальные методы познания. В результате проведенного исследования авторы полагают необходимым очень взвешенно подойти к решению вопроса об ограничении адвокатской тайны и учитывать необходимость защиты жизни и здоровья человека.

Ключевые слова: адвокат, допрос адвоката, оказание юридической помощи, доверитель, преступления террористической направленности.

Abstract

The article deals with the problems of restricting attorney-client privilege. Special attention is paid to the ethical side of the restriction of attorney-client privilege, taking into account the modern realities of the need to protect human life and health. The purpose of the study is to establish a balance of private and public interests when deciding on the limitation of attorney-client privilege. The subject of this study is the Russian legislation regulating the procedure for the preservation of attorney-client privilege, as well as the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation expressed in its rulings and resolutions. While writing the article, general scientific and special methods of cognition were used. The result of the research is that it is necessary to approach the issue of

restricting attorney-client privilege very carefully and solve it taking into account the need to protect human life and health.

Keywords: lawyer, lawyer's interrogation, legal assistance, principal, terrorist crimes.

Во всем мире защита адвокатской тайны является приоритетной задачей государства и рассматривается как центральный элемент адвокатской профессии, необходимый для выполнения адвокатом своих функций, что закреплено в нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность адвоката и адвокатуры в целом. Адвокатская тайна создает основу для доверительных отношений между клиентом и адвокатом, защищает правопорядок и гарантирует доступ к правосудию. Она находится в поле зрения фундаментальных интересов правового государства. Кроме того, именно государство не просто призвано обеспечить защиту адвокатской тайны, но и сформировать действенный и эффективный правовой механизм такой защиты.

Вопросы, связанные с регламентацией и защитой адвокатской тайны, всегда были и по сей день остаются актуальными как в теории, так и на практике, хотя следует отметить, что в российской правовой действительности и российском законодательстве в целом сформирован правовой режим адвокатской тайны и механизм ее защиты. Он включен как в специальный закон, регламентирующий адвокатскую деятельность в целом, так и в процессуальное законодательство, что позволяет говорить о комплексном подходе законодателя к формированию защитных механизмов.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в статье 8 определяет предмет адвокатской тайны и гарантии ее защиты. Уголовно-процессуальное законодательство также устанавливает ряд положений, направленных на защиту адвокатской тайны.

Например, в соответствии с частью 3 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) как адвокат, так и защитник не подлежат допросу в качестве свидетелей об обстоятельствах, которые стали известными им в связи с оказанием юридической помощи. Законодатель допускает допрос адвоката, но лишь с соблюдением условий, которые обозначены в пунктах 2 и 3 части 3 статьи 56 УПК РФ (его ходатайство, согласие его доверителя и дача показаний в интересах доверителя). Других

оснований, которые предоставляют возможность осуществить допрос адвоката, процессуальное законодательство не предусмотрело.

Запрет на допрос адвоката не только основан на необходимости защиты от разглашения сведений, сообщенных адвокату со стороны его доверителя, но и определяется глубоко нравственным содержанием данного запрета. Доверие к адвокату начинается с предоставленной ему возможности сохранить в тайне сведения, обладателем которых он стал в процессе своей профессиональной деятельности, и использовать их исключительно в интересах своего доверителя. Поэтому фидуциарность (доверительность) рассматривается как основа адвокатской деятельности и главный элемент адвокатской тайны.

Современное содержание части 3 статьи 56 УПК РФ отражает позицию законодателя и Конституционного суда Российской Федерации, который на протяжении более чем 10 лет высказывал и последовательно отстаивал точку зрения в соответствии с системным толкованием конституционных предписаний относительно возможности допроса адвоката в уголовном судопроизводстве через призму защиты адвокатской тайны. В своих постановлениях и определениях Конституционный суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал особую значимость адвокатской тайны для уголовного судопроизводства и для защиты прав доверителей адвокатов в целом.

Следует отметить особую миссию института адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве, без которого невозможна защита вовлеченных в уголовный процесс лиц; он имеет важное значение для отправления правосудия в целом, обеспечивая не только защиту интересов участников уголовного судопроизводства, но реализацию принципа состязательности сторон.

Однако столь высокая значимость и важность данного института для уголовного судопроизводства не исключают необходимости рассматривать его через призму защиты не только частных, но и публичных интересов. В настоящий момент возведение адвокатской тайны в абсолют не отвечает интересам общества в целом и отдельно взятой личности, а предложения и попытки ее

разумного законодательного ограничения сталкиваются с активными возражениями на этот счет.

Несмотря на неоднократно высказанную позицию Конституционного суда Российской Федерации и внесенные изменения в действующее законодательство, вопрос о возможности допроса адвоката в практике правоприменения и в теоретических взглядах некоторых исследователей остается открытым.

Ряд исследователей все чаще поднимает вопрос о необходимости ограничения адвокатской тайны и введения права адвоката дать показания о факте подготовки его доверителем преступления, обнаруженном в процессе осуществления адвокатом профессиональной деятельности. Это мнение основано на необходимости защищать публичные интересы, обеспечивать безопасность, сохранность жизни и здоровья граждан. Это предложение не ново, да и законодатель последовательно формирует механизм, отчасти ограничивающий адвокатскую тайну, когда речь идет о действиях, направленных на поддержку терроризма.

Впервые вопрос о защите от террористической угрозы был поставлен в 2005 г., когда адвокатов обязали подавать сведения о подозрительных сделках своих клиентов в Федеральную службу по финансовому мониторингу. Уже тогда такое ограничение было воспринято очень болезненно частью адвокатской общественности, выступающей категорически против этого. Многие адвокаты в качестве аргумента приводили следующие доводы: такое решение законодателя является прямым нарушением профессиональных прав адвокатов, ставит под угрозу интересы их доверителей, нивелирует императив адвокатской тайны, подрывает доверие к адвокатуре как важному социальному институту государства. Однако осознание необходимости защиты публичных интересов, защиты населения от террористической угрозы, сохранения жизни граждан сместили акценты на рассмотрение возможности ограничения адвокатской тайны, что было подтверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2021 г. № 569, оставившим среди обязанностей адвоката необходимость сообщения о подозрительных сделках своих доверителей.

В 2016 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации была внесена статья 205.6, которая предусматривает ответственность за несообщение органам власти о готовящемся преступлении

террористической направленности (перечень таких деяний представлен в норме). Если учесть, что освободить от ответственности за данное деяние можно только супруга и близких родственников, будет правомерно задаться вопросом о позиции адвоката и ограничении адвокатской тайны, ведь иных оговорок законодатель не предусмотрел.

Вопрос об ограничении адвокатской тайны не нов. И в прошлом он также поднимался как теоретиками, так и ведущими адвокатами. Ими неоднократно высказывалась точка зрения на необходимость пересмотра отношения к адвокатской тайне в отношении готовящегося преступления. Например, по мнению П. А. Элькинд, ведущего ученого и адвоката, адвокат не вправе разглашать доверенные ему сведения. Но из данного правила делается исключение, если речь идет о готовящемся преступлении, о котором адвокату стало известно в процессе его деятельности [9]. И. Л. Петрухин придерживался аналогичной точки зрения. Им отмечалась возможность допроса адвоката в качестве свидетеля и отступления от императива адвокатской тайны. Однако предметом допроса могли выступать исключительно обстоятельства готовящегося преступления [5].

В более поздних работах эта мысль также нашла свое развитие и обоснование. Так, по мнению некоторых исследователей, несообщение адвокатом сведений о тяжком преступлении вступает в противоречие с его моральным долгом как гражданина. И далее в обоснование данной позиции указывается, что адвокат в этом случае не использует возможность сохранить жизнь другим людям или оградить их от преступного посягательства [1]. Именно с морально-нравственным основанием необходимости разглашения адвокатской тайны о готовящемся преступлении, последствием которого может стать смерть человека или множества людей, авторы связывают такой шаг. В этом случае было бы неэтично рассуждать о необходимости сохранения адвокатской тайны, поскольку под угрозу ставятся жизнь и здоровье многих людей. Однако не все придерживаются данной точки зрения. Мнения современных исследователей и адвокатов разделились и являются диаметрально противоположными, что затрудняет выработку какого-то универсального, устраивающего всех решения.

В этом вопросе стали преобладающими следующие точки зрения. Первая говорит об адвокатской тайне как некоем абсолюте, который не может быть нарушен никем, вторая точка зрения основана на необходимости ограничения адвокатской тайны и возложении на адвоката обязанности сообщить, а в дальнейшем и дать показания о готовящемся преступлении.

В свое время Ю. С. Пилипенко, рассуждая о возможности допроса адвоката с целью получения сведений, связанных с готовящимся преступлением, категорически возражал против этого. Им было отмечено, что при всей публично-правовой значимости адвокатуры данный институт должен стоять на страже только тех публичных интересов, для защиты которых он существует. По мнению данного автора, публичные интересы не могут быть рассмотрены как основания ограничения адвокатской тайны [6], а поднятый вопрос предложено решать исключительно с точки зрения частного интереса доверителя адвоката и сохранения в тайне всех без исключения сведений, которые стали известны адвокату от его доверителя.

Аргументируя свою позицию, авторы, отстаивающие вторую точку зрения, обосновывают ее необходимостью предотвращения большого количества жертв, которые могут быть следствием актов терроризма, и сохранения жизни и здоровья граждан.

В частности, рассуждая на эту тему, Е. И. Герфанова высказала мысль о том, что адвокатская тайна является абсолютной. Такой абсолютизм, по мнению автора, приводит к определенной коллизии. Коллизия возникает между этическими и правовыми нормами, которые регулируют деятельность адвоката, и обеспечением безопасности человека и общества. Это привело исследователя к мысли о необходимости ограничения адвокатской тайны, когда речь идет о готовящемся преступлении. В группу данных преступлений исследователь предлагает включить уголовно-наказуемые деяния против жизни или здоровья человека и преступления против общественной безопасности. Автором был сделан вывод о том, что данное предложение не противоречит ни Конституции Российской Федерации, ни международным нормам [4]. И это действительно так. Конституционные предписания, как и нормы международного права, устанавливают приоритет защиты прав и свобод человека.

Д. А. Воронов также поддерживает необходимость ограничения адвокатской тайны и предлагает возложить на адвоката обязанность сообщать в правоохранительные органы не только о готовящемся преступлении, но и о намерении своего доверителя противоправно воздействовать на лицо, безопасность которого обеспечивается в рамках предписаний уголовно-процессуального законодательства [3].

Однако следует рассмотреть опасности и риски, которые связаны с предложениями по ограничению адвокатской тайны, которые были высказаны исследователями, стоящими на позициях ее абсолютизации.

Среди таких опасений некоторыми исследователями высказывается мысль, что упразднение адвокатской тайны может привести к прекращению существования адвокатуры как социального института [7]. Между тем хотелось бы уточнить, что высказанные предложения касаются не упразднения адвокатской тайны как социального института, а ее ограничения в части разглашения только определенной категории сведений, связанных с готовящимся преступлением, а также создания определенного ограничительного механизма, который не нарушит основы адвокатской тайны, – а это несколько разные подходы к разрешению проблемы.

Анализ точек зрения авторов, отстаивающих позицию об ограничении адвокатской тайны, позволил прийти к выводу, что в большинстве случаев речь идет о разглашении адвокатом исключительно сведений о готовящемся преступлении. Большинство исследователей, придерживающихся данной точки зрения, указывают на определенную категорию уголовно-наказуемых деяний, которыми являются тяжкие и особо тяжкие преступления, и относят к ним преступления против жизни и здоровья, преступления террористической направленности. Случаи, относящиеся к данным категориям, в большинстве своем ведут или могут привести к многочисленным жертвам ни в чем не повинных людей.

Выдвинутые предложения о возможности допроса адвоката об обстоятельствах таких готовящихся преступлений вызывают неоднозначное мнение и критику со стороны оппонентов, отстаивающих противоположную точку зрения. Это связано не только с соблюдением адвокатской этики. Это вопросы, которые затрагивают куда более широкий спектр отношений, связанных с доверием к институту адвокатуры в целом и сомне-

ниями в необходимости его существования. Выдвинутые предложения об ограничении института адвокатской тайны, безусловно, направлены на защиту публичного интереса, обеспечение безопасности, исключение большого количества жертв, сохранение жизни и здоровья граждан.

Будет ли при таком законодательном решении данного вопроса сохранен этот институт, будет ли он выполнять функции, которые на него возложены, будет ли сохраняться в этом случае принцип состязательности в уголовном судопроизводстве? Кроме того, возникает и ряд организационных вопросов, связанных с возможностью продолжения защиты адвокатом интересов своего доверителя. В настоящее время дать однозначный ответ или предложить устраивающее всех решение не представляется возможным.

На первый взгляд, при ответе на поставленные вопросы напрашивается вполне очевидный ответ – нет! И это вполне укладывается в следующие аргументы. Вопрос о сохранении адвокатской тайны – это не только вопрос о доверии к институту адвокатуры, это вопрос о сохранении состязательной формы уголовного судопроизводства. Если адвокат будет способствовать раскрытию преступления, используя доверительные отношения с подзащитным, вряд ли в дальнейшем в таких случаях можно говорить об адвокате как представителе стороны защиты. Такая обязанность полностью нивелирует роль адвоката в качестве защитника, а подобный подход способен разрушить весь институт адвокатуры.

Именно поэтому большинство исследователей, затрагивая в своих исследованиях вопросы защиты адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве, отмечают доверие как главную составляющую отношений между защитником и его подзащитным [2]. Это справедливо, и именно поэтому любые исключения рассматриваются как посягательство на адвокатскую тайну.

Между тем адвокат будет находиться в очень сложной ситуации, если его доверитель в процессе оказания ему юридической помощи сообщит ему о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении, в том числе преступлении террористической направленности. Можно ли в этом случае адвокату сообщать об этом в правоохранительные органы и давать свидетельские показания против своего доверителя? Можно ли освобождать адвоката от ответственности за раскрытие таких сведений?

Отвечая на данный вопрос, обратимся к статистическим данным.

В Российской Федерации в январе–декабре 2021 г. было зарегистрировано 2 136 преступлений террористической направленности. Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера пресечено на стадии приготовления и покушения – 64. В январе–декабре 2022 г. было зарегистрировано 2 233 преступления террористического характера, что на 4,5% больше, чем в предыдущем году. Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера пресечено на стадии приготовления и покушения – 121. В январе–июне 2023 г. уже зарегистрировано 1 193 преступления террористического характера. Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера пресечено на стадии приготовления и покушения – 72¹ [5]. В последние несколько лет наблюдается небольшой, но все-таки рост преступлений террористической направленности.

На протяжении продолжительного времени Россия противостоит террористической угрозе, а многочисленные террористические акты, совершенные на территории нашей страны, унесли жизни десятков и сотен человек, не говоря о материальном ущербе, который был причинен данными деяниями. Приведем некоторые цифры: 9 мая 2002 г.: Каспий (Дагестан) – погибли 45 человек (из них 12 детей), около 170 раненых. 23 октября 2002 г.: теракт на Дубровке – 122 погибших. 27 декабря 2002 г.: Грозный, Дом правительства – погибли 83 человека, около 200 получили ранения. 12 мая 2003 г.: селение Знаменское, Чеченская республика – 60 человек погибли, около 200 ранены. 6 февраля 2004 г.: Москва, взрыв на станции метро «Павелецкая» – 41 погибший, 250 ранены. 1 сентября 2004 г.: Беслан – 331 человек погиб, 700 ранены. 17 августа 2009 г.: Ингушетия – погибли 25 человек, 136 ранены. 29 марта 2010 г.: Москва, взрыв в аэропорту Домодедово – погибли 37 человек, ранены 170. 31 октября 2015 г.: взрыв на борту российского воздушного суда, следовавшего из Египта в Санкт-Петербург – 224 человека погибли.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 12 месяцев 2021, 2022 гг., 6 месяцев 2023 г. Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.пф/reports/1/>

Может ли быть в этом случае оправдано молчание? Этот вопрос, связанный с ограничением адвокатской тайны, правом адвоката на молчание, относится к числу глубоко нравственных и отчасти носит мировоззренческий характер. Он требует своего глубокого изучения, а также учета не только мнения ученых, но и практикующих адвокатов. Приведем несколько точек зрения на этот счет.

Например, И. В. Смолькова сделала вывод о необходимости обеспечения общественной безопасности и защиты жизни людей, если они поставлены под угрозу [8], тем самым обосновав необходимость ограничения адвокатской тайны.

Некоторые практикующие адвокаты также полагают необходимым ограничить адвокатскую тайну. Аргументируя свою позицию, они отмечают необходимость соблюдения конституционных предписаний, рассматривающих человека как высшую ценность, и здесь, по их мнению, адвокат при установлении факта подготовки тяжкого преступления должен считать приоритетной охрану прав и свобод лиц, на которые планируется преступное посягательство. Иной подход к рассмотрению подобной ситуации они предлагают рассматривать как пособничество адвоката совершению такого преступления [12].

Анализ представленной точки зрения не противоречит и положениям статьи 10 Кодекса профессиональной этики адвоката. Положения данной нормы содержат прямой запрет на незаконные действия со стороны адвоката в угоду различным просьбам его доверителя, выходящим за рамки предписаний действующего законодательства.

По справедливому замечанию ряда авторов, адвокатский иммунитет распространяется только на сведения об уже совершенном доверителем адвоката преступлении, по поводу которого адвокат и осуществляет свою деятельность в уголовном процессе. Распространять адвокатский иммунитет на сведения о готовящемся преступлении, тем более если оно относится к категории тяжких или особо тяжких, недопустимо¹.

Опасения в части такого ограничения адвокатской тайны также связаны и с защитой про-

фессиональных прав адвокатов, которые неоднократно сталкивались с незаконными вызовами на допрос в качестве свидетелей по уголовным делам своих доверителей. В решениях Конституционного суда Российской Федерации о возможности допроса адвокатов были определены условия для такого допроса, которые основывались исключительно на интересах доверителя адвоката и необходимости сохранения адвокатской тайны. Между тем лица, осуществляющие производство по уголовному делу, данные решения органа конституционного контроля восприняли как возможность вызова на допрос адвоката, а в случае отказа – как право на осуществление его привода. На протяжении более чем 10 лет эта порочная практика была достаточно распространена, что существенно ущемляло профессиональные права адвокатов, препятствовало выполнению адвокатом его профессиональных функций в уголовном процессе.

И лишь в 2019 г. наметился определенный прогресс в этом вопросе, когда определением Конституционного суда Российской Федерации от 11 апреля 2019 г. № 863-О² [9] возможность проведения в отношении адвоката следственных действий, включая его допрос, была поставлена в зависимость от наличия судебного решения. Такая позиция Конституционного суда Российской Федерации существенно повлияла и на правоприменительную практику, данные которой говорят о снижении случаев незаконного вызова адвокатов на допрос. А в опубликованном докладе о нарушениях профессиональных прав адвокатов за 2022 г. было отмечено, что число серьезных нарушений профессиональных прав адвокатов продолжает существенно снижаться³.

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: законодателем в целом сформиро-

² По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части 1 статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»: Определение Конституционного суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 863-О. – ЭПС «Система ГАРАНТ». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72140612/>

³ Опубликован доклад о нарушениях профессиональных прав адвокатов в 2022 году // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ: официальный сайт. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/opublikovan-doklad-onarusheniyakh-professionalnykh-prav-advokatov-v-2022-godu/>

¹ Есть ли границы у адвокатской тайны // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ: официальный сайт. – URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/est-li-granitsy-u-advokatskoy-tayny>

рован механизм защиты адвокатской тайны. Однако если говорить о сформированности механизма защиты публичных интересов, когда несообщение адвокатом сведений о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении приведет к большому количеству жертв, вызывает много споров. К сожалению, вопрос о защите публичных интересов посредством ограничения адвокатской тайны все еще остается предметом научных дискуссий.

Думается его обсуждение должно быть поставлено на повестку дня адвокатского сообщества и законодателя, которые могли бы найти ту золотую середину между частным и публичным

интересом, что позволит прийти и к пониманию, и к решению поднятой нами проблемы.

Взвешенный подход к рассмотрению этого вопроса даст возможность определить не только границы и пределы адвокатской тайны, но освободить адвоката от нравственных терзаний между сохранением в тайне полученных сведений о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении и возможностью спасти жизнь и здоровье многих людей. Решение данного вопроса также не позволит обвинить адвоката в нарушении правил адвокатской этики и по этим основаниям лишить его статуса. Полагаем, что спасение жизни и здоровья человека должно быть приоритетным перед сохранением адвокатской тайны.

Список литературы

1. Ария С. В. Об адвокатской тайне // Российская юстиция. – 1997. – № 2. – С. 37.
2. Буфетова М. Ш., Чаманов, В. В. К вопросу о свидетельском иммунитете адвоката // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 6. – С. 16–24.
3. Воронов Д. А. Задачи адвоката по обеспечению безопасности участников уголовного процесса // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. мат-лов межд. науч. конф. (15-16 февраля 2007 г.): в 2 ч. / СибЮИ МВД России; отв. ред. С. Д. Назаров. – Ч. 2. – Красноярск, 2007. – С. 143–144.
4. Герфанова Е. И. Уголовно-правовой иммунитет адвоката и защитника // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – Казань, 2019. – Т. 161. – Кн. 1. – С. 182–190.
5. Петрухин И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. – М. : Юридическая литература, 1989.
6. Пилипенко Ю. С. Отечественная доктрина об абсолютности или относительности адвокатской тайны // Адвокатская практика. – 2009. – № 6. – С. 16–22.
7. Сибирцев Г. И. Теоретические основы института адвокатской тайны в уголовном процессе // Адвокатская практика. – 2015. – № 6. – С. 27–33.
8. Смолькова И. В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве: монография. – М. : Юрлитинформ, 2014.
9. Элькин П. С. Адвокатская этика (начало) // Советская юстиция. – 1940. – № 3. – С. 17–20.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-174-179>

Новеллы уголовно-процессуального законодательства о следственных действиях

И. В. Макеева

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского психолого-социального университета,
доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Академии труда и социальных отношений.

Адрес: ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет»,
115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, 9а;
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
119454, Москва, ул. Лобачевского, 90.
E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

Novelties of Criminal Procedure Legislation on Investigative Actions

I. V. Makeeva

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law
of Moscow Psychologic-Social University,
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics
of the Academy of Labour and Social Relations.
Address: Moscow Psychologic-Social University,
9a 4th Roshchinsky Passage, Moscow, 115191, Russian Federation;
Academy of Labour and Social Relations, 90 Lobachevskogo Street,
Moscow, 119454, Russian Federation.
E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены изменения и дополнения уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие новые возможности при производстве отдельных следственных действий, а также новые виды следственных действий. Уделяется внимание проблеме отсутствия законодательного определения следственных действий, которое содержало бы указание на основные признаки, характерные для всех следственных действий. Ввиду важности своевременного, эффективного производства следственных действий для сбора и проверки доказательств дается анализ новых возможностей, которые законодатель предусмотрел в работе следователя (дознателя) для отдельных видов следственных действий. Кроме того, дается анализ изменений законодательства, которые расширили традиционный перечень видов следственных действий, дополнив его такими разновидностями, как наложение ареста на имущество физических и юридических лиц, реализация и уничтожение вещественных доказательств. Такое дополнение перечня видов в системе следственных действий практически стирает различия между процессуальными действиями следователя и собственно следственными действиями.

Ключевые слова: процессуальные действия, технические средства, цифровизация, следователь.

Abstract

The article discusses changes and supplements to the criminal procedure legislation, providing for new opportunities in the production of individual investigative actions, as well as new types of investigative actions. Attention is paid to the problem of the lack of a legislative definition of investigative actions, which would contain an indication of the main features characteristic of all investigative actions. In view of the importance of timely, effective investigative actions for the collection and verification of evidence, the article analyzes the new opportunities that the legislator has provided in the work of the investigator (inquirer) for certain types of investigative actions. In addition, the analysis is given which concerns legislative changes that have expanded the

traditional list of types of investigative actions, supplementing it with such varieties as the seizure of property of individuals and legal entities, the sale and destruction of physical evidence. Such a supplement to the list of types in the system of investigative actions practically erases the differences between the procedural actions of the investigator and the actual investigative actions.

Keywords: procedural actions, technical means, digitalization, investigator.

В течение последних лет в уголовно-процессуальном законодательстве произошёл ряд изменений, в результате которых были предусмотрены новые разновидности следственных действий, а также предоставлены новые возможности при производстве отдельных следственных действий. Однако перед тем как анализировать их, кратко обратимся к самому понятию следственных действий и их перечню.

Традиционно в уголовном процессе выделяется понятие процессуальных действий, под которыми понимаются все действия, осуществляемые в ходе проверки сообщений о преступлениях и расследования уголовных дел. Процессуальные действия могут иметь целью сбор или проверку доказательств по делу, направление хода расследования. Законодатель в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ относит к процессуальным любые следственные, судебные и иные действия, которые предусмотрены нормами уголовно-процессуального законодательства.

Исходя из такого понимания процессуальных действий, заключаем, что любое следственное действие по определению следует считать процессуальным. При этом не все процессуальные действия будут являться следственными: понятия следственных и процессуальных действий соотносятся между собой как часть и целое.

Законодательно понятие следственных действий не закреплено, что приводит к некоторым разночтениям в теоретических работах и на практике. Например, В. В. Вандышев под следственными действиями понимает действия следователя, направленные на сбор доказательств, их проверку и (или) оценку². Сходное понимание следственных действий даёт П. А. Lupinskaya,

указывая, что это вид процессуальных действий, которые имеют целью получить доказательства по делу³.

В практической работе следователей отсутствие единого законодательно установленного понятия следственных действий также влечёт расхождение во мнениях. Так, например, при проведении соответствующего опроса в 35% случаев следователи не могли различить следственные действия и отдельные оперативно-розыскные мероприятия. В 59% случаев респонденты указали, что следственные действия – это любые процессуальные действия следователя. Только 6% из опрошенных следователей определили следственные действия как действия, предусмотренные главами 24–27 УПК РФ, которые направлены на сбор или проверку доказательств [5].

Однако при наличии нескольких различных подходов к определению следственных действий нельзя отрицать их важного значения как способов сбора доказательств и их проверки. Ведь именно при помощи следственных действий выявляются и приобщаются к делу доказательства, которые способствуют расследованию и разрешению дела.

В ряде случаев цель того или иного следственного действия закреплена процессуальным законом. Например, целью осмотра является изучение определённого объекта для обнаружения возможных следов или иных признаков преступления (статья 176 УПК РФ), а целью выемки, согласно статье 183 УПК РФ, выступает изъятие каких-либо документов или иных предметов, имеющих уголовно-правовое значение. Но отдельные следственные действия, в частности, очная ставка (статья 192 УПК РФ) и следственный эксперимент (статья 181 УПК РФ), не имеют законодательно предусмотренной цели. Очевидно, они могут проводиться по инициативе следствия, если необходимы уточнение тех или иных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

² Вандышев В. В. Уголовный процесс: общая и особенная части : учебник для юрид. вузов и факультетов. – М. : Контракт: Волтерс Клувер, 2010. – С. 577.

³ Lupinskaya П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Lupinskaya, Л. А. Воскобитова. – М. : Норма: Инфра-М, 2022. – С. 36.

сведений по делу, устранение возникших противоречий в доказательствах и пр.

Поскольку следственные действия играют крайне важную роль в установлении истины по делу и привлечении к ответственности виновных лиц, они имеют такие общие, свойственные всем следственным действиям признаки, как законность, осуществление их только уполномоченными должностными лицами при обеспечиваемом государственным принуждении. Действительно, все следственные действия осуществляются после вынесения соответствующего постановления. Кроме того, отдельные действия, которые могут ограничивать права и свободы, осуществляются следствием только при наличии соответствующего судебного акта, что также направлено на обеспечение законности производства следственных действий.

Что касается обязательности подчинения органам следствия, то оно обеспечивает эффективность производства следственных действий. Если бы их производство не подкреплялось государственным принуждением, то следствие не могло бы обеспечить их производство ввиду недобросовестного поведения отдельных лиц. По этой причине в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и УПК РФ предусмотрены различные меры ответственности за противодействие следствию, от привода или денежного взыскания за неявку на допрос (статья 188 УПК РФ) до уголовной ответственности в случае отказа потерпевшего или свидетеля дать показания или уклонения потерпевшего от освидетельствования или судебной экспертизы (статья 308 УК РФ). Так или иначе, государственное принуждение свойственно любому следственному действию.

Среди ученых нет и единого подхода к пониманию системы следственных действий. Ведь процессуальный закон не очерчивает ограниченный перечень видов таких действий. Это дает возможность изложить перечень следственных действий по своему усмотрению, а также классифицировать их по различным основаниям. Часто проводят разделение следственных действий на две большие группы: на действия, направленные на собирание доказательств (обыск, осмотр, запись переговоров и др.), и на действия, преследующие целью проверку информации (например, очная ставка, следственный эксперимент).

Несмотря на различные задачи, которые выполняют указанные следственные действия, все они в конечном итоге направлены на раскрытие преступления. Система следственных действий образует единую систему, которая пополняется новыми элементами и приемами. По содержанию глав УПК РФ можно выделить следующие группы следственных действий:

- во-первых, освидетельствование, осмотр и следственный эксперимент. Указанные действия предусматриваются положениями главы 24 УПК РФ, и в них прежде всего применяется метод наблюдения;

- во-вторых, обыск, выемка, арест почтовых отправлений, запись переговоров и получение сведений о соединениях между абонентами, предусмотренные главой 25 УПК РФ. Эти следственные действия направлены на изъятие предметов или информации;

- в-третьих, допрос, опознание, очная ставка и проверка показаний на месте, которые направлены на получение словесной информации;

- в-четвертых, судебная экспертиза (глава 27 УПК), которая основывается на экспертном исследовании отдельных поставленных перед экспертом вопросов.

Сегодня благодаря изменениям в УПК РФ среди видов следственных действий перечислены и новые их виды, например, получение информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами (статья 186.1). В дополнение к уже ставшему привычным контролю переговоров в арсенале следствия теперь появились новые возможности, в том числе возможность отслеживать соединения между лицами или отдельными абонентскими устройствами, обращаясь к данным, хранящимся у операторов связи. Этот вид следственных действий стал возможен с 2010 г. и получил широкое распространение в следственной практике.

Однако, поскольку данное следственное действие может ограничивать конституционные права граждан, его проведение возможно при наличии соответствующего судебного решения. Суд выдает такое решение при наличии оснований полагать, что полученная в результате таких действий информация будет важна для уголовного дела. Закон позволяет следствию получать сведения о соединениях между абонентами за период до шести месяцев.

К сведениям, которые истребуются у операторов связи, относятся: информация о самом абоненте, о времени и дате соединений, об их продолжительности, об устройствах связи, о номерах абонентов, с которыми были установлены соединения, а также об иных данных, которые позволяют идентифицировать их, и о местах расположения передающих сигналы станций.

Следует отметить, что получение сведений о соединениях от оператора связи как следственное действие имеет основание, отличное от осмотра документов, содержащих такие сведения. Если основанием для получения сведений от оператора связи является судебное решение, то основанием для осмотра документов, в которых содержатся нужные следователю сведения, является поступление их от организации связи. При этом выносить отдельное постановление об осмотре поступивших документов не требуется.

Среди ученых есть различные мнения относительно этого сравнительно нового вида следственных действий. Одни (в частности, Е. С. Лапин) полагают, что в ситуации, когда документы на основе имеющихся на носителях данных формирует не сам следователь, а сотрудник оператора связи, может присутствовать умысел или человеческий фактор, в результате чего следствию могут быть предоставлены неполные данные. Ситуацию усугубляет то, что сотрудник компании сотовой связи не несет уголовной ответственности за предоставление заведомо ложных сведений по запросу (в отличие, например, от эксперта при проведении экспертизы). Сторонники обоснованности данного вида следственных действий (А. Ю. Антонов и др.) указывают на отсутствие оснований подозревать ошибку или халатное отношение при формировании сведений, поскольку это происходит при помощи специального программного обеспечения. Сегодня в распоряжении операторов связи имеются необходимые технические возможности системы сотовой связи [1].

Можно встретить также мнение о том, что получение сведений о соединениях является вовсе не новым следственным действием, а процессуальным действием по истребованию необходимых данных. В частности, Б. Т. Безлепкин отмечает, что, в сущности, речь идет не о каком-то новом виде следственных действий, а об обычном предоставлении следствию документальных доказательств. Автор указывает, что в этом смысле получение данных от операторов связи

практически ничем не отличается от получения, например, данных от бухгалтерии коммерческой организации. Ведь следователь не осуществляет этих действий по сортировке информации самостоятельно, а запрашивает их у оператора¹.

Отчасти такое замечание можно считать логичным. Ведь следователь действительно не сам занят обработкой данных. Более того, он даже не контактирует с организацией – оператором связи. Однако наиболее веским аргументом в пользу того, что получение сведений от операторов связи не следует считать видом следственных действий, является отсутствие законодательно предусмотренной ответственности оператора связи и конкретного его работника за непредоставление таких сведений или предоставление заведомо недостоверной информации.

Полагаем все же, что отсутствие такой ответственности следует воспринимать как недостаток правового регулирования рассматриваемых правоотношений, а не как решающий аргумент при определении правовой природы получения сведений о соединениях. По нашему мнению, коль скоро законодатель выделил данное действие в числе иных видов следственных действий, то так и надлежит его воспринимать. Очевидно, что получение сведений от оператора связи выделено в качестве самостоятельного вида следственных действий ввиду особой тактики его проведения. В частности, для самого запроса в организацию связи необходимо получить решение суда, для чего следователь мотивированно просит суд и указывает, почему ему необходимы данные об определенных лицах в конкретной ситуации. Вслед за этим следователь направляет оператору связи соответствующий запрос. При получении ответа необходимо удостовериться в полноте полученной информации. Если оператор прислал неполные сведения, запрос направляется еще раз. Иногда для получения интересующей следствия информации по полученным от оператора данным целесообразно провести информационно-аналитическую экспертизу. Это касается случаев предоставления большого объема информации или необходимости систематизации полученных данных, когда требуется работа со специальными компьютерными программами.

¹ Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учебное пособие. – М. : Проспект, 2023. – С. 173.

Наконец, необходимо удостовериться в том, что устройством связи, которое зарегистрировано на определенное лицо, пользовался именно этот человек. То есть для осмотра, оценки, анализа полученных от оператора данных следователю необходимо приложить знания и навыки, а также соотнести полученные сведения с другими доказательствами.

И здесь следует согласиться с мнением, что получение информации о соединениях от операторов связи является самостоятельным комплексным следственным действием с технической составляющей [2]. Сегодня получение такой информации является значимым процессуальным инструментом получения доказательственной базы, особенно в условиях стремительного развития телекоммуникационных услуг и использования средств связи в преступной среде.

Нельзя игнорировать тот факт, что все чаще злоумышленники пользуются особенностями передачи сигналов связи и пр. для создания ложного алиби. В этой связи необходимо обобщать случаи такого злонамеренного использования устройств связи и применять их в следственной практике.

Обратим внимание еще на один сравнительно новый вид следственных действий – реализацию и уничтожение вещественных доказательств. Изменением в УПК РФ в 2011 г. законодатель дополнил статью 165 частью 3.1, согласно которой перечень следственных действий дополнен двумя новыми следственными действиями. Было установлено, что реализация и уничтожение вещественных доказательств (но не любых, а перечисленных в части 2 статьи 82 УПК РФ) также считаются следственными действиями.

В пункте 3 части 2 статьи 82 УПК РФ перечислены те виды доказательств, которые могут быть уничтожены до вступления в силу приговора по делу или до истечения срока обжалования акта о прекращении уголовного дела.

Указанные виды доказательств могут уничтожаться только после проведения необходимых исследований. Что касается наркотических средств, то для их уничтожения перед проведением заседания суда по данному вопросу к материалам дела должен быть приложен образец для сравнительного исследования. В данном случае, вводя новую норму о следственном действии, законодатель не предусмотрел порядок получения такого образца. Очевидно, следователь должен применить порядок, описанный статье 202

УПК РФ. Однако надо полагать, что при принятии следователем решения обратиться в суд с целью получить акт об уничтожении наркотиков он должен ознакомить с этим решением всех участников данного дела.

С учетом всех особенностей реализации и уничтожения вещественных доказательств некоторые авторы не склонны относить их к числу следственных действий. В частности, О. В. Меремьянина полагает, что здесь можно говорить только о некотором сходстве, а именно в части судебного порядка получения разрешения суда на их осуществление. При этом автор также отмечает, что следственные действия всегда направлены на получение доказательств, даже если этот результат и не был достигнут. В случае же с реализацией или уничтожением отдельных вещественных доказательств действия следствия не направлены на получение нового доказательства или на проверку имеющихся. Следовательно, по данному критерию их нельзя отнести к следственным действиям [5].

Учитывая важность эффективного производства следственных действий, необходимо отметить новые возможности, которые законодатель предусмотрел в работе следователя (дознателя) для отдельных видов следственных действий. Так, руководствуясь статьей 189.1 УПК РФ, сегодня следователь может проводить допрос, опознание, а также очную ставку при помощи системы видео-конференц-связи (разумеется, при наличии таких специальных технических возможностей). Важно, что при проведении следственных действий в таком режиме обязательно ведение видеозаписи. Видеозапись приобщается к протоколу.

Расследование преступлений часто требует от следствия организации и проведения комплекса действий, от своевременности и эффективности которых зависит успешный ход расследования. Следовательно, необходимо стремиться обеспечить оперативность проведения следственных действий, в том числе при помощи доступных технических средств. Цифровизация и повсеместное распространение цифровых технологий вносят свои коррективы и в работу следователей – от использования персональных компьютеров для ведения протоколов следственных действий до назначения компьютерно-технической экспертизы.

Например, уже давно используемое в работе следователей ведение протоколов при помощи

технических средств дает возможность следователю сразу же вносить в протокол коррективы, исправлять неточности, замеченные как самим следователем, так и лицами по делу. В результате получается текст протокола, где учтены замечания, в том числе потерпевшего, обвиняемого, защитника, однако пометок об этом в тексте нет. Однако такое удобство, конечно, не отменяет право участвующих лиц делать замечания на уже готовый протокол.

Все чаще в работе следователей применяются новые технические средства и современные методики для более быстрого и удобного осуществления следственных действий. В особен-

ности это касается цифровой фиксации доказательств. Так, при помощи цифровой камеры, персонального компьютера и специальных программ получают криминалистические фототаблицы с графическими, текстовыми сопроводительными описаниями. Такие программы дают возможность, например, используя данные в сети Интернет, извлечь нужный элемент электронной карты местности и разместить с линиями разметки в фотографии, прилагающиеся к протоколу осмотра на месте происшествия и пр. Очевидно, такие возможности, не противоречащие требованиям УПК РФ, существенно упрощают работу следствия.

Список литературы

1. Антонов О. Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в России: сущность, этапы и пути совершенствования тактического обеспечения // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 459. – С. 221–229.
2. Дерюгин Р. А. К вопросу об использовании получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в качестве самостоятельной тактической операции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 1–2. – С. 70–75.
3. Комаров И. М. Еще раз к вопросу о признаках следственного действия и системе следственных действий в отечественном уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 4 (83). – С. 88–96.
4. Лапин Е. С. О некоторых актуальных вопросах производства следственного осмотра // Эксперт-криминалист. – 2022. – № 2. – С. 33–36.
5. Меремьянина О. В. «Новое» в системе следственных действий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2014. – № 4 (17). – С. 30–36.
6. Халили У. Д. Понятие следственных действий и их место в системе процессуальных действий // Правовестник. – 2018. – № 6 (8). – С. 17–24.
7. Шурухнов Н. Г. Особенности действий, проводимых в процессе судебного разбирательства, и их отличия от следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 5. – С. 125–129.

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях. Оригинальность текста должна быть более 80%.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки. Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см. Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
 - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
 - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
 - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
 - статьи из периодических изданий;
 - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
 - материалы конференций;
 - монографии.
 - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных сносок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового

номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].

8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.

9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.

11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.

12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.

Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.